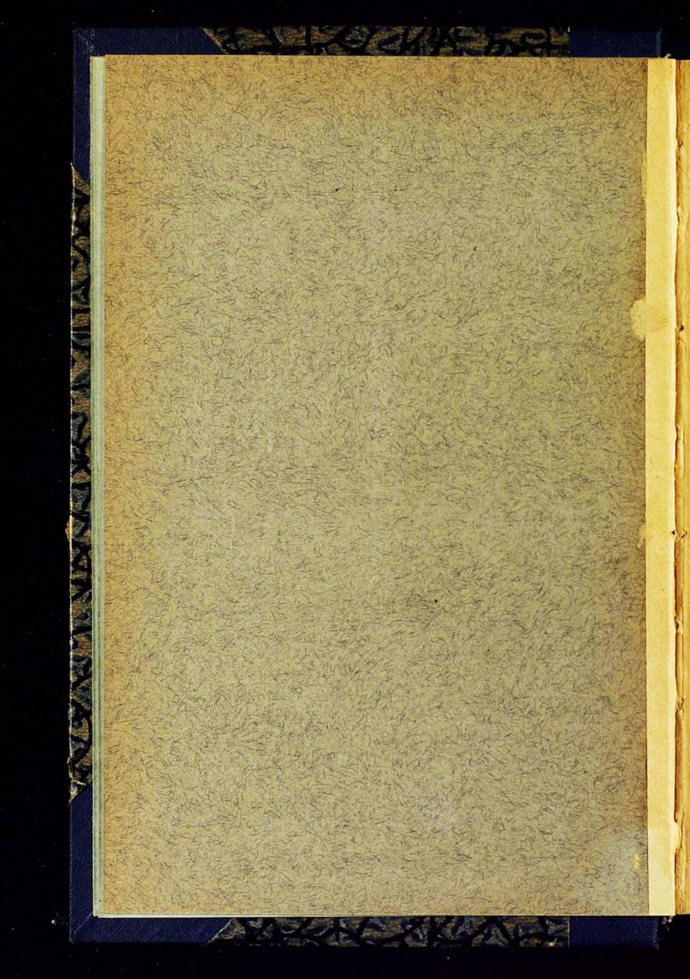
А. П. РОДЗЯНКО.

ВОСПОМИНАНІЯ О СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМІИ.

Берлинъ 1921 г.

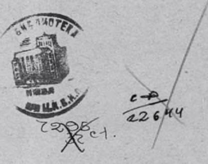

Воспоминанія о Сѣверо-Западной арміи

А. П. Родзянко

Берлинъ · Май 1920 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящія „записки“ являются моими воспоминаніями. Онѣ написаны по пріѣздѣ моемъ въ Берлинъ и окончены въ концѣ мая прошлаго (1920) года. Онѣ могли бы быть гораздо полнѣе и могли бы болѣе подробно освѣтить дѣйствія начальствующихъ лицъ и отдѣльныхъ частей арміи, если бы я имѣлъ подъ рукою необходимый матеріалъ. Тѣ матеріалы, которые я имѣлъ, я приложилъ къ этой книгѣ. Не желая, чтобы настоящія записки могли имѣть какое нибудь вліяніе на отношеніе общества къ бѣлымъ организаціямъ, пока онѣ дѣйствовали, я приступилъ къ изданію этихъ воспоминаній только послѣ ликвидаціи всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ.

Я не политикъ и во время исполненія мною обязанностей командующаго арміей занимался политическими вопросами лишь постолько, посколько они были неразрывно связаны съ военными дѣйствіями; поэтому я и не вдаюсь въ оцѣнку политической стороны касавшихся нашей арміи дѣйствій Антанты.

Дать точное и объективное изложеніе фактовъ, такова задача настоящей книги, въ этомъ, смѣю думать, ея значеніе, въ этомъ же и оправданіе появленія ея въ печати.

А. Родзянко.

Берлинъ 1921 г.

Глава I-ая.

Въ августѣ 1918 года я вернулся изъ Германіи, куда я попалъ по занятіи нѣмцами Пскова, и поселился въ Ригѣ, куда въ то время приходили лишь неясныя свѣдѣнія о бѣлогвардейскихъ формированіяхъ на Югѣ Россіи и въ Сибири. Трудно было опредѣлить и предугадать, къ чему поведутъ эти формированія, тѣмъ болѣе, что война на Западѣ еще продолжалась. Мое личное мнѣніе склонялось къ тому, что нѣмцы войну проиграютъ; главную причину такого исхода я видѣлъ въ сношеніяхъ Германіи съ большевиками и въ томъ, что власти ихъ и командный составъ совершенно не понимали, какую роль могутъ сыграть большевистскіе агитаторы въ ихъ усталой отъ войны арміи въ случаѣ неудачи на фронтѣ.

Въ моментъ моего прибытія въ Ригу, нѣмцы въ Прибалтійскомъ Краѣ занимали фронтъ: р. Нарова, Нарва, Псковъ, при чемъ между ними и большевиками была обозначена нейтральная зона; но уже было достигнуто соглашеніе съ большевистскимъ правительствомъ, по которому Германскія войска должны были очистить гор. Псковъ и нѣкоторую часть Эстляндіи. Уходя, нѣмцы разсчитывали создать въ отдаваемыхъ областяхъ противобольшевистскую организацію. Впервые я услышалъ объ этомъ предположеніи совершенно случайно въ Ригѣ около половины сентября и, конечно, заинтересовался имъ, но получить болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ начинаніяхъ въ Ригѣ мнѣ не удалось, а потому въ началѣ октября, когда формированія въ Псковѣ уже ясно обозначились, я рѣшилъ, чтобы получить болѣе подробныя данныя и составить себѣ личное мнѣніе о серьезности начинаній, проѣхать въ Псковъ, для чего и испросилъ надлежащія визы. Германскія власти отнеслись къ моему желанію весьма предупредительно, и я отправился въ Псковъ безъ всякихъ задержекъ, какъ теперь помню, въ офицерскомъ вагонѣ, при чемъ всѣ спутники мои относились ко мнѣ весьма любезно; сопровождалъ меня капитанъ Гершельманъ.

Незадолго до моего отъѣзда въ Псковъ, въ Ригѣ и другихъ городахъ Прибалтійскаго Края (насколько помнится въ Либавѣ, Митавѣ, Юрьевѣ и Ревелѣ) были открыты вербовочныя бюро Псковской Арміи, которыя вели регистрацію офицеровъ и солдатъ, и по мѣрѣ возможности, переправляли ихъ въ Псковъ.

Во главѣ Псковской Арміи временно былъ генералъ Вандамъ, но носились слухи, что командовать ею будетъ генералъ-отъ-кавалеріи графъ Келлеръ, съ которымъ, якобы, уже велись по этому поводу переговоры. Наконецъ были получены въ Ригѣ свѣдѣнія, что часть красныхъ, подъ командой Балаховича, перешла въ Псковъ. Вообще казалось, что Псковское формированіе, такъ какъ, въ немъ безусловно были заинтересованы нѣмцы, не будетъ имѣть оттѣнка авантюры. Необходимо отмѣтить здѣсь, что къ моменту моего выѣзда въ Псковъ началось сильное наступленіе на Германію на западномъ фронтѣ.

Пріѣхавъ въ Псковъ и остановившись у ротмистра Розенберга, я быстро разочаровался въ своихъ надеждахъ найти что нибудь реальное въ Псковскихъ формированіяхъ: я радовался, попавъ въ чисто русскій городъ, но то, что я увидѣлъ въ немъ, было весьма печально. Поѣздъ пришелъ рано; оставивъ вещи у ротмистра Розенберга, я пошелъ по улицамъ и встрѣтилъ много какъ солдатъ, такъ и офицеровъ вновь формирующихся частей. Старый кадровый офицеръ, всю жизнь проведшій въ строю, часто уже по первому впечатлѣнію можетъ опредѣлить, что можно сдѣлать изъ даннаго солдата и какого формированія можно ожидать, имѣя тотъ или иной живой матеріалъ, и это первое впечатлѣніе рѣдко бываетъ ошибочнымъ: разнузданнаго, ободраннаго, невоинскаго вида солдатъ и офицеровъ, попадавшихся мнѣ навстрѣчу, было совершенно достаточно для того, чтобы я сразу же рѣшилъ, что Псковское формированіе есть не болѣе, какъ авантюра. Шатающіеся по городу офицеры были, повидимому, люди ничѣмъ не занятые; во многихъ магазинахъ за прилавками я видѣлъ приказчиковъ, одѣтыхъ въ офицерскую форму. Еще болѣе я убѣдился въ правильности своего перваго неблагопріятнаго впечатлѣнія, когда пришелъ въ штабъ: главную роль тамъ играли молодые нѣмецкіе офицеры, прикомандированные къ Германскому Генеральному Штабу, но производившіе далеко не солидное впечатлѣніе: на самые простые вопросы отвѣты давались весьма сбивчивые и никто болѣе или менѣе ясной картины положенія дать мнѣ не могъ; несомнѣнно было лишь одно, что никто ничего толкомъ не знаетъ. Вернувшись изъ штаба, я опредѣленно рѣшилъ, что начало формированія не серьезное, и что я въ этой Арміи служить не буду. Но рѣшеніе судьбы, какъ показало будущее, не всегда совпадаетъ съ рѣшеніями людей

На слѣдующій день я вернулся въ Ригу. Уже ранѣе я предполагалъ ѣхать на Украйну или въ Армію Ген. Дени-

кина и предпринялъ шаги къ полученію необходимыхъ визъ, но разрѣшенія не приходили и мнѣ пришлось задержаться въ Ригѣ. Тѣмъ временемъ состоялся отъѣздъ изъ Берлина большевистскихъ представителей, замѣшанныхъ и уличенныхъ въ пропагандѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно, что нѣмцы не въ состояніи выдержать натиска союзниковъ на Западѣ. Событія пошли чрезвычайно быстро и, вслѣдъ за разгромомъ на фронтѣ нѣмецкой арміи, въ Германіи разразилась революція, которая въ Ригѣ прошла довольно мирно.

Что война всѣмъ надоѣла, всѣхъ утомила и что побудить войска къ дальнѣйшей борьбѣ является невозможнымъ— въ этомъ теперь уже никто болѣе не сомнѣвался. Появились солдатскіе совѣты и хотя въ нихъ и участвовали офицеры, но не было сомнѣнія, что разложеніе Германской арміи началось, и что нѣтъ той силы, которая могла бы его остановить. Конечно, революція въ нѣмецкой арміи протекала гораздо болѣе планомѣрно, чѣмъ въ свое время въ русской. Кстати сказать, красныхъ флаговъ я нигдѣ у нѣмцевъ не видѣлъ.

Латыши, вскорѣ послѣ революціи въ Германіи, объявили себя республикой, на городскихъ улицахъ появились кое-гдѣ бѣлые и красные флаги, гдѣ то засѣдало какое то правительство, но по крайней мѣрѣ въ то время, когда я находился въ Ригѣ, какъ то никто его существованія не замѣчалъ и на жизни самого города оно никакъ не сказывалось. Во все время оккупаціи вся власть фактически была въ рукахъ нѣмецкаго командованія. Командованіе это, конечно, хорошо относилось къ прибалтійскому дворянству, но въ то же время заигрывало и съ латышами. Къ моменту моего возвращенія въ Ригу стало ясно, что нѣмцы, благодаря нажиму на Западѣ и общему политическому положенію, не въ состояніи дольше удерживаться въ Прибалтикѣ, тѣмъ болѣе, что большинство нѣмецкихъ солдатъ, возбужденные революціей, откровеннѣйшимъ образомъ высказывали совершенно опредѣленное желаніе какъ можно скорѣй вернуться домой. Но, уходя, нѣмцы не желали совершенно утратить своего вліянія въ Прибалтикѣ, а потому рѣшили сформировать противобольшевистскія организаціи, поддерживая которыя они могли бы вліять на настроенія и на внутреннюю жизнь страны. Среди солдатъ оккупаціонныхъ войскъ нашлось довольно много такихъ, которые не пожелали возвращаться домой; они были сведены въ особую дивизію, получившую наименованіе „Желѣзной“ и оставшуюся подъ нѣмецкимъ командованіемъ въ Прибалтикѣ и послѣ эвакуаціи. Всѣмъ офицерамъ, бывшимъ на русской регулярной службѣ, было предложено нѣмецкимъ командованіемъ собраться для сформированія особыхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Началась запись, причемъ русскіе, латышскіе и прибалтійскіе офицеры записывались отдѣльно. Съ согласія нѣмецкаго командованія и латышскаго правительства въ Ригѣ въ началѣ Ноября состоялось общее

собраніе офицеровъ. На собраніи этомъ сразу же выяснилось, что изъ предполагаемаго формированія врядъ ли выйдетъ что либо серьезное, т. к. съ мѣста же начали разгораться національныя страсти; дѣло могло бы имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если бы національная рознь была забыта. Собраніе офицеровъ приняло рѣшеніе формировать три отдѣльныхъ стрѣлковыхъ баталіона: русскій, латышскій и прибалтійскій. Хотя, какъ я уже сказалъ, я и вынесъ изъ собранія такое впечатлѣніе, что изъ начинающагося формированія ничего серьезнаго не выйдетъ, — я все же согласился послѣ долгихъ уговоровъ всѣхъ собравшихся, принять на себя общее командованіе всѣми тремя баталіонами, имѣя въ виду помочь формируемой во Псковѣ арміи, въ случаѣ натиска на нее со стороны большевиковъ. Соглашаясь на формированіе баталіоновъ, я поставилъ условіемъ полученіе на это формальнаго согласія Германскаго командованія; если не ошибаюсь, на слѣдущій же день мною были получены соотвѣтственныя полномочія въ письменной формѣ и къ моему Штабу былъ прикомандированъ офицеръ изъ Германскаго Штаба. (Прилож. № 1).

Между тѣмъ въ Ригѣ стала замѣтна усиливающаяся съ каждымъ днемъ большевистская пропаганда. Велась она повсюду. Шли летучіе митинги, разбрасывались прокламаціи, по вечерамъ на окраинахъ города шла частая ружейная стрѣльба, какими то неизвѣстными лицами пускались ракеты; однимъ словомъ, дѣлалось все для того, чтобы обыватель не чувствовалъ себя спокойно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ полученія мною полномочій отъ Германскаго командованія на формированіе стрѣлковыхъ баталіоновъ, я рѣшилъ поѣхать въ Псковъ дабы вступить въ связь съ формировавшейся тамъ Сѣверной Арміей для объединенія дѣйствій въ будущей борьбѣ съ большевиками. Для осуществленія этой связи я рѣшилъ, въ случаѣ надобности, вступить въ ряды Сѣверной Арміи. Къ этому времени Командующій Сѣверной Арміей генералъ Вандамъ и Начальникъ Штаба Арміи генералъ Малявинъ покинули свои посты и командованіе Арміей принялъ на себя полковникъ Нефъ, пригласившій Начальникомъ Штаба ротмистра Розенберга. Пріѣхавъ въ Псковъ 22-го Ноября, я увидѣлъ тамъ полный сумбуръ: что то дѣлалось, формированіе велось, но съ одной стороны было совершенно очевидно, что нѣмецкіе солдаты не имѣютъ никакого желанія драться съ большевиками, а съ другой стороны русская Армія была еще совершенно несформирована и къ борьбѣ не готова. Тѣ нѣсколько тысячъ плохо вооруженныхъ и плохо одѣтыхъ людей, которыхъ удалось собрать, занимали колоссальный фронтъ отъ Рѣжицы до Пскова и въ то же время держали Талабскіе острова.

Переговоривъ съ Командующимъ Арміей полковникомъ Нефъ о Псковскихъ и Рижскихъ формированіяхъ, я получилъ

отъ него полное согласіе на принятіе мною командованія стрѣлковыми баталіонами въ Ригѣ; кромѣ того, полковникъ Нефъ поручилъ мнѣ вступить въ переговоры съ англичанами, ежели таковые переговоры окажутся возможными. (Приложеніе №№ 2 и 3). Слухи о прибытіи англійской эскадры и объ оказаніи Союзниками военной помощи носились какъ въ Ригѣ, такъ и въ Псковѣ, при чемъ говорили, что прибудетъ не только флотъ, но и дессантъ. Для подробнаго ознакомленія съ финансовымъ положеніемъ Сѣверной Арміи, я пригласилъ проѣхать со мной въ Псковъ Г-на Лампе, который на мое предложеніе любезно согласился.

Къ этому времени, благодаря революціи въ Германіи, нѣмецкое командованіе отказало въ выдачѣ Сѣверной Арміи необходимыхъ суммъ, которыя до той поры выплачивались; впрочемъ, въ послѣдній моментъ на нужды Арміи были переданы два милліона остъ-рублей; эти деньги являлись послѣдними, которыми Армія располагала. Кромѣ денегъ нѣмецкое командованіе перестало поддерживать Сѣверную Армію какъ снаряженіемъ, такъ и снабженіемъ. Оккупаціонная Германская Армія въ этотъ періодъ сильно напоминала нашу русскую армію временъ Керенскаго: нѣмецкіе солдаты продавали ружья, револьверы и даже пулеметы, власть вышла изъ рукъ начальства, офицеры лишились всякого авторитета, функціонировали солдатскіе комитеты и всюду царилъ хаосъ. Были установлены случаи сношенія германскихъ солдатскихъ комитетовъ съ большевиками.

Г. Лампе, подробно ознакомившись съ финансовымъ положеніемъ Псковскаго Сѣвернаго Корпуса, передалъ мнѣ, что онъ считаетъ положеніе его критическимъ, несмотря на то, что Штабъ Арміи выпустилъ свои кредитные билеты пятидесяти-рублеваго достоинства (деньги эти получили названіе „Вандамокъ,“ причемъ кредитки эти, какъ мнѣ передавали, населеніемъ принимались весьма охотно.

Въ городѣ была организована самооборона и многіе жители были вооружены, при чемъ, по слухамъ, много оружія попало въ руки большевистскихъ агитаторовъ; организаціей самообороны завѣдывалъ комендантъ города полковникъ Штейнъ.

Закончивъ всѣ переговоры, получивъ полное согласіе командующаго Арміей на формированіе въ Ригѣ баталіоновъ и всѣ необходимые документы, я 24-го рѣшилъ вернуться въ Ригу. Поѣздъ отходилъ въ 12 час. дня. Рано утромъ мы съ Г-мъ Лампе были разбужены звономъ Псковскихъ колоколовъ; помню, какъ сейчасъ, я обратился къ своему спутнику со слѣдующими словами: „Врядъ ли эти колокола будутъ звонить еще нѣсколько дней“. Къ сожалѣнію, я оказался правъ.

Среди другихъ, встрѣтился я въ Псковѣ и съ ротмистромъ Булакъ-Балаховичемъ. Балаховича я зналъ давно; во время Германской войны я встрѣчалъ его въ Ригѣ, а

ближе познакомился съ нимъ уже послѣ революціи во время нашего отступленія. Помню слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто послѣ отступленія отъ Риги, когда 17-ая Кавалерійская дивизія должна была подъ Зегевольдомъ совмѣстно съ 5-й Кавалерійской дивизіей и ударными группами прикрывать отступленіе всей 12-ой Арміи и дать ей возможность сосредоточиться и устроиться на позиціяхъ у ст. Рамоцкое. Я въ то время командовалъ 1-ой бригадой 17-й Кавалерійской дивизіи. Однажды вечеромъ ко мнѣ прибылъ штабсъ-ротмистръ, отрекомендовавшійся начальникомъ партизанскаго отряда, бывшаго ранѣе подъ командой офицера партизана Пунина, и доложилъ, что онъ съ нѣсколькими людьми отбился отъ отряда и проситъ разрѣшенія присоединиться ко мнѣ. Я согласился. Положеніе наше въ этотъ вечеръ было довольно тяжелое и, имѣя лишь небольшое количество спѣшенныхъ людей, я не могъ выдѣлить достаточно народу для развѣдки. Штабсъ-ротмистръ Балаховичъ былъ сильно возбужденъ и разсказывалъ мнѣ, въ присутствіи ординарца моего, штабсъ-ротмистра Олега Баннеръ-Фогтъ, самыя необыкновенныя исторіи о великихъ геройскихъ подвигахъ, имъ совершенныхъ. Сильно усталый я посовѣтывалъ штабсъ-ротмистру Балаховичу лечь отдохнуть, а на утро показать свою удаль, произведя вмѣстѣ со своими людьми развѣдку, при чемъ задачу я хотѣлъ дать ему съ разсвѣтомъ, послѣ выясненія обстановки.

Вставъ на слѣдующій день еще до восхода солнца, я приказалъ призвать къ себѣ штабсъ-ротмистра Балаховича, но оказалось, что его уже и слѣдъ простылъ. Черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ его въ Штабѣ 5-ой Кавалерійской дивизіи, при чемъ видъ у него былъ весьма смущенный. Случай этотъ подорвалъ у меня всякое довѣріе къ штабсъ-ротмистру Балаховичу, и, встрѣтившись съ нимъ въ Псковѣ, я отнесся весьма подозрительно ко всѣмъ его разсказамъ.

Штабсъ-ротмистръ Балаховичъ, очевидно, уже по прибытіи его въ Псковъ, окружилъ себя совершенно случайными людьми, которые, изъ личныхъ соображеній, дѣлали кругомъ него шумиху, пытаясь создать ему громкое имя, и къ моменту его пріѣзда онъ уже игралъ въ Псковѣ нѣкоторую роль.

Скажу нѣсколько словъ о партизанахъ вообще. Во время Германской войны командуемая мною часть одно время стояла близко отъ такъ называемаго Пунинскаго партизанскаго отряда. Составъ этого отряда былъ дѣйствительно лихой, было въ немъ много смѣлыхъ людей, но сбродъ былъ страшный. У насъ, своихъ сосѣдей, партизаны старались украсть все, что возможно, такъ что даже наши части вели съ ними перестрѣлки. Все, что я видѣлъ въ Германскую кампанію, утвердило меня въ томъ мнѣніи, что учрежденіе партизанскихъ отрядовъ во время войны положительныхъ результатовъ никогда не давало.

При смѣломъ, энергичномъ начальникѣ любой эскадронъ можетъ исполнить тѣ же задачи, что и партизанскій отрядъ и не хуже его. Формированіе же партизанскихъ отрядовъ только развращало людей: въ Арміи установился взглядъ, что партизаны—это люди, которымъ разрѣшено разбойничать и грабить, а это весьма плохой примѣръ для другихъ частей. Забылъ сказать еще объ одномъ офицерѣ, съ которымъ я познакомился во Псковѣ и который своею скромностью и отсутствіемъ разсказовъ о необыкновенныхъ геройскихъ подвигахъ выгодно отличался отъ штабсъ-ротмистра Булакъ-Балаховича—это былъ Начальникъ Внѣшней Обороны гор. Пскова, Георгіевскій кавалеръ, капитанъ Микоша, произведшій на меня самое пріятное впечатлѣніе.

24-го, составивъ себѣ ясную картину положенія Пскова и договорившись съ полковникомъ Нефъ о формированіи стрѣлковыхъ баталіоновъ, я выѣхалъ обратно въ Ригу. Вмѣстѣ со мной вернулся Г. Лампе.

Вернувшись въ Ригу, я направился въ канцелярію вновь формирующихся частей, гдѣ узналъ, что командующимъ формируемыми баталіонами за время моего отсутствія былъ назначенъ какой то нѣмецкій маіоръ. Это обстоятельство окончательно убѣдило меня въ томъ, что изъ новыхъ Рижскихъ формированій ничего путнаго не выйдетъ, тѣмъ болѣе, что назначеніе нѣмецкаго маіора порывало только что налаженную мною связь съ Сѣверной Арміей, а потому я рѣшилъ немедленно отъ командованія отказаться. Узнавъ о моемъ рѣшеніи, командующій нѣмецкимъ баталіономъ полковникъ Фрейтагъ-Лорингофенъ долго уговаривалъ меня остаться, но доводы его меня не поколебали. Сдавъ командованіе баталіонами, я съѣздилъ къ барону ландъ-маршалу Пиларъ-фонъ Пильхау, къ латышскому военному министру г. Залитъ и къ нѣмецкому маіору Генеральнаго Штаба Тресковъ и всѣмъ имъ говорилъ, что считаю положеніе Пскова настолько критическимъ, что если немедленно не будутъ предприняты шаги къ объединенію всѣхъ частей, формирующихся въ Прибалтикѣ и въ Псковѣ, то паденіе его, Пскова, неизбѣжно, послѣ чего неминуемо и паденіе Риги. Изъ всего мною видѣннаго я вынесъ совершенно опредѣленное впечатлѣніе, что нѣмцы, при создавшемся положеніи, никакого сопротивленія оказать не смогутъ. Въ этихъ разговорахъ я особенно напиралъ на то, что считаю совершенно необходимымъ бросить всякую національную рознь и всякія національныя вопросы и всѣмъ какъ можно скорѣе объединиться. Не успѣлъ я вернуться послѣ этихъ разговоровъ къ себѣ въ гостинницу „Римъ", какъ было получено извѣстіе, что Псковъ сильно обстрѣливается; извѣстіе это привезъ офицеръ, выѣхавшій со слѣдующимъ, послѣ меня, поѣздомъ. Къ вечеру того же дня пришло извѣстіе, что Псковъ оставленъ и Сѣверная Армія отступаетъ по направленію къ Изборску.

Черезъ день или два начали появляться бѣженцы изъ Пскова и среди нихъ много офицеровъ и солдатъ. Однимъ изъ первыхъ прибылъ Начальникъ Штаба Сѣверной Арміи ротмистръ Розенбергъ съ женой и частью Штаба, что, признаться, меня очень удивило.

Казалось, что послѣ паденія Пскова все и всѣ должны были объединиться для борьбы съ большевиками, для защиты Риги. Мною, совмѣстно съ нѣсколькими русскими дѣятелями г. Риги, были предприняты шаги въ этомъ направленіи; было у насъ въ зданіи 2-го Кредитнаго Общества нѣсколько засѣданій, на которыя были приглашены представители латышей и Прибалтійскихъ нѣмцевъ, но всѣ эти засѣданія ни къ чему не привели, если не считать передачи нѣсколькихъ тысячъ рублей на нужды бѣжавшихъ изъ Пскова офицеровъ и солдатъ Сѣверной Арміи. Всюду, гдѣ только могъ, я постоянно указывалъ и настаивалъ на томъ, что если немедленно всѣмъ не сплотиться и не начать общей борьбы съ большевиками, то Рига должна неминуемо пасть.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Ригу Командующій Сѣверной Арміей полковникъ Нефъ съ тою же цѣлью объединить Сѣверную Армію съ Рижскими организаціями. Но и ему никакихъ положительныхъ результатовъ добиться не удалось и онъ рѣшилъ ѣхать въ Ревель попробовать сговориться съ вновь образованнымъ Эстонскимъ правительствомъ. Сѣверная Армія въ это время находилась въ раіонѣ Валкъ—Юрьевъ; налаженной связи съ ней не было, и о существованіи ея по Ригѣ ходили лишь смутные слухи.

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Ревель, полк. Нефъ подчинилъ мнѣ всѣхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ, находившихся въ Ригѣ, и просилъ принять мѣры къ скорѣйшей отправкѣ ихъ въ Армію въ свои части (Приложеніе № 4). Я энергично принялся за выполненіе полученнаго порученія, но скоро убѣдился, что выполнить его почти невозможно: за малыми исключеніями никто въ Армію возвращаться не желалъ, и офицеры пускались на всякія уловки и придумывали всякіе предлоги, чтобы избѣжать отправки туда. Чтобы побудить офицеровъ ѣхать, я переговорилъ съ Нѣмецкимъ Командованіемъ и настоялъ на закрытіи устроеннаго въ Ригѣ офицерскаго общежитья, но и эта мѣра мало помогла.

Вскорѣ по пріѣздѣ полк. Нефъ въ Ревель, я получилъ отъ него извѣстіе, что переговоры съ Эстонскимъ правительствомъ идутъ удачно. Въ томъ же письмѣ полк. Нефъ просилъ меня переговорить съ Латвійскомъ правительствомъ объ отводѣ Сѣверной Арміи къ Ригѣ; безъ особаго труда мнѣ удалось получить на это принципіальное согласіе какъ латышскихъ, такъ и германскихъ властей. Въ десятыхъ числахъ Декабря пришло извѣстіе, что въ Либаву должна прибыть англійская эскадра. Въ Либавѣ уже находился отъ арміи офицеръ для связи. Черезъ этого офицера я получилъ сообщеніе, что англійскій адмиралъ Синклеръ проситъ меня

прибыть въ Либаву для переговоровъ. Я выѣхалъ въ тотъ же день вмѣстѣ съ ротмистромъ Кавалергардскаго полка Свѣтлѣйшимъ княземъ Ливеномъ, съ которымъ я составилъ для англичанъ подробный докладъ о положенiи дѣлъ въ Прибалтикѣ (Прилож. № 5). Въ Либавѣ мы англiйскаго флота уже не застали: онъ, минуя Ригу, направился въ Ревель, но узнали, что адмиралъ Синклеръ черезъ два дня долженъ вернуться въ Либаву. Въ ожиданiи адмирала я переговорилъ съ Германскимъ Командованiемъ и съ латышскимъ городскимъ головою г. Берзинымъ и получилъ согласiе ихъ на переводъ Сѣверной Армiи въ раіонъ ст. Муравьево. Черезъ два дня англiйская эскадра вернулась, и я, вмѣстѣ съ ротм. Св. кн. Ливенъ, отправился на крейсеръ къ адмиралу Синклеру. Ознакомивъ адмирала во всѣхъ подробностяхъ съ положенiемъ въ Прибалтикѣ и Ригѣ, мы указали ему, что положенiе весьма серьезно и, что при создавшихся условiяхъ большевики безъ особыхъ усилiй въ ближайшемъ времени могутъ занять Ригу, и настоятельно просили его о помощи. Съ командующимъ Сѣверной Армiей полк. Нефъ адмиралъ Синклеръ уже имѣлъ бесѣду въ Ревелѣ; насъ же онъ внимательно выслушалъ, взялъ нашъ докладъ и карты, но никакого опредѣленнаго отвѣта намъ не далъ. У насъ осталось такое впечатлѣнiе, что адмиралъ скорѣе былъ склоненъ вести переговоры съ Латышскимъ правительствомъ, чѣмъ съ нами, и мы ушли отъ него неудовлетворенные, такъ и не выяснивъ общаго положенiя вещей. Въ этотъ же вечеръ я выѣхалъ обратно въ Ригу.

За наше отсутствiе настроенiе въ Ригѣ и вѣсти съ фронта стали еще болѣе тревожными. Я вновь получилъ отъ полк. Нефъ предложенiе устроить армiю въ Ригѣ.

Ротмистръ Розенбергъ, несмотря на приказанiе Командующаго Армiей явиться къ нему, остался въ Ригѣ и велъ съ нѣмцами, очевидно безрезультатно, переговоры. Я указалъ ему, что его обязанность, какъ Начальника Штаба, находиться при Армiи, но и на фронтъ онъ ѣхать отказался. Онъ повидимому, былъ слишкомъ связанъ своей женой и какими-то денежными операцiями. Послѣ этого отношенiя у меня съ нимъ сильно обострились или, вѣрнѣе, я просто пересталъ съ нимъ разговаривать, заявивъ ему въ лицо, въ совершенно категорической формѣ, что считаю его преступникомъ.

Между тѣмъ становилось совершенно ясно, что Рига не устоитъ. Изъ Армiи было получено донесенiе, что большевики наступаютъ въ направленiи на Юрьевъ и пока еще не провѣренное донесенiе о занятiи ими Валка. Большевистская агитацiя въ Ригѣ продолжалась и были признаки того, что она пользуется большимъ успѣхомъ; настроенiе съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе тревожнымъ.

Хотя нѣмцы и увѣряли, что Ригу они не отдадутъ, но въ ихъ войскахъ никакого желанiя драться съ большевиками замѣтно не было. На Латышскiя войска совсѣмъ нельзя

было разсчитывать, исключая небольшую часть, составленную изъ Латышской интеллигенціи. Русскій баталіонъ былъ тоже чрезвычайно слабаго состава. Единственная опора были Прибалтійскія части, носившія наименованіе „ландесвера". Эти части, сравнительно съ другими, были нѣмцами гораздо лучше снабжены и вооружены и элементъ, изъ котораго онѣ состояли, былъ гораздо болѣе высокаго качества. Но онѣ были слишкомъ малочислены для того, чтобы успѣшно бороться съ большевиками и дать имъ надлежащій отпоръ.

Что касается „Желѣзной Дивизіи", — то въ это время она собой реальной силы не представляла, да и настроеніе въ ней было такое, что не было твердой увѣренности въ томъ, что она дѣйствительно станетъ драться съ большевиками. Большевистская агитація между тѣмъ росла и росла. Никакихъ серьезныхъ мѣръ противъ нея не предпринималось и большевисткіе агенты обнаглѣли до того, что не только открыто показывались на улицахъ, но и спокойно завтракали и обѣдали въ ресторанахъ. Ночная стрѣльба участилась, и опять по вечерамъ на окраинахъ города неизвѣстными лицами пускалось большое количество ракетъ. Настроеніе становилось все болѣе нервнымъ, несмотря на то, что среди горожанъ упорно циркулировали слухи о помощи, которую окажутъ англичане.

По этому поводу я нѣсколько разъ былъ у англійскаго консула Бозенкейта, и онъ категорически заявилъ мнѣ, что англичане никакой реальной силы не пришлютъ, и флотъ ихъ участія въ защитѣ города не приметъ, а потому оборону надо организовать мѣстными средствами. Опредѣленно зная, что мѣстныхъ средствъ для защиты города совершенно недостаточно я былъ совершенно увѣренъ въ скоромъ паденіи Риги. Латышское Правительство само чувствовало свое безсиліе, что для меня стало особенно яснымъ послѣ моего вторичнаго разговора съ военнымъ министромъ Залитъ и чинами его штаба. Германскимъ Командованіемъ было собрано совѣщаніе, въ которомъ участвовали русскіе, нѣмцы и латыши. Никакого опредѣленнаго рѣшенія на этомъ совѣщаніи принято не было, и послѣ него я окончательно убѣдился въ необходимости покинуть Ригу, что рѣшилъ сдѣлать верхомъ вмѣстѣ съ женой и двумя офицерами шт.-ротмистрами Баннеръ-Фоггъ. Въ это время пріѣхалъ офицеръ Баронъ Корфъ отъ полковника Бибикова, который временно замѣнялъ полк. Нефъ, все еще не вернувшагося изъ Ревеля, гдѣ онъ велъ переговоры съ Эстонскимъ правительствомъ (Приложеніе № 6). Этотъ оифцеръ доложилъ, что Валкъ занятъ большевиками, и что Сѣверная Армія частью сражается у Юрьева, тоже взятаго большевиками, а частью у мѣст. Руена. Такимъ образомъ оказывалось, что Сѣверная Армія отрѣзана отъ Риги. Вслѣдъ за офицеромъ, командированнымъ полк. Бибиковымъ, каждый день стали являться бѣглецы, которые докладывали,

что положеніе все ухудшается, и большевики наступаютъ довольно значительными силами.

Я предложилъ еще разъ всѣмъ офицерамъ и солдатамъ поступить въ Рижскій Русскій Стрѣлковый баталіонъ, а для опредѣленно нежелавшихъ туда поступить, началъ хлопотать объ отправкѣ въ Либаву, что мнѣ и удалось. Ближайшимъ моимъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ капитанъ Гершельманъ, который и отправился съ группой офицеровъ въ Либаву.

Большевики все приближались къ Ригѣ, а когда были заняты Зегевольдъ и Хинценбергъ — я рѣшилъ, что ждать больше нечего и пора уѣзжать, тѣмъ болѣе, что считалъ весьма вѣроятнымъ внутреннее возстаніе въ самой Ригѣ.

29-го Декабря я вмѣстѣ съ женой и шт.-ротмистрами братьями Баннеръ-Фогтъ двинулся въ сопровожденіи двухъ повозокъ черезъ Маіоренгофъ, Туккумъ и Гольдингенъ въ Либаву. Несмотря на морозъ, путешествіе было пріятное и обошлось безъ всякихъ инцендентовъ; останавливались у помѣщиковъ и все путешествіе носило скорѣе характеръ прогулки. Въ Маіоренгофѣ сдѣлали дневку. Между прочимъ, въ Маіоренгофъ пріѣхалъ ко мнѣ изъ Риги мой близкій личный другъ, голландецъ Лео Пельтенбургъ. Онъ пріѣхалъ на слѣдующій день и разсказалъ, что въ день нашего отъѣзда изъ Риги латышскій стрѣлковый баталіонъ отказался выступить противъ большевиковъ; балтійскому ландесверу было приказано разоружить латышей, что балтійцы и сдѣлали, но только послѣ того, какъ приказаніе это было подтверждено англійскимъ адмираломъ и англійскій флотъ получилъ приказаніе открыть огонь по бунтовщикамъ. Лео Пельтенбургъ послѣ нашего свиданія вернулся въ Ригу, гдѣ и оставался послѣ занятія города большевиками, до освобожденія города бѣлыми. Пельтенбургъ былъ голландскимъ консуломъ въ Ригѣ и ему, благодаря его оффиціальному положенію и энергіи, удалось спасти немало невинныхъ отъ разстрѣловъ. Нѣсколько человѣкъ изъ бунтовщиковъ латышей были приговорены къ разстрѣлу Военно-полевымъ судомъ. 5-го Января прибыли мы въ Либаву, гдѣ узнали, что Рига пала, причемъ въ паденіи ея значительную роль сыграло внутреннее выступленіе мѣстныхъ Рижскихъ большевиковъ. Одновременно съ извѣстіемъ о паденіи Риги было получено свѣдѣніе, что финны помогли эстонцамъ въ ихъ борьбѣ съ большевиками, и я рѣшилъ во что бы то ни стало попасть въ Ревель, хотя бы кружнымъ путемъ черезъ Германію, чтобы вступить въ ряды арміи для борьбы съ большевиками.

Тѣмъ временемъ въ Либавѣ мнѣ усиленно стали предлагать заняться формированіемъ русскаго отряда подъ верховнымъ нѣмецкимъ командованіемъ; я категорически отказался, не вѣря больше, послѣ Пскова и Риги, въ серьезность нѣмецкихъ предложеній.

Большевики послѣ занятія Риги продолжали наступленіе, оттѣснили бѣлыя части и „Желѣзную Дивизію“ отъ Митавы,

заняли Туккумъ и стали подходить къ Муравьеву. Прибалтійцы начали болѣе энергично организовываться и подъ командой нѣмецкихъ офицеровъ разсчитывали вести борьбу. Изъ латышей же въ Либаву пришелъ лишь одинъ небольшой отрядъ, не болѣе 300 штыковъ, и то составленный, главнымъ образомъ, изъ латышской интеллигенціи.

Незначительность этой цифры, въ сравненіи съ общимъ количествомъ латышскаго населенія (болѣе 3-хъ милліоновъ человѣкъ), было, конечно, очень характерно для настроенія латышскаго населенія.

Послѣ отказа моего принять русское формированіе на себя подъ Германскимъ Командованіемъ, во главѣ этого формированія сталъ Св. князь Ливенъ. Я же рѣшилъ привести въ исполненіе свой планъ поѣздки въ Ревель. По дорогѣ я остановился и прожилъ у гостепріимнаго хозяина Полангена Графа Тышкевича около недѣли, а также около недѣли провелъ въ Мемелѣ. Изъ Мемеля я послалъ въ Либаву одного изъ братьевъ Баннертъ-Фогтъ, который, вернувшись на слѣдующій день, сообщилъ, что въ Либаву пришелъ и на дняхъ возвращается обратно эстонскій пароходъ „Ваза". Чтобы использовать этотъ пароходъ я поспѣшно вернулся въ Либаву, гдѣ встрѣтилъ полковника гр. Палена и полк. Бибикова, которые тоже собирались ѣхать въ Ревель. Своихъ лошадей я забралъ съ собой на пароходъ.

Въ двадцатыхъ числахъ января мы вышли изъ Либавы и черезъ два дня благополучно прибыли въ Ревель.

Глава II-ая.

Уже на пароходѣ, отъ спутниковъ своихъ полковника графа Палена и полк. Бибикова я узналъ, что Сѣверная Армія, перейдя на территорію Эстляндіи, переформировывалась въ Сѣверный Корпусъ и что временно командуетъ имъ полковникъ Дзерожинскій, а на будущее время на постъ Командующаго Корпусомъ, генералъ Лайдонеръ, Главнокомандующій Эстонской Арміей, пригласилъ Генерала Арсеньева. Кромѣ того у полковника Бибикова были свѣдѣнія, что въ Гельсингфорсѣ находится генералъ Юденичъ, собирающійся начать какія то формированія въ Финляндіи.

Пріѣхавъ въ Ревель, я сейчасъ же явился къ Командующему Корпусомъ полк. Дзерожинскому и заявилъ ему, что прошу для пользы дѣла назначить меня на любую должность, хотя бы ротнымъ командиромъ, на что онъ отвѣтилъ, что первая же открывшаяся вакансія будетъ предоставлена мнѣ, а пока онъ проситъ меня оставаться въ его распоряженіи. Я, вмѣстѣ

съ полк. Графомъ Паленомъ, поселился на дачѣ Фритгеймъ. Оба брата Баннеръ-Фоггъ, прiѣхавшiе вмѣстѣ со мной, поступили въ конный отрядъ полк. Бибикова и отправились на Нарвскiй фронтъ.

То, что я узналъ въ Либавѣ относительно помощи финновъ эстонцамъ, оказалось правдой: на эстонскомъ противобольшевистскомъ фронтѣ находились, весьма успѣшно оперировавшiе, финскiе добровольческiе отряды.

Сѣверный Корпусъ въ это время состоялъ изъ коннаго отряда полк. Бибикова, Талабскаго отряда, отряда Шт.-капитана Данилова, Партизанскаго отряда подп. Балаховича, отряда подп. Бадендыка и еще нѣсколькихъ мелкихъ отрядовъ и былъ разбитъ на 2 части. Партизанскiй отрядъ Полк. Булакъ-Балаховича дѣйствовалъ на берегу Чудского озера между Мехикормомъ и островомъ Перрисаромъ (Корка), который недавно былъ занятъ отрядомъ Талабчанъ. На Нарвскомъ фронтѣ дѣйствовали партизанскiй отрядъ шт.-капитана Данилова и конный отрядъ полк. Бибикова. Черезъ нѣсколько дней на Нарвскiй фронтъ былъ отправленъ отрядъ подп. Бадендыка, при чемъ Эстонскiй Главнокомандующiй присутствовалъ, какъ на молебнѣ, такъ и на проводахъ его.

Въ это время прiѣхали изъ Гельсингфорса Князь Волконскiй, Генералъ Гулевичъ и г. Лiанозовъ. Шли какiе то переговоры между этой группой лицъ и Эстонскимъ Правительствомъ, сущность коихъ я не зналъ, но думаю, что кончились они неудачей, т. к. лица эти вскорѣ же уѣхали обратно въ Гельсингфорсъ. Вопросъ о Командующемъ Сѣвернымъ Корпусомъ такъ и остался открытымъ: Генералъ Арсеньевъ, еще до моего отъѣзда, побывавшiй въ Эстонiи, уѣхалъ обратно въ Гельсингфорсъ и болѣе не возвращался; очевидно были какiя то причины, намъ въ Ревелѣ неизвѣстныя, задерживавшiя его въ Финляндiи.

Отношенiе къ намъ, русскимъ, въ Эстонiи было скорѣй хорошее, хотя и было ясно, что вся борьба противъ большевиковъ основана на пробудившемся нацiональномъ чувствѣ и на стремленiи къ независимости. Отношенiе къ русскимъ офицерамъ было вполнѣ корректное и вѣжливое. По отношенiю лично ко мнѣ предупредительность эстонцевъ простиралась до того, что меня прiѣхалъ встрѣчать Командующiй морскими силами капитанъ Питка.

На фронтѣ шли незначительные бои. Активныхъ дѣйствiй большевики не предпринимали и настроенiе въ ихъ рядахъ, повидимому, было неважное, т. к. отдѣльные отряды добровольно часто переходили на сторону эстонцевъ, несмотря на то, что эстонцы раздѣвали и грабили переходившихъ и помѣщали ихъ въ концентрацiонные лагери. Вскорѣ послѣ прiѣзда, полк. Графу Палену было поручено осмотрѣть одинъ изъ подобныхъ лагерей, при чемъ онъ выяснилъ, что содержавшiеся въ немъ солдаты и офицеры отнюдь не большевики и держать ихъ въ лагерѣ является совершенно безсмыслен-

нымъ. По докладѣ объ этомъ ген. Лайдонеру, полк. графу Паленъ было поручено сформировать изъ находящихся въ лагерѣ баталіонъ, къ чему онъ немедленно и приступилъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда я былъ вызванъ на совѣщаніе старшихъ военныхъ чиновъ въ Ревелѣ. Вопросъ шелъ о появившемся въ Ревелѣ присяжномъ повѣренномъ Ивановѣ, который, очевидно, хотѣлъ сыграть въ Сѣверномъ Корпусѣ какую то роль и для этого сблизился съ подп. Булахъ-Балаховичемъ. Въ результатѣ совѣщанія было предложено мнѣ и полк. гр. Паленъ разобрать въ качествѣ судей дѣло по обвиненію присяжнаго повѣреннаго Иванова въ веденіи среди арміи вредной агитаціи. Личность присяжнаго повѣреннаго Иванова меня сильно заинтересовала, и я просилъ разрѣшенія съ нимъ переговорить, на что получилъ согласіе полк. Дзерожинскаго. Черезъ нѣсколько дней разговоръ мой съ Ивановымъ состоялся, причемъ Ивановъ говорилъ весьма разумно, высказалъ большую освѣдомленность, показалъ мнѣ программу какой то своей партіи (Практической народной партіи) (Приложеніе № 7), особенно напиралъ на необходимость признанія самостоятельности Эстоніи. Во многомъ я не могъ съ нимъ не согласиться. Помню, что подробно передавая этотъ разговоръ гр. Палену, я сказалъ, что ни для суда надъ Ивановымъ, ни для предъявленія къ нему какихъ либо серьезныхъ обвиненій не имѣется достаточныхъ данныхъ.

Между тѣмъ начали появляться признаки порчи отношеній между эстонцами и русскими. Доходили слухи, что ни Колчакъ, ни Деникинъ не желаютъ признавать независимость Эстоніи, что, конечно, дразнило эстонцевъ, которые, какъ я уже сказалъ, вели борьбу съ большевиками только въ надеждѣ на независимость. Ни Командующій Корпусомъ, ни Начальникъ Штаба полк. фонъ-Валь не хотѣли брать на себя отвѣтственности за признаніе независимости Эстоніи. На одномъ изъ засѣданій старшихъ чиновъ въ Ревелѣ, я заявилъ, что признаніе это является совершенно необходимымъ, если русскіе люди хотятъ въ борьбѣ своей съ большевиками опираться на Эстонію, и предлагалъ объявить объ этомъ, т. е. признаніи Сѣвернымъ Корпусомъ независимости Эстоніи, Эстонскому Правительству и Командованію. Полк. Дзерожинскій заявилъ, что въ принципѣ онъ со мной совершенно согласенъ, но что онъ не знаетъ, какъ посмотрятъ на это русскіе люди и, что поэтому онъ сдѣлаетъ Эстонскому Правительству такое заявленіе, какое найдетъ для себя, какъ для русскаго офицера, болѣе пріемлемымъ. Предполагалось выработать новый договоръ между Сѣвернымъ Корпусомъ и Эстонскимъ Правительствомъ.

Полковникъ Дзерожинскій и Полк. Валь ѣздили и дѣлали Правительству какія то предложенія, но въ чемъ онѣ заключались, я и до сихъ поръ не знаю. Было мнѣ очевидно только то, что лица эти не въ состояніи договориться съ эстонцами. Мнѣ казалось, что нужно договориться съ Эстонскимъ Правительствомъ до конца, такъ какъ иначе

въ дальнѣйшемъ отношенія должны были испортиться, хотя пока наружно онѣ оставались совершенно приличными.

Въ концѣ февраля Командующій Корпусомъ предложилъ мнѣ вступить въ командованіе Южной группой, состоящей изъ отряда Подполк. Булахъ-Балаховича; съ такой же просьбой обратились ко мнѣ и заправилы этого отряда. Я охотно согласился, тѣмъ болѣе, что отрядъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ кавалеріи. Здѣсь я впервые познакомился съ главными дѣйствующими лицами этого отряда: братьями Пермикиными, поручикомъ Видякинымъ, сотникомъ Аксаковымъ и др. Впечатлѣніе они произвели на меня людей весьма энергичныхъ и крѣпко между собою сплоченныхъ. Полк. Дзерожинскій преддожилъ мнѣ переименовать отрядъ въ „Псковскій Отрядъ", переформировать его и привести къ регулярному виду. Я обѣщалъ сдѣлать въ этомъ отношеніи все возможное. Къ отряду долженъ былъ присоединиться и отрядъ полк. Вѣтренко, набранный имъ въ лагерѣ военноплѣнныхъ. Передъ отъѣздомъ къ ввѣренному мнѣ отряду я заѣхалъ въ санаторію къ раненому шт. ротмистру Борису Пермикину, командовавшему Талабскимъ отрядомъ. Офицеръ этотъ произвелъ на меня самое хорошее впечатлѣніе; раненъ онъ былъ въ голову, но счастливо, слѣдовъ почти не осталось, несмотря на то, что пуля прошла черезъ обѣ щеки.

Въ концѣ февраля я выѣхалъ для принятія отряда въ командованіе, взявъ съ собой Начальника штаба отряда поручика Видякина, своего адъютанта пор. барона Менгденъ, только что прибывшаго изъ Копенгагена, и офицеровъ отряда подъесаула Пермикина и сотника Аксакова. Пріѣхавъ въ Юрьевъ, я явился къ Начальнику 2-ой Эстонской дивизіи полк. Пускаръ, а также финскому генералу, которому были подчинены въ оперативномъ отношеніи всѣ части, оперировавшія на южномъ Эстонскомъ фронтѣ; переговоривъ съ ними, я убѣдился, что мнѣніе ихъ объ отрядѣ, которымъ я пріѣхалъ командовать, было очень невысоко. Два дня прошло въ налаживаніи Штаба и его работы и въ переговорахъ съ финскимъ и эстонскимъ начальствомъ. Въ Юрьевѣ встрѣтилъ меня подп. Булахъ-Балаховичъ, произведенный въ подполковники полк. Нефъ за удачное отступленіе отъ Пскова и за сохраненіе своего отряда при выполненіи этой тяжелой операціи. Не для кого не было тайной, что подполк. Булахъ-Балаховичъ былъ не очень доволенъ моимъ пріѣздомъ, велъ онъ себя по отношенію ко мнѣ вполнѣ корректно, но между нимъ и его сподвижниками по партизанскому отряду велись по поводу моего пріѣзда какіе то бурные и шумные переговоры. Онъ опять непріятно поразилъ меня разсказами о своихъ собственныхъ необыкновенныхъ подвигахъ и о различныхъ партизанскихъ набѣгахъ и комбинаціяхъ. Въ это время большевики напали на Мехикормъ, переправившись на Эстонскій берегъ, и потѣснили части отряда; я предложилъ подп. Балаховичу, если только онъ въ состояніи (онъ былъ боленъ), ѣхать не-

медленно къ отряду и сдѣлать все возможное для отраженія непріятеля, обѣщавъ возможно скорѣй прислать ему на помощь, подтягивающійся къ Юрьеву, отрядъ полк. Вѣтренко. Изъ знакомства съ отрядомъ полк. Вѣтренко и съ нимъ самимъ я вынесъ и объ отрядѣ и о полк. Вѣтренко самое хорошее впечатлѣніе, несмотря на то, что отрядъ состоялъ изъ людей большей частью только недавно перешедшихъ отъ красныхъ и одѣты люди были плохо (у многихъ изъ нихъ не было сапогъ).

Между тѣмъ наступленіе большевиковъ на Мехикормъ и дальнѣйшее ихъ продвиженіе могло поставить въ непріятное положеніе весь Южный Эстонскій фронтъ; поэтому я вторично приказалъ подполковнику Балаховичу принять самыя энергичныя мѣры къ ликвидаціи прорыва, а полк. Вѣтренко немедленно двигаться со своимъ отрядомъ къ нему на поддержку. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось выпросить у Начальника Эстонской дивизіи 50 паръ сапогъ для отряда полк. Вѣтренко и на слѣдующій день отрядъ на подводахъ двинулся въ походъ. Вслѣдъ за нимъ и я выѣхалъ въ Штабъ отряда, который находился въ дер. Разинъ. Пріѣхавъ туда, я узналъ, что большевики уже отбиты Балаховичемъ и отошли обратно за Чудское озеро. На слѣдующій день я вмѣстѣ съ Начальникомъ штаба отправился осмотрѣть части отряда, побывалъ на батареяхъ капитана Смирнова, въ конномъ отрядѣ имени Булахъ-Балаховича и въ отрядѣ полк. Вѣтренко, который расположился на правомъ флангѣ всего отряда, соприкасаясь съ Эстонскими частями, находившимися около дер. Рапинъ. Въ отрядѣ полк. Вѣтренко былъ виденъ порядокъ, чего нельзя было сказать про батарею кап. Смирнова и про Конный отрядъ Балаховича.

Вернувшись въ Штабъ, я нашелъ тамъ подп. Балаховича, пріѣхавшаго предложить сдѣлать набѣгъ на красныхъ. Переговоривъ подробно о различныхъ возможностяхъ, я принципіально согласился съ цѣлесообразностью набѣга и, приказавъ все къ нему приготовить, уѣхалъ въ Юрьевъ, дабы переговорить съ Эстонскимъ начальствомъ.

Въ это время въ Юрьевѣ произошли какія то неурядицы между финнами и эстонцами и финскій генералъ предупредилъ меня, что, согласно вызова изъ Гельсингфорса, онъ уѣзжаетъ и передаетъ общее командованіе полк. Пускаръ. Я подробно переговорилъ о возможности набѣга съ полк. Пускаръ, при чемъ послѣдній высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы предпріятіе это дало какіе нибудь результаты; отношеніе его къ отряду Балаховича вообще было отрицательное и онъ говорилъ, что нужно, или разогнать весь отрядъ, или заставить его работать по настоящему. Во многомъ я не могъ съ нимъ не согласиться, но всетаки рѣшилъ попробовать произвести набѣгъ, для чего и поѣхалъ въ дер. Разинъ, куда перевелъ весь оперативный штабъ отряда. Здѣсь я собралъ всѣхъ старшихъ начальниковъ, т. е. полк. Вѣтренко,

подп. Балаховича и капитана Смирнова и мы въ общихъ чертахъ намѣтили планъ дѣйствій, причемъ Балаховичъ все время настаивалъ на немедленномъ осуществленіи его и увѣрялъ, что ждать нельзя. Окончательно рѣшивъ, что набѣгъ состоится, и разработавъ совмѣстно планъ дѣйствій, день и часъ начала операціи, начальники разъѣхались по своимъ частямъ, я же съ Начальникомъ штаба пор. Видякинымъ приступилъ къ тщательной разработкѣ плана и къ составленію приказа, причемъ полк. Вѣтренко долженъ былъ занять ближайшія деревни по ту сторону пролива, а подп. Балаховичъ долженъ былъ съ острова Перрисара зайти въ тылъ, выславъ заслонъ со стороны лѣваго фланга полк. Вѣтренко. Наступленіе должно было начаться въ 4 часа утра, т. е. еще до наступленія разсвѣта. Казалось, что операція была разработана во всѣхъ деталяхъ, но въ часъ ночи этого же дня я получилъ отъ подп. Балаховича донесеніе съ просьбой отложить набѣгъ до слѣдующаго дня; перемѣнить приказъ не представлялось уже никакой возможности, т. к. части полк. Вѣтренко уже съ вечера выступили и связи никакой не было. Я вынужденъ былъ послать подп. Балаховичу срочное приказаніе приступить къ выполненію приказа и отвѣтственность за неудачу операціи, въ случаѣ несвоевременнаго выполненія приказа, возлагалъ на него. Это мое приказаніе Балаховичъ во время не могъ получить, т. к. до ост. Перрисара (Норка) было около 40—50 верстъ. Съ разсвѣтомъ въ день операціи я отправился въ дер. Мехикормъ, гдѣ дѣйствовалъ полк. Вѣтренко. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза — это неисполненіе приказанія капит. Смирновымъ, орудія котораго не были направлены на поддержку полк. Вѣтренко, какъ то должно было быть по приказу. Сдѣлавъ соотвѣтственное внушеніе, я приказалъ орудіямъ немедленно выѣхать на указанную позицію. Пріѣхавъ въ Мехикормъ, я нашелъ тамъ части полк. Вѣртенко, которыя отступали съ того берега изъ за того, что подп. Балаховичъ ихъ не поддержалъ и даже не выслалъ заслоновъ для обезпеченія ихъ лѣваго фланга. Отряду полк. Вѣтренко удалось взять довольно большое количество плѣнныхъ и военнаго снаряженія, но, благодаря отсутствію заслона, ему пришлось съ трудомъ отойти, причемъ отрядъ потерялъ убитыми и ранеными около 50 человѣкъ. Поблагодаривъ отрядъ и разъяснивъ, какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ причины неудачи, я немедленно отправился на островъ Перрисаръ къ подп. Балаховичу, чтобы на мѣстѣ выяснить обстоятельства, заставившія его не исполнить приказа. На Перрисаръ я пріѣхалъ какъ разъ въ то время, когда весь отрядъ собрался на молебенъ, назначенный по случаю наступательныхъ дѣйствій. Здѣсь я впервые познакомился съ Талабскимъ отрядомъ, люди котораго напоминали своимъ видомъ настоящихъ солдатъ и произвели на меня самое хорошее впечатлѣніе. Пропустивъ церемоніальнымъ маршемъ отрядъ, прошедшій отлично, я отправился въ офицерское собраніе, гдѣ собрались гг. офицеры. Я потре-

бовалъ отъ подп. Балаховича разъясненія, почему онъ ослушался моего приказанія. Онъ началъ оправдываться и доложилъ мнѣ, что на Чудскомъ оз. появились трещины и нельзя было двигаться безъ большого риска. Я поставилъ на видъ подп. Балаховичу, что набѣгъ былъ предпринять, въ значительной степени, благодаря его же настоятельнымъ предложеніямъ, и что отказъ его выполнить операцію въ то время, когда другія части уже приступили къ ея выполненію, и находились уже въ движеніи и остановлены быть не могли, — заставилъ отрядъ полк. Вѣтренко понести совершенно неоправдываемыя потери. Кончивъ разговоръ съ подп. Балаховичемъ, я началъ объяснять гг. офицерамъ, въ чемъ именно состояла задача. Подп. Балаховичъ спросилъ у меня разрѣшенія высказать гг. офицерамъ по этому поводу свое мнѣніе; я разрѣшилъ, но когда подп. Балаховичъ сказалъ, что будто бы я нападаю на офицеровъ за неудачу набѣга, — я его оборвалъ и заявилъ, что единственно, кого я обвиняю въ этой неудачѣ, это его — подп. Балаховича. Поговоривъ еще немного съ офицерами, я уѣхалъ обратно въ штабъ.

Впечатлѣніе, получившееся у меня отъ частей, находившихся на остр. Перрисаръ (Норка), было самое хорошее. Населеніе было исключительно русское, занимавшееся рыболовствомъ. Представители населенія просили меня договориться съ Эстонскими властями относительно разрѣшенія имъ рыбной ловли, иначе они будутъ обречены на голодовку.

Вернувшись поздно вечеромъ въ дер. Разинъ, я приказалъ Начальнику штаба пор. Видякину упразднить штабъ отряда подп. Балаховича, какъ являющійся совершенно излишнимъ, Талабскій отрядъ приказалъ переименовать въ Талабскій полкъ, отрядъ полк. Вѣтренко переименовать въ 53 Волынскій полкъ на томъ основаніи, что ядромъ его были остатки 53-го пѣхотн. Волынскаго полка, прибывшіе вмѣстѣ съ полк. Вѣтренко съ Украйны, Конный отрядъ приказалъ переименовать въ Конный полкъ имени Булакъ-Балаховича, а батарею кап. Смирнова въ Конную батарею. Это были совершенно необходимые первые шаги для преобразованія партизанскаго отряда въ чисто строевую часть. Послѣ подписанія приказа о переименованіи, я рѣшилъ ѣхать съ докладомъ къ Командиру корпуса и немедленно выѣхалъ въ Юрьевъ, дабы испросить на то разрѣшеніе. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ явился ко мнѣ подп. Балаховичъ съ просьбой о разрѣшеніи произвести набѣгъ на Раскопель, за успѣхъ котораго онъ ручался на основаніи донесеній своихъ развѣдчиковъ. Я далъ свое согласіе, причемъ указалъ подп. Балаховичу, что онъ своими боевыми дѣйствіями долженъ оправдать себя за неудачу послѣдняго набѣга.

На слѣдующее утро, съ разрѣшенія начальника Эстонской дивизіи, я отправился на нѣсколько дней въ Ревель. Въ Юрьевѣ мнѣ стало извѣстно, что финны окончательно

разссорились съ эстонцами и уѣзжаютъ обратно въ Финляндію. Въ Ревель я пріѣхалъ поздно вечеромъ, на слѣдующее утро явился Командиру корпуса и доложилъ ему о мѣропріятіяхъ, принятыхъ мною для созданія изъ партизанскаго отряда болѣе боеспособной части. Побывавъ въ Штабѣ и тамъ же повидавъ кой-кого изъ русскихъ, находившихся въ Ревелѣ, я усмотрѣлъ, что Штабомъ всѣ недовольны, главный упрекъ, который ему дѣлали, это отсутствіе энергіи и самостоятельности. Между прочимъ я говорилъ съ полк. Генеральнаго Штаба Крузенштіерномъ и съ Гр. Паленъ, причемъ оба они, также, какъ и многіе другіе, говорили о необходимости перемѣны въ командномъ составѣ. По мнѣнію всѣхъ единственный, кто, въ виду непріѣзда ген. Арсеньева, могъ и долженъ бы принять командованіе корпусомъ — это я. Даже присяжный повѣренный Ивановъ, съ которымъ я видѣлся и который, очевидно, былъ въ тѣсной связи съ Балаховцами, говорилъ мнѣ то же самое. На всѣ эти разговоры и намеки я отвѣтилъ, что конечно, если я дѣйствительно буду признанъ единственнымъ подходящимъ человѣкомъ, — я отъ командованія корпусомъ не откажусь, но что никакихъ подкоповъ подъ полк. Дзерожинскаго производить не намѣренъ и, что приму назначеніе только въ томъ случаѣ, если оно будетъ произведено законнымъ путемъ, т. е. если буду назначенъ на эту должность Главнокомандующимъ Ген. Лайдонеромъ, считая всякій иной путь для себя непріемлемымъ, дабы избѣжать подобныхъ же инцидентовъ въ будущемъ. Пробывъ въ Ревелѣ 3 дня, я поѣхалъ обратно въ Юрьевъ и еще по дорогѣ въ вагонѣ узналъ объ удачномъ набѣгѣ подп. Балаховича на базу Чудской флотиліи Раскопель. Немедленно по пріѣздѣ въ Юрьевъ я вызвалъ къ себѣ подп. Балаховича и приказалъ ему подробно доложить о набѣгѣ, который былъ чрезвычайно удаченъ. Подп. Балаховичъ собралъ свой отрядъ въ количествѣ около 300 охотниковъ на ост. Householdерриcарѣ, двинулся прямо на востокъ и, благополучно миновавъ береговые посты, свернулъ вдоль берега Чудскаго оз. на югъ, прямо на базу Раскопель; занялъ въ расплохъ безъ потерь базу, продержался на ней нѣсколько часовъ и за это время успѣлъ вывезти все самое цѣнное, между прочимъ 3 автомобиля, радіо-станцію, нѣсколько пулеметовъ, массу табаку, папиросъ и довольно большое количество денегъ. Я приказалъ всю добычу собрать въ назначенное мѣсто и сдѣлать ей подробную опись, но конечно большую часть добычи разобрали партизаны и въ опись попала едва ли 1/4 ея часть. Опытъ этого набѣга показалъ мнѣ, что дѣйствительно, когда подп. Балаховичъ хорошо освѣдомленъ о расположеніи находящагося передъ нимъ противника, его партизаны могутъ провести отрядъ незамѣченнымъ въ тылъ красныхъ и этимъ гарантировать успѣхъ набѣга при почти полномъ отсутствіи потерь.

Долженъ нѣсколько остановиться на отличившемся въ этомъ набѣгѣ поручикѣ Опарнекѣ, который съ командой

подрывниковъ и лазуртчиковъ за нѣсколько дней до набѣга отправился въ тылъ къ краснымъ для взрыва моста у ст. Ямъ. Черезъ два дня поручикъ Опарнекъ вернулся и доложилъ, что мостъ у ст. Ямъ ему взорвать не удалось, но что имъ взорванъ одинъ изъ желѣзно-дорожныхъ мостовъ ближе къ Пскову. Донесеніе это впослѣдствіи вполнѣ оправдалось. Послѣ возвращенія съ набѣга на Раскопель части ввѣренной мнѣ бригады расположились вдоль Чудского оз.: правый флангъ соприкасался съ эстонцами у Новаго Раппина, лѣвый флангъ былъ на островѣ Перрисаръ. Бригада несла на занимаемомъ участкѣ развѣдывательную службу, причемъ были выдѣлены резервы. Наиболѣе крѣпко былъ занятъ островъ Перрисаръ, на немъ находился Талабскій полкъ и Георгіевскій отрядъ. Сдѣлалъ это я потому, что островъ намъ необходимо было держать, т. к. съ него было удобно дѣлать набѣги и отражать всякія попытки большивиковъ переправиться на нашу сторону, дѣйствуя имъ въ тылъ. Набѣги небольшими отрядами въ разныхъ пунктахъ участка, съ цѣлью развѣдки и безпокойства большевиковъ, дѣлали мы за этотъ періодъ довольно часто. Съ своей стороны большевики нѣсколько разъ дѣлали попытки переправиться черезъ проливъ, но неудачно.

Въ концѣ февраля мѣсяца противникъ сталъ тѣснить эстонскія части, занялъ линію желѣзной дороги у станціи Печоры. У Раппина обозначилось большое сосредоточеніе его силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по всей линіи Эстонскаго фронта большевики начали проявлять активныя дѣйствія. Эстонскія части на нашемъ правомъ флангѣ были очень неважныя и, при первомъ же натискѣ большевиковъ, начали весьма поспѣшно отходить. Большевики повели энергичное наступленіе довольно значительными силами отъ Новаго Раппина и вдоль по линіи желѣзной дороги Псковъ-Валкъ и на Маріенбургъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ разрѣзать эстонскую дивизію на 2 части. Положеніе дѣлалось серьезнымъ и прорывъ эстонскаго фронта могъ стать угрожающимъ для городовъ Юрьева и Верро. Пріѣхавъ въ Юрьевъ и переговоривъ съ Начальникомъ Эстонской дивизіи полк. Пускаръ и Начальникомъ штаба капитаномъ генеральнаго штаба Мунтъ о серьезности положенія, я рѣшилъ сосредоточить на своемъ правомъ флангѣ возможно большій кулакъ для нанесенія удара во флангъ наступающему противнику. Самъ полковникъ Пускаръ уѣхалъ въ Верро, гдѣ къ этому моменту положеніе сдѣлалось весьма серьезнымъ, т. к. большевики, занявъ Маріенбургъ, стали дѣйствовать по линіи желѣзной дороги Псковъ-Валкъ и приблизились къ Верро на 8—9 верстъ. Атаки ихъ отражались, главнымъ образомъ, эстонскими бронированными поѣздами, которые дѣйствовали,— нужно отдать имъ справедливость, весьма умѣло и храбро. Оставивъ на охрану побережья запасный эстонскій баталіонъ, поддерживаемый незначительными русскими частями, я приказалъ всему Волынскому полку съ

двумя ротами Талабскаго полка, съ однимъ пѣшимъ эскадрономъ Коннаго полка сосредоточиться въ раіонѣ Радома—Толома подъ общей командой полк. Вѣтренко и, дѣйствуя по направленію къ югу, очистить отъ большевиковъ берегъ Псковскаго озера. Я лично поѣхалъ руководить этой операціей. Одновременно съ очищеніемъ отрядомъ полк. Вѣтренко берега озера и нанесеніемъ имъ удара во флангъ наступающему противнику, эстонцы тоже должны были перейти въ наступленіе вдоль желѣзной дороги и дѣйствовать къ сѣверо-востоку на Орраву, а также на Маріенбургъ. (Я проводилъ этотъ отрядъ до Левако, гдѣ находился штабъ Эстонскаго баталіона, отошедшаго изъ Раппина; баталіонъ этотъ долженъ былъ содѣйствовать нашему движенію.) Полк. Вѣтренко весь свой отрядъ посадилъ на подводы и съ четырьмя орудіями двинулся отъ Талома къ югу на Левако. Въ тотъ-же день я получилъ отъ него донесеніе, что онъ достигъ до Доброоца и что дальнѣйшее наступленіе идетъ удачно. Донесеніе слѣдующаго дня извѣщало, что отрядъ вклинился въ большевиковъ и ведетъ бой. Я приказалъ энергично вести дальнѣйшее наступленіе и, очистивъ берегъ Псковскаго озера, войти въ соприкосновеніе съ Эстонскими частями, дѣйствующими у Оррава. Дѣйствія полк. Вѣтренко были настолько удачны, что онѣ скоро отразились на дѣйствіяхъ эстонскаго баталіона, который безъ особенныхъ усилій занялъ Раппинъ и началъ наступленіе вдоль Псковскаго озера. Оставивъ эскадронъ Коннаго полка Балаховича для прикрытія въ этомъ направленіи тыла отряда полк. Вѣтренко, я уѣхалъ въ Юрьевъ доложить объ успѣхѣ наступленія и переговорить съ Эстонскимъ начальствомъ. Конный полкъ Балаховича находился въ это время въ 10-ти верстахъ отъ Юрьева, въ дер. Каверсгофѣ. Пріѣхавъ въ Юрьевъ, я у Начальника эстонской дивизіи встрѣтился и познакомился съ генераломъ Лайдонеромъ, Главнокомандующимъ Эстонскими войсками, который произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Въ его вагонѣ я разсказалъ ему о дѣйствіяхъ ввѣренной мнѣ бригады; дѣйствія эти онъ одобрилъ и, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что желалъ бы видѣть меня во главѣ Сѣвернаго корпуса. Въ этотъ же вечеръ онъ уѣхалъ, а на слѣдующее утро явился ко мнѣ подп. Балаховичъ и предложилъ сдѣлать съ охотниками набѣгъ на Раскопель или, если будетъ возможно, на Гдовъ. Переговоривъ съ Начальникомъ Эстонской дивизіи, я далъ ему разрѣшеніе вызвать охотниковъ и дѣйствовать отъ дер. Воронья на Гдовъ или Раскопель, какъ онъ находитъ для себя болѣе выгоднымъ, причемъ я тутъ же вмѣстѣ съ нимъ установилъ день набѣга. Охотниковъ нашлось достаточное количество — около 300 человѣкъ; черезъ Чудское озеро они должны были переправиться на подводахъ. Для поддержки всѣхъ этихъ дѣйствій изъ Householdsсара пришлось перебросить на побережье у Мехикорма часть Талабскаго полка. Въ то же время Начальникъ гарнизона Householdsсара, кап. Смолинъ, предложилъ сдѣлать небольшой на-

бѣгъ на д. Подборовье. Я согласился и на это предложеніе. Когда выяснились всѣ подробности предполагаемыхъ набѣговъ, я приказалъ полк. Вѣтренко очистить отъ противника Псковское озеро и двигаться далѣе между озеромъ и Изборскомъ. Такимъ образомъ мною былъ отданъ приказъ всей бригадѣ перейти въ наступленіе тремя отрядами: первому — подъ командою полковника Вѣтренко — по направленію на Псковъ, второму — подъ командою кап. Смолина — на Поборовье и третьему на Гдовъ, подъ командою подп. Балаховича. Само собой, по выдѣленіи этихъ отрядовъ на берегъ Псковскаго озера, на островѣ Перрисаръ осталось весьма небольшое количество защитниковъ.

Дѣйствія подп. Балаховича на Гдовъ были весьма удачны, хотя онъ опоздалъ на два дня началомъ набѣга. Онъ захватилъ Гдовъ и, несмотря на то, что большевики стянули противъ его малочисленнаго отряда значительныя силы,— онъ захватилъ казначейство, плѣнныхъ, пулеметы, много снаряженія и благополучно, почти безъ потерь, вернулся въ исходное положеніе. Отрядъ кап. Смолина не двинулся, т. к. передъ самымъ набѣгомъ проводникъ исчезъ, очевидно, перебѣжалъ къ краснымъ. Дѣйствія полк. Вѣтренко, были чрезвычайно удачны: очистивъ берегъ Псковскаго озера, онъ почти безъ потерь достигъ рѣчки Пимжи и переправился черезъ нее.

Въ тотъ же день, когда возвратился съ набѣга подп. Балаховичъ, красные произвели нападеніе на островъ Перрисаръ и заняли его. Небольшой гарнизонъ, оставашійся на островѣ, вынужденъ былъ отойти и остановился у д. Сакса. Я приказалъ подп. Балаховичу немедленно двинуться на помощь этому отряду и вмѣстѣ сь Талабскимъ полкомъ вновь занять островъ Перрисаръ, что и было исполнено безъ особаго труда.

Былъ конецъ февраля; наступившая распутица прекратила всѣ дѣйствія. Чудское озеро покрылось водой. Отрядъ полк. Вѣтренко не дошелъ до Пскова 16—18 верстъ, гдѣ ему и было приказано задержаться. Я просилъ разрѣшенія поѣхать въ Ревель переговорить какъ съ Командующимъ корпусомъ, такъ и съ Эстонскимъ Главнокомандующимъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, причемъ планъ мой былъ — занять Псковъ; съ этимъ планомъ былъ вполнѣ согласенъ и полк. Пускаръ.

Теперь хочу сказать нѣсколько словъ о составѣ моего Штаба и о начальствующихъ лицахъ, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло за этотъ періодъ. Начальникъ моего Штаба пор. Видякинъ изъ Балаховскаго отряда оказался весьма дѣльнымъ, работоспособнымъ и энергичнымъ офицеромъ; извѣстная неопытность вполнѣ возмѣщалась энергіей и здравымъ смысломъ. Начальникомъ оперативнаго отдѣленія былъ ротмистръ Куражевъ; развѣдкой вѣдалъ шт.-ротмистръ Щуровскій; оба они весьма работоспособные и толковые офицеры. Полковникъ Вѣтренко показалъ себя съ очень

хорошей стороны: прекрасно оріентировался въ войнѣ противъ большевиковъ и своей личной энергіей, храбростью и знаніями офицера Генеральнаго Штаба много способствовалъ успѣху бригады. Подп. Балаховичъ дѣйствовалъ весьма энергично; прекрасно налаженныя команды лазуртчиковъ проводили своего „батьку", какъ они его называли, въ тылъ къ противнику чрезвычайно искусно и почти всегда безъ потерь. Въ этихъ лазуртчикахъ была главная сила и причина успѣховъ отряда Балаховича: Балаховичъ никогда, несмотря ни на какія приказанія, не двигался впередъ, если его лазуртчики не ручались ему за то, что набѣгъ можно произвести безъ риска потерпѣть неудачу. Таковое отношеніе къ приказаніямъ часто разстраивало задуманную операцію, иногда подводило сосѣдей, но за то дѣйствительно подп. Балаховичъ почти никогда не несъ потерь и часто самыми незначительными силами достигалъ большихъ результатовъ и захватывалъ большую добычу.

Заканчиваю этимъ описаніе зимняго періода дѣйствій 2-ой бригады на Псковскомъ направленіи.

Остальныя части Сѣвернаго корпуса, стоявшія по рѣкѣ Наровѣ, во время этихъ операцій, совмѣстно съ Балтійскимъ полкомъ, составленнымъ изъ мѣстныхъ Прибалтійскихъ нѣмцевъ, и принадлежащія къ эстонской арміи, тоже перешли въ наступленіе, переправились на правый берегъ р. Наровы и къ веснѣ оба берега оказались въ нашихъ рукахъ. Это давало возможность сосредоточить весь корпусъ въ этомъ раіонѣ. Въ бояхъ на Наровѣ за зимній періодъ особенно отличился своими набѣгами храбрый пор. Даниловъ — начальникъ партизанскаго отряда и конный отрядъ Полковника Бибикова.

Глава 3-я.

Какъ я уже говорилъ, въ Ревелѣ, еще до начала нашей операціи, завязалась борьба вокругъ вопроса о томъ, кому стать во главѣ Сѣвернаго корпуса. Все боевое офицерство безусловно было на моей сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ждало моего назначенія. Главнокомандующій генералъ Лайдонеръ, во время одного изъ моихъ пріѣздовъ въ Ревель, еще разъ лично подтвердилъ, что желалъ бы видѣть меня во главѣ Сѣвернаго корпуса, и что назначеніе мое будетъ имъ подписано въ ближайшіе дни; между прочимъ генералъ Лайдонеръ сказалъ мнѣ, что онъ мнѣ довѣряетъ не только какъ офицеру, но и какъ лицу, носящему извѣстное имя, слово котораго является для Эстоніи гарантіей отъ какихъ-либо агрессивныхъ дѣйствій со стороны русскаго оружія. Вокругъ вопроса о назначеніи новаго Командующаго корпусомъ подня-

лись разные нежелательные толки; очевидно были и противники моего назначенія (чѣмъ я и объясняю то обстоятельство, что оно такъ долго задерживалось) и я рѣшилъ для окончательнаго выясненія своего положенія лично съѣздить въ Ревель.

Въ моментъ моего отъѣзда на Юрьевскомъ вокзалѣ произошелъ слѣдующій характерный инцидентъ: я узналъ отъ начальника станціи, что въ экстренномъ поѣздѣ ѣдетъ финскій полковникъ Кальмъ; въ виду того, что поѣзда шли переполненными или съ большимъ опозданіемъ, я просилъ начальника станціи устроить мнѣ поѣздку въ томъ-же поѣздѣ, на что онъ отвѣтилъ мнѣ, что полк. Кальмъ человѣкъ весьма грубый и необязательный и что поэтому будетъ лучше, если я обращусь къ нему лично. Узнавъ, что полковникъ Кальмъ находится въ станціонномъ зданіи, я подошелъ къ нему, назвалъ себя и въ самой вѣжливой формѣ спросилъ его, не будетъ-ли онъ такъ любезенъ и не возьметъ ли меня и моихъ спутниковъ въ свой поѣздъ. Полковникъ Кальмъ весьма грубо отвѣтилъ, что русскимъ офицерамъ онъ не желаетъ оказывать никакихъ одолженій. Меня это взорвало, но я пересилилъ себя и отошелъ, не желая затѣвать скандала. Немного погодя, полковникъ Кальмъ приказалъ одному изъ своихъ солдатъ уступить мнѣ стулъ, на что я громко замѣтилъ, что такъ какъ финны вообще лишены вѣжливости, то я отказываюсь воспользоваться его любезностью. На этомъ инцидентъ кончился. Онъ ясно указываетъ, какое настроеніе царило тогда среди финскихъ военныхъ; впрочемъ, долженъ прибавить, что Кальмъ, „эрзацъ-полковникъ" и на службѣ въ русской арміи, насколько я знаю, состоялъ недолго. Финскіе добровольцы отряда полковника Кальма, возбужденные своимъ командиромъ, тоже стали проявлять относительно русскихъ офицеровъ и солдатъ агрессивныя дѣйствія и начали срывать у нихъ кокарды и погоны. Я категорически приказалъ чинамъ бригады при такомъ озорствѣ прибѣгать къ оружію. Объ этомъ приказѣ я оффиціально сообщилъ Эстонскому Командованію лично по моемъ пріѣздѣ въ Ревель. Я могъ это смѣло приказать, т. к. эстонцы ненавидѣли добровольцевъ финовъ за ихъ буйство и чрезмѣрно нахальное поведеніе. Кажется, два или три раза дѣйствительно были случаи вооруженныхъ столкновеній, послѣ чего фины перестали насъ затрагивать, т. к. эти столкновенія кончались для нихъ очень плачевно; неоффиціально мнѣ было доложено, что два или три финна были въ Юрьевѣ убиты партизанами Балаховича. Помню, что подп. Балаховичъ очень возмущался срываніемъ погонъ и кокардъ. Кто могъ тогда подумать, что въ недалекомъ будущемъ этотъ офицеръ начнетъ въ русской арміи пропагандировать снятіе погонъ у гг. офицеровъ и солдатъ! Полковникъ Кальмъ прославился тѣмъ, что самовольно „реквизировалъ" у полковника Зейдлица его очень цѣнную скаковую и заводскую конюшню.

Жившій въ Ревелѣ присяжный повѣренный Ивановъ много говорилъ о какой-то своей партіи, которую онъ называлъ „Народная Практическая Партія", но что это была за партія и кто въ ней участвовалъ, не было извѣстно ни мнѣ, ни, кажется, никому другому. Г. Ивановъ быстро втерся въ русскіе круги Ревеля, а также снискалъ покровительство эстонскаго правительства. Впечатлѣніе онъ производилъ человѣка умнаго и энергичнаго. Съ подп. Балаховичемъ онъ завелъ самую тѣсную дружбу, а меня онъ началъ въ Ревелѣ усиленно рекламировать. Г. Ивановъ усиленно работалъ за немедленное признаніе независимости Эстоніи, въ необходимости чего и я былъ съ нимъ согласенъ. Пытался г. Ивановъ, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, вмѣшиваться и въ обсужденіе боевыхъ задачъ, но я каждый разъ обрывалъ его, давая понять, что это дѣло его совершенно не касается. За послѣднее время онъ часто навѣщалъ Балаховича въ Юрьевѣ и я встрѣчался въ нимъ неоднократно. Среди русскихъ общественныхъ дѣятелей Ревеля съ появленіемъ г. Иванова произошелъ расколъ и завязалась отчаянная борьба: одни были за Иванова, другіе противъ него, при чемъ, большинство склонялось не на его сторону. Въ Ревелѣ онъ былъ выбранъ русскимъ консуломъ, въ Юрьевѣ предсѣдателемъ какого-то русскаго общества, въ Валкѣ тоже игралъ какую-то роль, однимъ словомъ, вокругъ его имени поднялся большой шумъ, велась политическая и партійная борьба и страсти русскихъ общественныхъ силъ разгорались. Благодаря постояннымъ пріѣздамъ Иванова въ Юрьевъ къ подп. Балаховичу, гдѣ я съ нимъ встрѣчался, и благодаря тому, что онъ велъ агитацію за назначеніе меня Командующимъ корпусомъ и поднималъ кругомъ этого дѣла шумиху, многіе думали, что и я нахожусь съ нимъ въ тѣсной связи, чего въ дѣйствительности никогда не было; напротивъ, я совершенно опредѣленно просилъ его меня никакъ не рекламировать въ издаваемой имъ газетѣ „Новая Россія", въ которой онъ усиленно восхвалялъ подп. Балаховича и его отрядъ, про меня ничего не писать и никакихъ нелегальныхъ шаговъ, направленныхъ противъ полк. Дзерожинскаго или въ пользу моего скорѣйшаго назначенія, не предпринимать.

Пріѣхавъ въ Ревель, я явился къ полк. Дзерожинскому, переговорилъ съ нимъ о дальнѣйшихъ боевыхъ планахъ и о переформированіи корпуса; я опредѣленно заявилъ ему, что никакихъ шаговъ противъ него, какъ Командующаго корпусомъ предпринимать не имѣю права и не буду, но что если выяснится, что для пользы дѣла мнѣ придется принять командованіе корпусомъ, то отказаться отъ этого командованія я не считаю себя вправѣ. Полк. Дзерожинскій съ высказаннымъ мною мнѣніемъ вполнѣ согласился.

Къ празднику Пасхи въ Ревель были вызваны почти всѣ начальники отдѣльныхъ частей для разрѣшенія вопроса о томъ, гдѣ лучше сосредоточить корпусъ: на Нарвскомъ или

на Псковскомъ фронтѣ. Когда начальники отдѣльныхъ частей съѣхались, вопросъ о командованіи корпусомъ сталъ еще болѣе остро. По этому вопросу состоялось нѣсколько частныхъ совѣщаній чиновъ, на которыхъ присутствовалъ и начальникъ штаба полк. Валь. Было вынесено частное принципіальное рѣшеніе о томъ, что мнѣ отъ командованія корпусомъ уклоняться не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что это совпадаетъ и съ желаніемъ Эстонскаго Главнокомандующаго. Полк. Валь было поручено предпринять въ этомъ направленіи шаги, переговорить съ полк. Дзерожинскимъ и съ ген. Лайдонеромъ. Это частное рѣшеніе какимъ то путемъ стало извѣстно русскимъ общественнымъ дѣятелямъ и подняло цѣлую бурю въ лагерѣ противниковъ г. Иванова, которые мое предполагаемое назначеніе приписывали его агитаціи и боялись, что съ назначеніемъ этимъ усилится и самъ г. Ивановъ и его партія. Страхъ этотъ былъ абсолютно ни чѣмъ не обоснованъ, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время я узналъ, что г. Ивановъ тайно отъ меня ведетъ какую-то странную игру и вообще его дѣйствія мнѣ начали казаться весьма подозрительными.

Встрѣтившись съ полк. Генеральнаго штаба Крузенштіерномъ, проживавшимъ въ Ревелѣ въ качествѣ частнаго лица, я оффиціально предложилъ ему, въ случаѣ назначенія меня Командующимъ корпусомъ, быть у меня Начальникомъ штаба. Полк. Крузенштіерна я зналъ давно и цѣнилъ его: мы были одного выпуска изъ Пажескаго корпуса, гдѣ онъ былъ фельдфебелемъ.

Вскорѣ я былъ снова приглашенъ генераломъ Лайдонеромъ для переговоровъ; выяснилось, что онъ желаетъ моего назначенія, но хочетъ дать немного успокоиться общественному мнѣнію, что находитъ болѣе выгоднымъ и для меня, т. к. врядъ ли мнѣ будетъ пріятно, если съ моимъ назначеніемъ общественныя страсти разгорятся еще больше. Я совершенно съ нимъ согласился, но высказалъ ему то же самое мнѣніе, которое уже говорилъ полк. Дзерожинскому, прибавивъ, что разъ рѣшено мѣнять Командующаго корпусомъ, то для пользы дѣла я полагаю, что нужно произвести эту перемѣну возможно скорѣе. Послѣ этого меня вызвалъ полк. Дзерожинскій и сказалъ, что онъ желаетъ передать мнѣ командованіе корпусомъ безъ назначенія дня сдачи и пріема. Я согласился, но заявилъ, что разговоровъ вокругъ этого вопроса такъ много, что я рискую попасть въ концѣ концовъ въ глупое положеніе, а потому прошу теперь же точно назначить день передачи мнѣ командованія. День былъ назначенъ и я уѣхалъ въ Юрьевъ на двое сутокъ для отдачи необходимыхъ распоряженій.

Вернувшись изъ Юрьева, я поѣхалъ къ полк. Крузенштіерну, назначенному Начальникомъ штаба вмѣсто полковника Валь, и узналъ, что назначеніе мое не должно состояться, согласно съ письмомъ, полученнымъ изъ Гельсингфорса отъ

генерала Юденича. Я поѣхалъ къ полк. Дзерожинскому, который мнѣ передалъ, что отъ генерала Юденича получено письмо, въ которомъ онъ, генералъ Юденичъ, адмираломъ Колчакомъ назначенъ Главнокомандующимъ Сѣверо-Западнымъ фронтомъ, что онъ проситъ полк. Дзерожинскаго никакихъ перемѣнъ въ командномъ составѣ корпуса не производить, что союзники окажутъ корпусу матеріальную помощь, а флотъ ихъ окажетъ ему поддержку, а потому корпусу надлежитъ занять Нарвскія позиціи. Я заявилъ полк. Дзерожинскому, что я соглашался на командованіе корпусомъ не изъза соображеній личной выгоды, а для пользы дѣла и продолжаю считать, что разъ это было рѣшено, то это и надлежитъ провести въ жизнь; разъ-же рѣшено намѣреніе это оставить, то я въ смѣшное положеніе ставить себя не желаю и прошу вовсе уволить меня отъ службы. Всѣ послѣдующіе дни полк. Дзерожинскій, полк. Крузенштіернъ и другіе уговаривали меня отказаться отъ моего рѣшенія, указывая на то, что для пользы общаго дѣла я долженъ остаться въ составѣ корпуса. Было рѣшено, что штабъ корпуса перейдетъ въ гор. Везенбергъ для общаго руководства боевыми дѣйствіями, оставивъ въ Ревелѣ лишь отдѣлъ снабженій, всѣ же боевыя части корпуса сосредоточатся на Нарвскомъ фронтѣ подъ общимъ моимъ командованіемъ. Я согласился остаться. Вновь было собрано совѣщаніе начальниковъ отдѣльныхъ частей, на которомъ, въ виду заявленія, полученнаго отъ генерала Юденича о помощи, обѣщанной англичанами, было рѣшено сосредоточить корпусъ на Нарвскомъ фронтѣ. Рѣшеніе это было доложено генералу Лайдонеру, который его утвердилъ, хотя лично и находилъ, что для корпуса Псковкій фронтъ является болѣе выгоднымъ, нежели Нарвскій. Во время одного моего посѣщенія, когда вопросъ коснулся дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій корпуса, генералъ Лайдонеръ мнѣ заявилъ, что онъ считаетъ Псковское направленіе болѣе выгоднымъ для корпуса. „Взятіе Петрограда — это вопросъ политическій", такъ выразился онъ. Того-же мнѣнія постоянно придерживался и я, и измѣнилъ ему лишь вслѣдствіе категорическаго заявленія генерала Юденича о помощи арміи со стороны Англійскаго флота.

Къ Пасхѣ многіе офицеры корпуса получили награды; солдатъ было рѣшено наградить Георгіевскими Крестами. Подп. Балаховичъ былъ произведенъ въ полковники и, согласно моему ходатайству, назначенъ Инспекторомъ кавалеріи корпуса; устроилъ я это для того, чтобы удалить его отъ партизанъ его отряда и тѣмъ прекратить въ корпусѣ стремленіе къ партизанщинѣ. Изъ опыта на Юрьевскомъ фронтѣ я снова вынесъ твердое убѣжденіе, что партизаны хороши лишь для набѣговъ; при оборонѣ, а также при организованномъ, серьзномъ наступленіи, ихъ достоинства (сплоченность, знаніе мѣстности, хорошо организованные лазуртчики) парализовались отсутствіемъ дисциплины; въ мирной же обста-

новкѣ они приносили общему дѣлу опредѣленный вредъ: слушались они, да и то весьма относительно, только своего „батьки", который разрѣшалъ имъ своевольничать и грабить, что вызывало совершенно справедливыя жалобы мѣстнаго населенія. Въ дѣлѣ веденія войскового хозяйства партизанскія замашки не поддавались никакому учету; списочное состояніе людей и лошадей всегда было преувеличено по крайней мѣрѣ втрое, а когда нужно было выставить ряды, разсчетъ съ дѣйствительной наличностью никогда не сходился. Начальникомъ снабженія отряда полк. Балаховича былъ подъесаулъ Пермикинъ, человѣкъ весьма умный и энергичный, но отлично знающій всѣ входы и /выходы и великолѣпно усвоившій практику и навыки партизанскаго веденія хозяйства. Разобраться въ его отчетности не было никакой возможности и хаосъ въ дѣлопроизводствѣ не поддавался никакому описанію. Я, будучи еще въ Юрьевѣ, просилъ полк. Дзерожинскаго о назначеніи комиссіи по провѣркѣ отчетности и хозяйства отряда. Комиссія эта была назначена и пріѣхала въ Юрьевъ (я въ это время былъ на фронтѣ), приступила было къ работѣ, но весьма скоро работа прекратилась и комиссія болѣе не появлялась. Потомъ уже мнѣ передавали, что будто-бы подъесаулъ Пермикинъ такъ ее напугалъ, что она какъ можно скорѣй разъѣхалась. Назначить же провѣрочную комиссію изъ чиновъ бригады было невозможно, т. к. всѣ офицеры были между собой друзья-пріятели и они, конечно, покрыли бы одинъ другого. Такимъ образомъ отчетность Балаховскаго отряда и осталась непровѣренной. Впрочемъ, даже если бы и удалось комиссіи произвести провѣрку отчетности, то врядъ-ли бы ей удалось достигнуть какихъ-либо положительныхъ результатовъ, т. к. при партизанскомъ веденіи дѣла учетъ и провѣрка вообще трудно осуществимы. Недостаткомъ этимъ, т. е. плохимъ веденіемъ хозяйства и запутанностью отчетности, страдали и другія части и искоренить его возможно было лишь постепенно, т. е. перемѣняя командный составъ. Выработать же изъ бригады вполнѣ строевую часть, что я ставилъ конечной цѣлью, было невозможно, не наладивъ хозяйства, а это пока являлось невыполнимымъ за полнымъ отсутствіемъ надежныхъ людей. Я доложилъ это Командиру корпуса. Все денежное и иное довольствіе мы получали отъ Эстонскаго правительства, и этимъ объяснялось, почему бригадѣ иногда ставились непосильныя задачи: задачи давались согласно съ числомъ штыковъ на бумагѣ, тогда какъ дѣйствительное ихъ количество было втрое меньше.

Сейчасъ-же послѣ Пасхи Главнокомандующій генералъ Лайдонеръ приказалъ смѣнить части 2-ой бригады, находившіяся на Юрьевскомъ фронтѣ, эстонскими частями и всю бригаду перебросить на Нарву, гдѣ бригадѣ было обѣщано нѣсколько дней отдыха, а затѣмъ весь корпусъ долженъ былъ сосредоточиться по рѣкѣ Наровѣ. Въ концѣ апрѣля

мѣсяца бригада со штабомъ перешла въ г. Нарву. Штабъ корпуса сталъ переходить въ гор. Везенбергъ. Части 1-ой Стрѣлковой бригады состояли къ этому времени изъ Островскаго полка (командовалъ полк. Ананьинъ), Ревельскаго полка (полк. Ижевскій), партизанскаго отряда пор. Данилова, коннаго отряда полк. Бибикова и офицерской роты подъ командой подп. Алексѣева. Бригадой командовалъ полк. Георгъ; расположена она была къ югу отъ г. Нарвы и занимала д. д. Устъ-Жердянку, Кріуши, Омутъ, Скарятину Гору, Бол. и Мал. Загривье, Кондуши, Радовѣли и Заборовье. Южнѣе въ деревняхъ Скамья и Сыренецъ стоялъ Балтійскій полкъ со своимъ коннымъ отрядомъ.

Явившись на станцію Вайвара къ начальнику 1-ой Эстонской дивизіи генералу Теннисонъ, который принялъ меня очень любезно, я сговорился съ нимъ, что 2-ая бригада на первое время расположится на Кренгольмской мануфактурѣ въ гор. Нарвѣ, гдѣ отдохнетъ и приведетъ себя, по возможности, въ порядокъ. Видъ бригады былъ ужасный, несмотря на то, что Талабскій полкъ за послѣднее время въ набѣгахъ немного пріодѣлся. Всего приличнѣе выглядѣлъ конный полкъ Булакъ-Балаховича, Волынскій же полкъ въ смыслѣ обмундированія представлялъ собою совершенно кошмарную картину.

Части 1-ой Эстонской дивизіи располагались по лѣвому берегу р. Наровы и только передъ городомъ Нарвой и передъ Гунгербургомъ выступали впередъ на двѣ или три версты.

Отношеніе къ русскимъ въ 1-ой Эстонской дивизіи было лучше чѣмъ во 2-ой дивизіи, хотя за послѣднее время, послѣ нашихъ удачныхъ боевъ, особенно послѣ ухода финскихъ добровольцевъ, и во 2-ой дивизіи отношеніе замѣтно улучшилось.

На Пасху въ Ревель пріѣхалъ представитель Америки капитанъ Гаде. Я познакомился съ нимъ и онъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Проведя нѣсколько дней въ Ревелѣ, кап. Гаде пріѣхалъ въ Нарву, гдѣ смотрѣлъ наши и эстонскія части. Увидѣвъ Волынскій полкъ, онъ и сопровождавшіе его американцы удивлялись и не хотѣли вѣрить, что эти солдаты могли сражаться и даже успѣшно; почти весь полкъ былъ безъ сапогъ и безъ шинелей. Когда же ему разсказали, что мы цѣлую зиму сражались такимъ образомъ, то онъ заявилъ, что подобное явленіе невозможно ни въ какой другой арміи, и его удивленію не было границъ. Эстонскія части были одѣты гораздо лучше нашихъ: шинели и сапоги имѣли почти всѣ. Осмотрѣвъ части, расположенныя въ Нарвѣ, кап. Гаде, Начальникъ Эстонской дивизіи, я и Начальникъ штаба корпуса полк. Крузенштіернъ поѣхали на моторномъ катерѣ вверхъ по рѣкѣ Наровѣ смотрѣть другія части корпуса и Балтійскій полкъ. Здѣсь я впервые познакомился съ частями 1-ой бригады. Люди были одѣты хорошо, лучше, чѣмъ во 2-ой бригадѣ, особенно въ отрядѣ пор. Данилова,

который захватилъ довольно много обмундированія у большевиковъ. Балтійскій полкъ, которымъ командовалъ полк. Вейсъ, я тоже увидѣлъ впервые. Полкъ этотъ по большей части былъ составленъ изъ прибалтійскихъ дворянъ-помѣщиковъ и произвелъ на насъ прекрасное впечатлѣніе: одѣты они были сравнительно хорошо; рѣзко бросалась въ глаза нѣмецкая форма, нѣмецкій строй и команды. Позавтракавъ у Балтійцевъ и обмѣнявшись мнѣніями, мы пришли къ убѣжденію, что нужно возможно скорѣй 2-ую бригаду стягивать въ раіонъ 1-ой и начинать какія-либо активныя дѣйствія: общее настроеніе требовало рѣшительнаго наступленія и нужно было этотъ порывъ использовать для расширенія плацдарма корпуса для новыхъ формированій. Чувствовалось въ 1-ой бригадѣ нѣкоторое недовольство старшими начальниками; всѣ требовали перемѣнъ, говоря, что во главѣ стоятъ люди, убивающіе всякую инціативу; въ особенности указывали на командира Островскаго полка полк. Ананьина. Что же касается полк. графа Паленъ, то сразу было видно, что онъ пріобрѣлъ всѣ симпатіи; командовалъ онъ въ это время баталіономъ Островскаго полка, перешедшимъ отъ большевиковъ къ эстонцамъ и составленнымъ изъ мобилизованныхъ на Уралѣ. Особенно много нападокъ было на Начальника штаба бригады полк. Александрова; о немъ, кажется, ни одинъ изъ офицеровъ, съ которыми я разговаривалъ, не далъ положительнаго отзыва. Передъ отъѣздомъ было рѣшено черезъ нѣсколько дней собраться у полк. графа Паленъ для обсужденія дальнѣйшаго плана дѣйствій и для окончательнаго разрѣшенія вопроса размѣщенія 2-ой бригады.

Возвращаясь обратно въ Нарву, мы издали увидѣли, что городъ объятъ дымомъ. Оказалось, что большевики обстрѣливали городъ, причемъ въ бѣднѣйшей части его сгорѣло около ста домовъ. Послѣ обстрѣла большевики пытались наступать на Нарву, но были отогнаны, причемъ удачнымъ артиллерійскимъ выстрѣломъ былъ подбитъ ихъ броневой автомобиль.

Вечеромъ я обѣдалъ съ кап. Гаде и другими американцами; много возмущались большевиками и ихъ способами вести войну, а, главное, кап. Гаде обѣщалъ въ ближайшемъ будущемъ выхлопотать у своего правительства обмундированіе и сапоги для корпуса.

Черезъ нѣсколько дней начальникъ 1-ой Эстонской дивизіи приказалъ выдвинуть Талабскій полкъ для занятія позиціи у Гунгербурга; это совершенно не входило въ мои планы, но приказаніе, конечно, было немедленно исполнено.

Какъ было условлено, я приказалъ всѣмъ начальствующимъ лицамъ собраться въ Скарятиной Горѣ для обсужденія дальнѣйшихъ боевыхъ дѣйствій; прибыли также полковники Вейсъ и Булакъ-Балаховичъ, уже назначенный инспекторомъ кавалеріи, но которому Командиръ корпуса разрѣшилъ собрать, частью разсѣявшихся по сдачѣ имъ отряда, партизанъ и

вновь сформировать изъ нихъ особый партизанскій отрядъ; я лично противъ этого протестовалъ и согласился, скрѣпя сердце, только послѣ того, какъ полк. Балаховичъ обѣщалъ, что отрядъ его приметъ регулярный видъ и откажется отъ своихъ разбойничьихъ-партизанскихъ замашекъ. На совѣщаніи выяснилось, что болѣе молодые и энергичные командиры жаждали наступленія; болѣе старые относились къ немедленному наступленію довольно отрицательно. Мнѣніе молодыхъ взяло верхъ: было рѣшено возможно скорѣе перебросить части 2-ой бригады и присоединить ихъ къ 1-ой, и мнѣ, послѣ доклада Командиру корпуса о разрѣшеніи перейти въ наступленіе, немедленно приступить къ разработкѣ плана военныхъ дѣйствій.

Донеся немедленно телеграммой полк. Дзерожинскому о предполагаемомъ наступленіи, я переговорилъ съ начальникомъ 1-ой Эстонской дивизіи генераломъ Теннисонъ, который разрѣшилъ перебросить въ раіонъ 1-ой бригады Волынскій полкъ, конный полкъ Балаховича и всю артиллерію, оставивъ пока Талабскій полкъ у Гунгербурга. Штабъ свой я рѣшилъ перенести въ Князь-Село. Полковникъ Дзерожинскій согласился вполнѣ съ рѣшеніемъ совѣщанія и разрѣшилъ приступить къ разработкѣ плана наступленія.

По пріѣздѣ полк. Дзерожинскаго въ Нарву, мы объѣхали съ нимъ всѣ части, расположенныя по рѣкѣ Наровѣ, послѣ чего направились къ генералу Теннисонъ для окончательнаго обсужденія предполагаемаго наступленія. Было рѣшено сосредоточить всѣ части корпуса на правомъ берегу р. Наровы, а затѣмъ, совмѣстно съ Балтійскимъ полкомъ и партизанскимъ отрядомъ полк. Балаховича, начать дѣйствія на Гдовъ и на рѣку Плюссу. Разработка плана операціи была всецѣло предоставлена мнѣ. По отъѣздѣ Командующаго корпусомъ, я немедленно приказалъ доставить свѣдѣнія о переправахъ черезъ р. Плюссу и о дорогахъ, идущихъ на востокъ отъ рѣки Плюссы по направленію къ Гдову. Полковникъ Балаховичъ уѣхалъ собирать своихъ партизанъ, разсыпавшихся по Эстоніи, и дѣйствительно черезъ нѣсколько дней они начали стекаться со всѣхъ сторонъ; видъ у нихъ былъ еще болѣе разбойничій, чѣмъ во время нахожденія отряда въ Юрьевѣ. Полковнику Балаховичу было разрѣшено довести свой отрядъ до 200 человѣкъ; но т. к. людей у него не хватало, то я приказалъ выдѣлить изъ полковъ на пополненіе отряда по 30 человѣкъ.

Началось сосредоточеніе корпуса. Частямъ Талабскаго полка, не занимавшимъ позицій подъ Гунгербургомъ, приказано было занять дер. Омутъ, Волынскому полку — дер. Ольгинъ Крестъ, Скарятину Гору и Степановщину, Конному полку Булакъ-Балаховича — дер. Переволоку и партизанскому отряду полк. Балаховича — Скамью.

Вмѣстѣ съ Начальникомъ моего штаба пор. Видякинымъ и съ полковникомъ Вѣтренко я приступилъ къ разработкѣ

плана операціи, который въ общихъ чертахъ заключался въ слѣдующемъ: Гдовскій отрядъ подъ командой Булакъ-Балаховича при начальникѣ штаба ротмистрѣ фонъ Цуръ-Мюлленъ въ составѣ Балтійскаго полка, коннаго эскадрона того же полка, партизанскаго отряда Балаховича подъ командой кап. Григорьева, коннаго полка Балаховича подъ командой шт.-ротм. Булакъ-Балаховича при двухъ орудіяхъ Балтійскаго полка и при двухъ орудіяхъ конной батареи кап. Смирнова — долженъ былъ дѣйствовать для занятія г. Гдова; отрядъ полковника Вѣтренко въ составѣ Волынскаго и Талабскаго полковъ при двухъ орудіяхъ сосредотачивался у Радовѣли и долженъ былъ дѣйствовать на Гостицы и занять переправы на рѣкѣ Плюссѣ. Отрядъ полк. гр. Паленъ въ составѣ Островскаго полка и отряда полк. Бибикова, при двухъ орудіяхъ долженъ былъ сосредоточиться въ Кондушахъ и дѣйствовать на Поля-Гавриловская; отрядъ полк. Георгъ въ составѣ офицерской роты и Ревельскаго полка долженъ былъ занять ст. Низы. Въ случаѣ удачнаго наступленія Начальникъ 1-ой Эстонской дивизіи разрѣшилъ снять изъ подъ Гунгербурга баталіонъ Талабскаго полка и перевести его въ Нарву. Партизанскій отрядъ Данилова наканунѣ общаго наступленія долженъ былъ (переодѣвшись большевиками и переправившись черезъ р. Плюссу) пройти незамѣтно за линію ихъ фронта и, забравшись въ тылъ штабу стоявшей противъ насъ красной бригады, занять узлы дорогъ и содѣйствовать общему наступленію. Въ случаѣ удачи предполагалось развить дѣйствія къ югу отъ Гдова и, оставивъ заслонъ по направленію Луги, сосредоточиться и двинуться въ тылъ города Ямбурга, для чего, занявъ переправы у Муравейно, Лычной и Сабска, выдвинуться на ст. Веймарнъ и перерѣзать желѣзную дорогу и Петроградское шоссе и двигаться далѣе на дер. Килли. Этотъ послѣдній планъ въ деталяхъ разработанъ не былъ, т. к. дальнѣйшее продвиженіе зависѣло всецѣло отъ начальнаго успѣха. Для окончательнаго утвержденія плана операціи я просилъ пріѣхать Командующаго корпусомъ, а также черезъ ген. Теннисона довелъ его до свѣдѣнія Эстонскаго Главнокомандующаго.

Штабъ мой перешелъ въ Князь-Село въ первыхъ числахъ мая. Здѣсь у меня состоялся цѣлый рядъ отдѣльныхъ совѣщаній съ начальниками отдѣльныхъ отрядовъ.

Донесенія нами полученныя о состояніи стоящихъ передъ нами красныхъ частей говорили въ пользу скорѣйшаго наступленія, а потому было окончательно рѣшено начать его 12 мая. Послѣ обсужденія изложеннаго выше плана операціи, было рѣшено, въ случаѣ удачнаго наступленія на Плюссу и очищенія ея, всѣмъ тремъ лѣвымъ группамъ соединиться подъ командою полк. графа Палена и форсированнымъ маршемъ двинуться въ тылъ Ямбургу, занять ст. Веймарнъ, стараясь отрѣзать большевиковъ отъ Красной Горки, и дѣйство-

вать на перекресткѣ Петроградскаго шоссе у Малли (раіонъ Килли-Малли).

10-го мая пріѣхалъ полк. Дзерожинскій вмѣстѣ съ полк. Крузенштіерномъ и сообщилъ о рѣшеніи ген. Лайдонера высадить 12-го числа Эстонскій дессантъ у пристани Пейпія для вспомогательныхъ дѣйствій на дер. Котлы. Что долженъ былъ представлять этотъ дессантъ ни мнѣ, ни полк. Дзерожинскому точно извѣстно не было. Мы знали только, что численность его будетъ отъ 300 до 400 штыковъ. Съ моря должны были оказать дессанту поддержку англійскій флотъ и эстонскія военныя суда. 11-го мая ко мнѣ явился полк. Балаховичъ и опять просилъ отложить начало наступленія на два дня. Переговоривъ съ нимъ, я рѣшилъ начать общее наступленіе въ 4 часа утра 13-го мая; отрядъ же пор. Данилова, согласно приказу долженъ былъ начать свои дѣйствія 12-го мая вечеромъ. Каждая изъ группъ должна была, по усмотрѣнію своего начальника, выдѣлить партію развѣдчиковъ для дѣйствія въ тылу противника въ цѣляхъ облегченія общаго движенія колоннъ; эти же развѣдчики должны были въ пяти—шести мѣстахъ взорвать полотно желѣзной дороги и не дать возможности уйти тремъ бронированнымъ поѣздамъ противника, обслуживавшимъ участокъ Гдовъ—ст. Низы.

Свѣдѣнія о численности и расположеніи большевистскихъ силъ на нашемъ фронтѣ были у меня самыя точныя; отъ моря до Чудскаго озера насчитывалось до 15.000 штыковъ при 60 орудіяхъ и 500 пулеметахъ. Корпусъ же располагалъ несравненно меньшими силами. Главная группа, состоявшая, какъ я уже говорилъ, изъ трехъ колоннъ, насчитывала около 2.500 штыковъ при 6 орудіяхъ и 30 пулеметахъ. Эстонцы, кромѣ посылки дессанта и поддержки своими военными судами въ Финскомъ заливѣ и на Чудскомъ озерѣ, никакихъ наступательныхъ боевыхъ дѣйствій предпринимать не предполагали и категорически отказались отъ болѣе серьезной активной военной поддержки.

11-го мая, безъ моего на то разрѣшенія, вдругъ появился въ штабѣ г. Ивановъ со своимъ братомъ и съ г. Сиверсомъ. Я приказалъ поручику Видякину немедленно-же удалить его изъ предѣловъ корпуса въ Нарву, самъ же долженъ былъ поѣхать на моторномъ катерѣ къ генералу Теннисонъ окончательно переговорить съ нимъ о переводѣ, въ случаѣ удачи наступленія, баталіона Талабскаго полка изъ подъ Гунгербурга въ Нарву для фронтоваго удара на г. Ямбургъ.

12-го мая, вернувшись изъ Нарвы, я еще разъ объѣхалъ всѣ ввѣренныя мнѣ части, отдалъ послѣднія приказанія съ требованіемъ дѣйствовать возможно энергичнѣе и лично проводилъ молодецкій Даниловскій отрядъ въ набѣгъ. Оперативную часть полевого штаба я перевелъ въ Скарятину Гору, гдѣ было удобнѣе держать связь, т. к. тамъ проходила постоянная телефонная линія.

Болѣе подробно общее заданіе было таково: полк. Балаховичу была задана слѣдующая задача: выславъ конный полкъ въ тылъ непріятеля для взрыва полотна желѣзной дороги въ раіонѣ д. Пелеши — дер. Подобручье, остальными частями отряда очистить берегъ Гдовскаго озера и обрушиться на Гдовъ. Въ случаѣ удачи Конному полку, дѣйствуя на Чернево, двигаться вдоль по рѣкѣ Плюссѣ, главнымъ же силамъ, дѣйствуя отъ Гдова на югъ, занять р. Желчу и завладѣть морской базой Раскопель на Чудскомъ озерѣ.

Задача полк. Вѣтренко была: занять участокъ желѣзной дороги Гостицы—Пелеши, взорвать полотно желѣзной дороги въ нѣсколькихъ мѣстахъ, захватить бронированный поѣздъ и, въ случаѣ удачи, двигаться дальше на д. Большія и Малыя Руи, Выскатку и Куралешеву, выставивъ заслонъ по направленію отъ озера Долгое до р. Плюссы. Отряду полк. гр. Паленъ было приказано занять участокъ желѣзной дороги Поля—Гостицы и двигаться на Полкову Гору—Кураплешеву.

Отряду полк. Георгъ было приказано занять ст. Низы и Поля и, въ случаѣ удачи, очистить отъ красныхъ дер. Монастырекъ и Тихвинку, послѣ чего Ревельскому полку вмѣстѣ съ артиллеріей форсированнымъ маршемъ присоединиться къ отряду полк. гр. Паленъ.

Офицерская рота должна была остаться въ раіонѣ дер. Гостицы—Низы. Туда же долженъ былъ прибыть Георгіевскій баталіонъ, формировавшійся въ Ревелѣ подъ командой кап. Микоши.

Глава 4-ая.

Ровно въ 3 часа утра 13-го мая началось общее наступленіе. Я лично провожалъ отрядъ полк. Вѣтренко и довелъ его до полъ-дороги, до д. Гостицы. Настроеніе гг. офицеровъ и солдатъ было бодрое и полная надежда на успѣхъ. Подъемъ былъ великъ. Проводивъ отрядъ полк. Вѣтренко, я вернулся въ Скарятину Гору, дабы быть у телефонной связи. Около трехъ часовъ дня прибыли донесенія отъ полковниковъ графа Паленъ и Вѣтренко о томъ, что первая часть задачи исполнена и отряды ихъ по невзорваннымъ мостамъ благополучно переправились черезъ рѣку Плюссу. Отъ полк. Балаховича и Георга свѣдѣній пока не поступало. Я приказалъ сѣдлать лошадей и, давъ указанія поручику Видякину, какъ поступать въ случаѣ полученія тѣхъ или иныхъ донесеній, вмѣстѣ съ прапорщикомъ Шемякинымъ и двумя вѣстовыми поѣхалъ догонять отряды, чтобы отдать дальнѣйшія приказанія на мѣстѣ, сообразуясь съ обстановкой. Съ чувствомъ

глубокаго удовлетворенія и радости проѣхалъ я ст. Гостицы, гдѣ встрѣтилъ лазаретъ Волынскаго полка; въ лазаретѣ мнѣ сказали, что отрядъ полк. Вѣтренко находится гдѣ-то у дер. Большая Руя.

Къ вечеру я дѣйствительно засталъ въ Руѣ полк. Вѣтренко и пор. Данилова, которые въ нѣсколькихъ словахъ разсказали мнѣ событія этого дня. Пор. Даниловъ со своимъ отрядомъ, снявъ погоны и кокарды, и одѣвъ вмѣсто нихъ большевистскія звѣзды, переправился на лодкахъ ночью черезъ Плюссу, занялъ въ тылу у красныхъ главные перекрестки дорогъ и окружилъ штабъ бригады ген. Николаева; на разсвѣтѣ, перерѣзавъ всю телефонную связь въ тылу у красныхъ, захватилъ этотъ штабъ, не понеся потерь, исключительно благодаря тому, что большевики приняли его отрядъ за своихъ. Одновременно съ захватомъ штаба Николаева, главныя силы полк. гр. Паленъ, полк. Георга и полк. Вѣтренко подошли къ рѣкѣ Плюссѣ и дружнымъ ударомъ заняли переправы, причемъ было захвачено три бронированныхъ поѣзда и батарея, стоявшая у Гавриловской. Въ этомъ лихомъ дѣлѣ особенно отличился шт.-кап. Шиманскій, который за нѣсколько дней до начала наступленія, переодѣвшись большевикомъ, лично обслѣдовалъ всю мѣстность впереди моста у Гавриловской и точно выяснилъ позицію красной батареи. Еще до разсвѣта онъ пробрался съ отрядомъ по болотистому лѣсу, разставилъ вблизи отъ батареи 8 пулеметовъ и послалъ партію охотниковъ подорвать путь за бронированнымъ поѣздомъ. Какъ только путь былъ взорванъ, онъ открылъ по батареѣ огонь изъ всѣхъ пулеметовъ и во главѣ своего маленькаго отряда лихимъ броскомъ захватилъ мостъ, батарею и пулеметы, стоявшіе у моста; батарея попробовала было открыть огонь, но бросокъ былъ настолько стремителенъ, что огонь этотъ ее спасти не могъ; немногимъ изъ большевиковъ удалось удрать изъ Гавриловской, да и тѣ были почти всѣ перехвачены отрядомъ пор. Данилова.

Вся бригада Николаева была частью разбита, частью взята въ плѣнъ; лишь кой-какіе незначительные остатки ея, минуя заставы пор. Данилова, бѣжали къ юго-востоку въ Лужскомъ направленіи.

Такимъ образомъ брешь была пробита и было ясно, что большевики смогутъ оказать сопротивленіе не ближе, чѣмъ на р. Лугѣ. Я приказалъ полковнику Вѣтренко, оставивъ заслонъ, какъ было указано, двинуться форсированнымъ маршемъ на Сабскъ—Лычну и, сбивъ тамъ большевиковъ, дѣйствовать на желѣзную дорогу за ст. Веймарнъ.

Отъ полк. Вѣтренко я поѣхалъ къ полк. гр. Паленъ и нашелъ его недалеко отъ Полковой горы, гдѣ онъ заночевалъ; я приказалъ всему отряду съ наступленіемъ разсвѣта, сѣвъ на подводы, двигаться впередъ и къ вечеру занять переправу у Муравейно и ст. Веймарнъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ направленіи на Килли-Малли.

Проводивъ съ разсвѣтомъ отрядъ гр. Паленъ, я вернулся въ штабъ, гдѣ уже было получено донесеніе отъ полк. Георга, что задача имъ исполнена и Ревельскій полкъ очищаетъ отъ красныхъ раіонъ Монастырька. Я приказалъ Ревельскому полку немедленно форсированнымъ маршемъ присоединиться къ отряду полк. гр. Паленъ и вступить подъ его командованіе.

Отъ полк. Балаховича донесеній все еще не поступало, что я объяснялъ себѣ плохимъ состояніемъ связи; дошли лишь косвеннымъ путемъ неясныя, но хорошія свѣдѣнія. Ничего плохого не имѣлось основаній предполагать, т. к. передъ началомъ наступленія я, въ виду полнаго отсутствія техническихъ средствъ связи — а посылка донесеній съ ординарцами была нежелательна, т. к. отнимала бойцовъ, конныхъ же ординарцевъ было мало, — условился съ начальниками отрядовъ, что если донесенія не поступаютъ, значитъ все наступленіе идетъ успѣшно и согласно приказу. Поѣхавъ верхомъ въ дер. Скамью, я узналъ, что продвиженіе дѣйствительно идетъ удачно, что полотно желѣзной дороги на Гдовъ взорвано и что уже начали поступать плѣнные. Приказавъ офицеру, оставленному въ Скамьѣ для связи, передать полк. Балаховичу объ удачныхъ дѣйствіяхъ остальныхъ отрядовъ и еще разъ подтвердить мое требованіе энергичнаго наступленія, я вернулся въ штабъ, откуда послалъ донесеніе полковнику Дзерожинскому и генералу Теннисонъ, предупредивъ, что я ѣду въ Нарву на моторномъ катерѣ, куда прибуду часамъ къ 6-ти вечера; я также просилъ генерала Теннисонъ немедленно отдать приказаніе о срочной переброскѣ баталіона Талабскаго полка изъ Гунгербурга въ Нарву. Всю дорогу на катерѣ я, конечно, спалъ, какъ убитый, т. к. сдѣлалъ за послѣднія сутки болѣе полутораста верстъ. Въ Нарвѣ на пристани Кулга меня встрѣтилъ Командиръ корпуса и ген. Теннисонъ. Нашъ блестящій успѣхъ произвелъ на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе и, долженъ сознаться, что я переживалъ очень счастливыя минуты. Приказъ о переброскѣ баталіона Талабскаго полка не только былъ отданъ, но баталіонъ уже входилъ въ Нарву. Кромѣ того въ Нарву прибыла конвойная рота штаба корпуса подъ командой кап. Ставскаго. Съ согласія Командующаго корпусомъ и генерала Теннисонъ я приказалъ кап. Ставскому и командиру баталіона Талабскаго полка храброму кап. Бояринцеву имѣть людей на готовѣ, т. к. рѣшилъ той же ночью съ этими частями двинуться на Ямбургъ. То обстоятельство, что большевики не только не покинули по донесеніемъ эстонцевъ своихъ позицій противъ Нарвы, что казалось естественнымъ въ виду нашего успѣха и глубокаго обхода лѣваго фланга красными, а наоборотъ — усиленно обстрѣливали въ этотъ день г. Нарву, нисколько не смутило меня, а, напротивъ, дало болѣе увѣренности въ великолѣпномъ исходѣ задуманнаго мною плана: очевидно отрядъ пор. Данилова настолько удачно перерѣзалъ теле-

фонную связь разбитой нами бригады съ Ямбургомъ и занялъ всѣ дороги, что никто изъ бѣглецовъ не смогъ проникнуть въ Ямбургъ. Вообще въ Ямбургѣ очевидно еще не знали о судьбѣ, постигшей бригаду ген. Николаева и о томъ, что мы уже подходили къ переправѣ черезъ р. Лугу у дер. Муравейно и что отрядъ гр. Паленъ къ разсвѣту долженъ былъ уже занять ст. Веймарнъ. Только полнымъ прекращеніемъ связи въ тылу у большевиковъ и нашей стремительностью можно было объяснить то, что они спокойно продолжали сидѣть на Нарвскихъ позиціяхъ.

Вечеромъ я вновь долго разговаривалъ съ полк. Дзерожинскимъ и съ полк. Крузенштіерномъ о передачѣ мнѣ командованія корпусомъ. Въ принципѣ полк. Дзерожинскій съ этой передачей былъ вполнѣ согласенъ, но съ проведеніемъ ея въ жизнь почему то еще медлилъ.

Долженъ сказать, что онъ задержалъ исполненіе моего желанія ночью двинуться на Ямбургъ. Рано утромъ я приказалъ баталіону Талабскаго полка и конвойной ротѣ форсированнымъ маршемъ двинуться по шоссе на Ямбургъ. Со стороны большевиковъ стрѣльбы не было, все было тихо. Я самъ вмѣстѣ съ командиромъ 4-го Эстонскаго полка поѣхалъ на автомобилѣ по направленію къ Ямбургу. Были двинуты туда же и Эстонскіе развѣдчики. Подъемъ былъ большой, двигались быстро, и къ часу дня, послѣ короткой перестрѣлки, заняли Ямбургскій мостъ. По городу бродили кой-какія большевистскія отсталыя части, при нашемъ приближеніи поспѣшно удалившіяся. Мостъ былъ подорванъ, но неудачно: поѣздовъ по нему было пустить нельзя, но пользоваться имъ для переправы было вполнѣ возможно. Переправившись, я немедленно отправился на станцію желѣзной дороги, гдѣ нами было захвачено нѣсколько паровозовъ и около 500 вагоновъ, нагруженныхъ аммуниціей, съ запасами муки и другого продовольствія. Собравъ служащихъ, я потребовалъ, чтобы всѣ немедленно встали на работу, что было исполнено весьма охотно. Телеграфные аппараты оказались въ исправности и, когда я приказалъ вызвать Веймарнъ, начальникъ станціи мнѣ доложилъ, что тамъ, по всей вѣроятности, уже находятся бѣлые, взорвавшіе утромъ путь между Веймарномъ и Ямбургомъ. Я приказалъ пригласить къ аппарату старшаго изъ имѣющихся въ Веймарнѣ начальниковъ.

Конвойной ротѣ я приказалъ навести порядокъ въ городѣ и прекратить начавшееся разграбленіе вагоновъ, баталіону же Талабскаго полка находиться на всякій случай въ полной боевой готовности. Еще въ Нарвѣ я узналъ отъ генерала Теннисонъ, что эстонскій дессантъ благополучно высадился въ гавани у д. Пейпія и дѣйствуетъ на Котлы. Отъ мѣстныхъ жителей выяснилось, что Петроградское шоссе также перехвачено бѣлыми и большевики бѣжали по плохо проѣзжей лѣсной дорогѣ на д. Килли. Я приказалъ баталіону

Талабскаго полка преслѣдовать бѣгущаго противника и захватить тяжелыя орудія, которыя, очевидно, должны были гдѣ нибудь, благодаря плохой дорогѣ, застрять.

Тѣмъ временемъ къ телеграфному аппарату подошелъ шт.-ротмистръ Зиновьевъ; въ Веймарнѣ никакъ не ожидали, что я уже нахожусь въ Ямбургѣ, и поэтому, когда я назвалъ себя, онъ началъ очень осторожно разспрашивать, кто я такой, какъ меня зовутъ, какъ зовутъ всѣхъ моихъ родственниковъ и т. д. и только послѣ получасового разговора окончательно повѣрилъ, что у аппарата дѣйствительно нахожусь я.

Я приказалъ немедленно приступить къ исправленію взорваннаго пути между Ямбургомъ и Веймарномъ и обѣщалъ, какъ только путь будетъ готовъ, пріѣхать на ст. Веймарнъ къ гр. Паленъ. Черезъ 2 часа путь былъ исправленъ и я отправился на ст. Веймарнъ.

Весь отрядъ полк. графа Паленъ былъ въ бою и все время приходилось бояться, что большевики отъ Ямбурга ударятъ ему въ тылъ, а потому извѣстіе о томъ, что Ямбургъ мною уже занятъ, вызвало общее ликованіе. Большую радость вызвало и извѣстіе о высадкѣ эстонскаго дессанта.

Приказавъ преслѣдовать большевиковъ, но не зарываться, я окончательно передалъ графу Паленъ командованіе всѣми частями группы, а самъ вернулся въ Ямбургъ, гдѣ назначилъ Комендантомъ полк. Бибикова, давъ ему необходимыя руководящія указанія. Я забылъ сказать, что полк. Бибиковъ въ это время сдалъ свой отрядъ шт.-ротмистру Грюнвальдъ. Въ тотъ же вечеръ я поѣхалъ въ Нарву, куда, въ виду нашего удачнаго наступленія, перебрался изъ Везенберга и штабъ корпуса.

Было получено донесеніе, что полк. Балаховичемъ занятъ Гдовъ. На слѣдующій день я на моторномъ катерѣ проѣхалъ въ Князь-Село. Въ Князь-Селѣ я приказалъ штабу бригады отправиться въ Нарву, а самъ поѣхалъ дальше въ Скамью, расчитывая добраться до Гдова.

При наступленіи полк. Балаховича на Гдовъ со стороны Чудского озера, его долженъ былъ поддерживать Эстонскій флотъ.

Разскажу теперь исторію этого флота. Когда Сѣверная армія еще находилась въ Псковѣ, къ намъ перешло нѣсколько судовъ Чудской флотиліи подъ командой капитана I ранга Нелидова. При занятіи Пскова большевиками суда эти пробились въ Юрьевъ, гдѣ и застряли изъ за морозовъ и льда и, при взятіи Юрьева, вновь попали въ руки къ большевикамъ; когда же большевики ушли изъ Юрьева — эстонцы забрали эти суда себѣ. Другая часть Чудской флотиліи все еще находилась на базѣ флотиліи Раскопель. Совершенно не знаю, почему 12-го мая, не имѣя съ нами никакой связи, Эстонская флотилія обстрѣляла Гдовъ, что повело лишь къ тому, что большевики усилили бдительность послѣ этого безсмыслен-

наго обстрѣла и при началѣ нашего наступленія стали эвакуировать городъ, что имъ отчасти и удалось. Эстонской флотиліей командовалъ Вункъ, кажется мичманъ нашего флота.

Пріѣхавъ верхомъ въ Скамью, я узналъ, что Гдовъ окончательно и прочно занятъ полк. Балаховичемъ. Изъ Скамьи въ Гдовъ я проѣхалъ на паровомъ катерѣ. Въ штабъ полк. Балаховича я прибылъ поздно ночью. Къ югу отъ Гдова шли бои съ наступающими большевиками. Имѣлись свѣдѣнія, что большинство большевистскихъ судовъ въ Раскопели хотятъ перейти на нашу сторону, но именно къ намъ, а не къ эстонцамъ. Я приказалъ полк. Балаховичу возможно энергичнѣе дѣйствовать въ направленіи на рѣку Желчи и на Раскопель и въ ту же ночь проѣхалъ обратно въ Скамью и оттуда верхомъ въ Князь-Село, а на утро съ чинами штаба на моторной лодкѣ въ Нарву. Въ Нарвѣ мнѣ прежде всего надо было добиться скорѣйшаго ремонта подорваннаго Ямбургскаго моста и желѣзнодорожной линіи между Ямбургомъ и Нарвой и Гдовомъ и Нарвой. Начальникомъ Военныхъ Сообщеній былъ полк. Третьяковъ; для ускоренія работы я приказалъ ему всѣмъ желѣзнодорожникамъ выдавать паекъ изъ запасовъ, взятыхъ въ Ямбургѣ и Гдовѣ. Денегъ въ моемъ распоряженіи не было никакихъ, но желѣзнодорожники отлично это понимали и дружно взялись за работу. Исправленіе желѣзнодорожнаго пути между Гдовомъ и Полями было возложено на энергичнаго и дѣльнаго инженера Кошелева.

Въ тотъ же день въ Нарву прибылъ штабъ бригады. Согласно полученнымъ донесеніямъ отрядъ полковника графа Паленъ дошелъ до станціи Кикерино, штабъ же его находился на станціи Волосово. Менѣе удачно обстояло дѣло у эстонскаго дессанта: у Капорья онъ былъ сильно потрепанъ большевиками и отошелъ по направленію къ д. Пейпія.

Я начиналъ сильно безпокоиться за лѣвый флангъ отряда полк. гр. Паленъ и немедленно выѣхалъ изъ Нарвы на автомобилѣ въ Ямбургъ, а оттуда поѣздомъ на ст. Волосово. Въ Ямбургѣ полк. Бибиковъ доложилъ мнѣ, что эстонскій дессантъ оказался ингерманландскимъ отрядомъ, что явилось для меня совершенной неожиданностью; отрядъ занялся пропагандой идей ингерманландской республики и назначилъ въ Сойкинской волости своихъ комендантовъ, не исполнявшихъ приказаній полк. Бибикова.

Ревельскому полку, собравшемуся въ Ямбургѣ, я приказалъ, отдохнувъ въ раіонѣ ст. Тикописи, установить связь съ полк. гр. Паленъ и ждать его дальнѣйшихъ приказаній.

Въ Эстонскій штабъ я сообщилъ, что не могу допустить двоевластія въ только что освобожденной области, а потому своеволія ингерманландцевъ не потерплю и прошу ген. Теннисонъ дать этому отряду соотвѣтствующія указанія.

Пріѣхавъ въ штабъ полк. гр. Паленъ, я прежде всего ознакомился съ обстановкой. Волынскій полкъ занималъ позицію къ югу отъ ст. Кикерино; сформированный имъ изъ мѣстныхъ добровольцевъ отрядъ удачно дѣйствовалъ на правомъ флангѣ полка. Талабскій полкъ занималъ позицію восточнѣе и сѣвернѣе Кикерино. Еще сѣвернѣе дѣйствовалъ отрядъ пор. Данилова и конный отрядъ шт.-ротмистра Грюнвальдъ (бывшій полк. Бибикова). Островскій полкъ подъ командою полк. Ярославцева дѣйствовалъ около Капорья. Добровольцы изъ мѣстныхъ крестьянъ усиленно помогали нашимъ успѣшнымъ дѣйствіямъ и я разрѣшилъ пополнить полки какъ добровольцами, такъ и, по выбору, изъ плѣнныхъ красноармейцевъ.

Полк. графъ Паленъ подтвердилъ мнѣ, что ингерманландцы дѣйствуютъ совершенно самостоятельно и подчиниться не хотятъ. Это могло скверно отразиться на операціи, т. к. настроеніе хотя и было бодрое, но части сильно устали и требовали подкрѣпленій, а большевики, очевидно, уже поспѣшно начали стягивать резервы къ Петрограду.

Все это могло кончиться для насъ плохо. Ни у меня, ни у кого другого не могло быть и мысли о занятіи Петрограда такими ничтожными силами, но отдавать обратно уже освобожденную отъ большевиковъ мѣстность являлось нежелательнымъ; не солидарныя же дѣйствія ингерманландцевъ все время держали нашъ лѣвый флангъ подъ угрозой удара большевиковъ отъ Красной Горки, каковой ударъ, въ случаѣ удачи, могъ поставить весь корпусъ въ критическое положеніе. Для того, чтобы окончательно выяснить положеніе съ ингерманландцами и точно узнать, что дѣлается на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, я рѣшилъ вернуться въ Ямбургъ. Полк. Бибикову я приказалъ собрать добровольцевъ для сформированія дружины для охраны г. Ямбурга, а кап. Ставскаго съ его ротой передать въ распоряженіе полк. графа Паленъ.

Генералъ Теннисонъ сообщилъ мнѣ, что для выясненія всѣхъ недоразумѣній съ ингерманландцами въ Ямбургъ на автомобилѣ выѣхалъ его помощникъ полк. Унтъ; дождавшись полковника, я отправился вмѣстѣ съ нимъ на двухъ автомобиляхъ въ дер. Котлы, гдѣ, по свѣдѣніямъ, долженъ былъ быть штабъ ингерманландскаго отряда. Въ Котлахъ мы его не нашли и утомленный полк. Унтъ вскорѣ уѣхалъ обратно, передавъ мнѣ, что согласно приказу Эстонскаго Главнокомандующаго ингерманландскій отрядъ въ оперативномъ отношеніи подчиняется мнѣ. Я поѣхалъ дальше на поиски отряда, направившись, по указаніямъ мѣстныхъ жителей на Капорье. У Глобицъ я настигъ Островскій полкъ только что съ боемъ занявшій эту деревню. Переговоривъ съ командиромъ полка полк. Ярославцевымъ, я отправился дальше и уже ночью нашелъ штабъ ингерманландскаго отряда. Начальнику этого отряда кап. Тапаляйнену я объявилъ, что въ оперативномъ

отношенiи отрядъ подчиняется мнѣ приказомъ Эстонскаго Главнокомандованiя, разрѣшенiе же вопроса о Ингерманландской Республикѣ зависитъ не отъ меня, а отъ Верховнаго Совѣта и поэтому прошу его обратиться съ этимъ вопросомъ туда, а пока я требую беэпрекословнаго исполненiя моихъ приказанiй, подчиняю отрядъ полковнику Ярославцеву, съ которымъ приказываю держать связь и категорически запрещаю вести какую-бы то ни было пропаганду на фронтѣ. Офицеры этого отряда въ большинствѣ были фины, но большинство изъ нихъ говорило по русски. Приказанiю моему они подчинились безпрекословно и немедленно была установлена связь съ полк. Ярославцевымъ.

Прибывъ въ Капорье около 2-хъ часовъ, я отправился по фронту на Бѣгуницы—Тешково—Клопицы и далѣе на Волосово въ штабъ графа Паленъ. По дорогѣ я посѣтилъ отряды шт.-ротмистра Грюнвальдъ и пор. Данилова. Полк. гр. Палену я объявилъ, что по назначенiи меня командующимъ корпусомъ я ему передамъ штабъ 2-ой стрѣлковой бригады; затѣмъ я уѣхалъ черезъ Ямбургъ—Нарву для отдачи приказа о скорѣйшемъ переводѣ оставшихся на Лужскомъ направленiи частей Волынскаго полка для организацiи безопасности (обезпеченiя) въ Лужскомъ направленiи и для отдачи соотвѣтствующихъ распоряженiй.

Въ Ямбургѣ ко мнѣ явился начальникъ артиллерiи полк. Исаевъ, которому я приказалъ сдѣлать распоряженiе о вывозѣ видѣнныхъ мною по дорогѣ въ Капорье, брошенныхъ большевиками, тяжелыхъ орудiй. По подсчету, произведенному полк. Исаевымъ, пока что за наше наступленiе нами было взято болѣе 15-ти орудiй, въ томъ числѣ 4—6 дюйм. Подсчетъ же большого количества плѣнныхъ и пулеметовъ не могъ быть произведенъ точно, т. к. большая часть ихъ не попадала въ тылъ, а шла на пополненiе полковъ. Особенно большое количество плѣнныхъ забралъ Конный отрядъ, который подъ командой шт.-ротмистра Грюнвальда дѣйствовалъ рѣшительно и блистательно: онъ смѣло захватилъ переправы у д. Муравейно и тѣмъ самымъ открылъ путь отряду гр. Паленъ, что дало ему возможность занять ст. Веймарнъ. Для плѣнныхъ я приказалъ полк. Бибикову отвести вблизи Ямбурга стеклянный заводъ.

Въ Ямбургѣ пришлось затратить много труда на приведенiе города въ порядокъ, налаживанiе снабженiя населенiя припасами, взятыми у большевиковъ, устройство лазаретовъ, привлеченiе мѣстныхъ земскихъ дѣятелей къ дѣлу упорядоченiя уѣзда и назначенiе комендантовъ волостей. Наладивъ болѣе или менѣе всѣ эти дѣла, я поѣхалъ въ Нарву, а оттуда на ст. Гостицы, гдѣ назначилъ полк. Георга начальникомъ участка между р. р. Лугой и Плюссой для организацiи мѣстныхъ добровольческихъ дружинъ, назначенiя волостныхъ комендантовъ и принятiя мѣръ къ оборонѣ рѣки Плюссы. Офицерскую роту я приказалъ расформировать и офицеровъ

направить по полкамъ. Георгіевскій баталіонъ переформировать въ полкъ и занять имъ участокъ между озеромъ Самро и р. Плюссой, а части Волынскаго полка направить на присоединеніе къ полку. Полковнику же Бадендыку съ ротой Ревельскаго полка усилиться добровольцами изъ мѣстныхъ жителей и держать участокъ между озеромъ Самро и рѣкой Лугой; при первой возможности я обѣщалъ вернуть въ этотъ раіонъ Ревельскій полкъ.

Во время этого перваго наступленія штабъ мой былъ весьма малочисленъ, средствъ связи почти не было, а потому большую часть приказаній мнѣ приходилось отдавать лично, разъѣзжая по фронту корпуса. Благодаря плохой связи, отъ полк. Балаховича донесеній почти не поступало и я рѣшилъ самъ проѣхать въ Гдовъ. Пріѣхавъ въ Гдовъ, я узналъ, что красная Чудская флотилія уже перешла на нашу сторону и по этому поводу вышли какія-то пререканія съ эстонской флотиліей: добровольно подъ Андреевскимъ флагомъ перешедшая къ намъ Раскопельская красная флотилія была отведена эстонцами въ Юрьевъ. Полк. Балаховичъ доложилъ мнѣ, что суда Чудской флотиліи, за исключеніемъ двухъ, затопившихъ себя въ Раскопели, подняли Андреевскій флагъ и перешли на русскую сторону, и что въ Юрьевъ она была отведена, вслѣдствіе категорическаго требованія эстонцевъ. Я приказалъ полк. Балаховичу самымъ энергичнымъ образомъ противиться захвату флотиліи эстонцами.

Вся мѣстность р. Желчи до Гдова была очищена отъ большевиковъ и лишь на лѣвомъ флангѣ еще держались кой-какія красныя части. Приказавъ подполк. Микошѣ съ 3-мя ротами Георгіевскаго полка перейти въ наступленіе, поддержать лѣвый флангъ полк. Балаховича и впередъ координировать съ нимъ свои дѣйствія,— я вернулся въ Нарву.

Въ Нарвѣ я нашелъ весь штабъ корпуса въ полномъ составѣ, кромѣ полк. Дзерожинскаго, который, никого не предупредивъ, уѣхалъ въ Ревель. Этотъ несвоевременный отъѣздъ полк. Дзерожинскаго, а главное промедленіе его въ передачѣ мнѣ командованія корпусомъ, какъ было условлено, поставили меня въ необходимость, не дожидаясь его возвращенія, отдать приказъ о моемъ временномъ вступленіи въ командованіе корпусомъ.

За время моего отсутствія положеніе въ отрядѣ у полк. гр. Паленъ мало измѣнилось.

Только пріѣхавъ въ Нарву, я случайно узналъ, что въ штабѣ полк. Балаховича вновь появился г. Ивановъ, во время пріѣздовъ моихъ въ Гдовъ тщательно тамъ скрывавшійся. Оказывается, начальникъ штаба, поручикъ Видякинъ, не отправилъ его въ Нарву, какъ было мною приказано, а просто предложилъ ему удалиться изъ предѣловъ штаба, и онъ своими средствами добрался до Гдова, гдѣ и началъ очень энергично проявлять свою дѣятельность: издавалъ и распростра-

нялъ какія-то постановленія, печаталъ прокламаціи и т. д. (Приложеніе № 8). Г. Ивановъ дошелъ даже до того, что выпустилъ какія-то прокламаціи отъ моего имени. Съ этимъ надо было во что бы то ни стало покончить и по возвращеніи полк. Дзерожинскаго я объявилъ, что не приму корпуса до тѣхъ поръ, пока будутъ происходить такія самостоятельныя выступленія отдѣльныхъ личностей, полк. же Балаховичу приказалъ немедленно удалить г. Иванова изъ Гдова. Окончательно рѣшилъ я вступить въ командованіе корпусомъ лишь послѣ того, какъ съѣздилъ вмѣстѣ съ полк. Дзерожинскимъ въ Гдовъ, гдѣ въ нашемъ присутствіи, а также въ присутствіи ротмистра фонъ-Цуръ-Мюленъ (нач. штаба полк. Балаховича), полк. Балаховичъ далъ честное слово не работать больше съ Ивановымъ. Г. Ивановъ скрылся изъ Гдова въ Юрьевъ. Вступивъ наконецъ въ командованіе корпусомъ, я условился съ полк. Дзерожинскимъ, что онъ приметъ на себя командованіе бригадой въ составѣ Ревельскаго и Георгіевскаго полковъ и отряда полк. Бадендыка, а также займется организаціей отрядовъ изъ мѣстныхъ добровольцевъ въ раіонѣ между Сабскомъ и рѣкой Плюссой, причемъ штабъ его будетъ находиться въ Гостицахъ. Такимъ образомъ явилось три боевыхъ участка: южный (Гдовскій) по р. Желчѣ до р. Плюссы подъ командой полк. Балаховича; средній — отъ р. Плюссы до Сабска подъ командой полк. Дзерожинскаго и третій — отъ Сабска до Финскаго залива подъ командой полк. графа Паленъ.

Долженъ отдать справедливость всѣмъ командующимъ лицамъ, всѣмъ г.г. офицерамъ и солдатамъ, что работа велась энергично и напряженно — объ усталости не было и рѣчи. Нѣкоторыми начальниками были сдѣланы ошибки, но выбора не было и приходилось довольствоваться тѣми, кто былъ, и о замѣнѣ не могло быть и рѣчи; честныхъ и энергичныхъ людей было очень мало, и все дѣло держалось только на нѣсколькихъ дѣйствительно выдающихся офицерахъ. Къ сожалѣнію энергичные люди часто были склонны къ партизанщинѣ, какъ напримѣръ полк. Балаховичъ. Полковникъ Дзерожинскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Полковника Крузенштіерна я тоже произвелъ въ генералъ-маіоры и назначилъ Главнымъ Начальникомъ Тыла. Управляющимъ гражданской частью былъ назначенъ полк. Хомутовъ, Начальникомъ Снабженія полк. Поляковъ, Начальникомъ Военныхъ Сообщеній полк. Третьяковъ. Всѣ эти отдѣлы были въ непосредственномъ вѣдѣніи генерала Крузенштіерна и въ эти назначенія я не вмѣшивался, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже сказалъ, выборъ былъ не великъ и особенно разбираться не приходилось. Завѣдываніе Отдѣломъ Внѣшнихъ Сношеній было передано подполк. Крузенштіерну, брату генерала, и Отдѣлъ оставленъ въ Ревелѣ.

Лично у меня былъ полевой штабъ, начальникомъ котораго я пригласилъ полк. Зейдлицъ; дежурнымъ генераломъ

былъ оставленъ полк. баронъ Вольфъ, Начальникомъ Оперативнаго Отдѣленія ротмистръ Костанда, Инспекторомъ Артиллеріи полк. Исаевъ и Начальникомъ Этапно-Хозяйственной части ген. Зильбергъ. Я выдѣлилъ всѣ тыловыя управленія подъ начальствомъ ген. Крузенштіерна, потому что мнѣ лично постоянно приходилось бывать на фронтѣ, чтобы отдачей приказаній на мѣстѣ, также какъ и своимъ присутствіемъ дополнять недостатки связи. Работа была настолько интенсивна и разъѣздовъ было такъ много, что мой ординарецъ прапорщ. Шемякинъ не смогъ выдержать и мнѣ пришлось вернуть къ себѣ бывшаго моего адъютанта поруч. барона Менгденъ, а также прикомандировать къ себѣ войскового старшину Пермикина. Послѣдняго я взялъ къ себѣ главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть черезъ него постоянную связь съ отрядомъ Балаховича, хотя прекрасно зналъ его сомнительную этику. Штабъ 2-ой бригады я цѣликомъ передалъ полк. гр. Паленъ.

Полк. Балаховичъ донесъ мнѣ, что эстонцы окончательно завладѣли Чудской флотиліей и возвратить ее намъ не соглашаются; я снесся по этому дѣлу съ Эстонскимъ Главнокомандующимъ и получилъ отъ него обѣщаніе назначить разслѣдованіе.

Когда мы окончательно завладѣли рѣкой Желчей и перешли въ наступленіе къ югу отъ Гдова — 2-ая Эстонская дивизія также перешла въ наступленіе въ направленіи на Псковъ. Ясно было, что благодаря нашимъ удачнымъ дѣйствіямъ и тому, что мы окончательно захватили иниціативу въ свои руки, настроеніе у красныхъ весьма понизилось и Псковъ долженъ былъ пасть со дня на день. Я просилъ генерала Лайдонера дать приказаніе 2-ой Эстонской дивизіи связать свои дѣйствія съ нашими и занять Псковъ общими комбинированными дѣйствіями, на что ген. Лайдонеръ отвѣтилъ мнѣ, что онъ не можетъ руководствоваться моими соображеніями и будетъ дѣйствовать согласно тому, какъ сложится обстановка. Изъ этого я понялъ, что эстонцы хотятъ занять Псковъ самостоятельно, поэтому я вновь поѣхалъ въ Гдовъ къ пол. Балаховичу и потребовалъ возможно болѣе энергичнаго продвиженія въ Псковскомъ направленіи. На слѣдующій день, вернувшись въ Нарву, я получилъ извѣстіе, что Псковъ уже занятъ эстонскими войсками. Въ это время къ полк. Балаховичу присоединился партизанскій отрядъ подъ начальствомъ прапорщика Леды, съорганизованный изъ мѣстныхъ крестьянъ хуторянъ, и дѣйствовавшій по направленію на Струги Бѣлыя. Вообще населеніе встрѣчало насъ хорошо, въ особенности хуторяне, которыхъ въ Гдовскомъ уѣздѣ много.

Пока я былъ занятъ устройствомъ дѣлъ и поѣздкой въ Гдовъ, положеніе у полк. гр. Паленъ сильно обострилось, благодаря подкрѣпленіямъ, прибывшимъ къ краснымъ; среди этихъ подкрѣпленій были отряды коммунистовъ и курсантовъ,

которые, нужно отдать имъ справедливость, сражались хорошо. Приказавъ полк. Балаховичу съ отрядомъ партизанъ и съ Коннымъ полкомъ очистить отъ большевиковъ мѣстность между Желчей и Псковомъ и возможно скорѣй соединиться съ эстонскими войсками, я велѣлъ Балтійскому полку немедля перебросится на сѣверный фронтъ къ полк. гр. Паленъ; самъ полкъ долженъ былъ погрузить свой отрядъ въ вагоны и доѣхать до ст. Поля и оттуда двигаться пѣшимъ порядкомъ на Ямбургъ; конная же часть отряда должна была пойти походнымъ порядкомъ черезъ Муравейно. Храбрый командиръ доблестнаго Балтійскаго полка полковникъ Вейсъ былъ раненъ въ животъ и полкомъ въ это время командовалъ ротмистръ фонъ-Цуръ-Мюленъ.

Большевики стянули противъ отряда графа Паленъ двѣ дивизіи, отдѣльную бригаду и конную бригаду. Изъ перехваченныхъ донесеній была выяснена поставленная имъ задача: правофланговая дивизія должна была двигаться отъ Петергофа и отъ Краснаго Села и занять Капорье и Керстово; съ праваго фланга она должна была быть поддержана гарнизономъ Красной Горки; вторая дивизія отъ Краснаго Села и Гатчины должна была двигаться на Керстово и Муравейно; отдѣльная бригада должна была дѣйствовать на югъ отъ Гатчины въ обходъ нашему лѣвому флангу, а Конной бригадѣ было приказано двигаться на Верестъ въ тылъ правому флангу отряда графа Паленъ. Отряды курсантовъ, коммунистовъ и рабочихъ гор. Петрограда частью находились въ тылу большевистскихъ частей для ихъ подбодренія, а частью были на фронтѣ вкраплены между ними. Лѣвый нашъ флангъ былъ нѣсколько оттѣсненъ въ виду того, что ингерманландцы не только не прикрывали его, но вообще выражали мало желанія драться; они отошли и заняли позиціи впереди Пейпія, Капорья и Систа-Палкина. Лѣвый флангъ отряда полк. Ярославцева упирался въ Капорье. Получивъ донесеніе, что Семеновскій полкъ выражаетъ желаніе перейти отъ большевиковъ къ намъ, полк. гр. Паленъ приказалъ ротмистру Пермикину съ Талабскимъ полкомъ перейти въ наступленіе противъ отдѣльной бригады, къ которой принадлежалъ Семеновскій полкъ, и взять его цѣликомъ. Ротмистръ Пермикинъ блестяще выполнилъ возложенную на него задачу: Семеновскій полкъ былъ окруженъ и перешелъ на нашу сторону; другой полкъ той же бригады былъ разбитъ; мостъ у ст. Сиверской былъ взорванъ подрывниками ротмистра Пермикина и Талабчане не дошли до Гатчины всего 8 верстъ, послѣ чего, повернули правымъ плечомъ и отошли къ ст. Кикерино. Такимъ образомъ обходившая нашъ правый флангъ пѣхотная колонна была ликвидирована. Пріѣхавъ поблагодарить Талабчанъ за лихое дѣло, я былъ пріятно пораженъ ихъ бодрымъ видомъ. Семеновскій полкъ, перешедшій подъ командою кап. Зайцева, я приказалъ сосредоточить у ст. Кикерино; въ полку было около 600 штыковъ, нѣсколько человѣкъ кадровыхъ

офицеровъ, оркестръ музыки, а также двухъ-орудійная батарея; весь полкъ выразилъ желаніе немедленно драться противъ большевиковъ; я сохранилъ ему наименованіе Семеновскаго и приказалъ дать нѣсколько дней отдыха.

Колонна, обходившая нашъ правый флангъ, была ликвидирована; положеніе же на лѣвомъ флангѣ дѣлалось все серьезнѣе. Резервовъ не было никакихъ; Балтійскій полкъ могъ подойти лишь черезъ 2—3 дня. Я приказалъ сформированной въ Ямбургѣ комендантской ротѣ подъ командою кап. II ранга Столицы двигаться на поддержку полк. Ярославцева.

Послѣ занятія эстонцами Пскова нѣмецкія войска и ландесверъ, находившіеся въ Курляндіи у Либавы, перешли въ наступленіе, очень быстро заняли Ригу и выдвинулись восточнѣе ея, подойдя къ Вендену. Свѣдѣнія объ ихъ движеніи получались у насъ самыя скудныя, т. к. никакой связи съ этой организаціей мы не имѣли; намъ было извѣстно только то, что въ наступленіи принимаютъ участіе нѣмецкая Желѣзная дивизія, балтійскій ландесверъ и русскій отрядъ подъ командою ротмистра князя Ливенъ. Направленіе, которое взяли эти войска, эстонскому командованію показалось подозрительнымъ, и, зная непріязненныя отношенія между эстонцами и нѣмцами, я сильно боялся, чтобъ между ними не вышло столкновенія.

Возвращаясь однажды въ Нарву съ очередной поѣздки на фронтъ, я узналъ, что въ Нарву прилетѣлъ на аэропланѣ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ лейтенантомъ сенаторъ Нейдгардтъ изъ Риги. Эстонскія власти приказали его арестовать, причемъ, по недоразумѣнію, арестовали и одинъ изъ моихъ автомобилей, на которомъ совершенно случайно, проѣзжалъ недалеко отъ мѣста спуска аэроплана завѣдующій автомобилями корнетъ Вальтеръ. По этому поводу я потребовалъ отъ Эстонскаго командованія извиненія, которыя и были мнѣ принесены. Отвѣчая на вопросы присутствующихъ при спускѣ, сенаторъ Нейдгардтъ разсказалъ, что на слѣдующій день должны были прилетѣть еще два аэроплана. Озлобленіе эстонцевъ противъ нѣмцевъ возрастало и особенно усилилось, когда пришло извѣстіе, что нѣмецкая Желѣзная дивизія собирается занять Венденъ. На слѣдующій день дѣйствительно прилетѣли два другихъ аэроплана съ нѣмецкими знаками и спустились у станціи Салы. Я какъ разъ въ то время ѣхалъ въ Ямбургъ и встрѣтилъ по дорогѣ нѣмецкихъ авіаторовъ съ ихъ спутниками, сильно избитыхъ арестовавшими ихъ эстонцами; одинъ изъ нихъ былъ даже раненъ. Ведшій ихъ эстонскій офицеръ и солдаты держали себя весьма вызывающе; когда я хотѣлъ подойти и узнать въ чемъ дѣло, они меня къ арестованнымъ не допустили, несмотря на то, что аэропланы снизились на нашей территоріи. Я вернулся въ штабъ I-ой Эстонской дивизіи и категорически заявилъ, что я совершенно не знаю, что это за аэропланы и для чего они прилетѣли, но требую,

чтобы на русской территоріи эстонцы не позволяли себѣ кого бы то ни было задерживать безъ разрѣшенія русскихъ военныхъ властей. Эстонскія власти принесли мнѣ свои извиненія, и я тутъ же отправилъ телеграмму ген. Лайдонеру о происшедшемъ, причемъ завѣрилъ его, что никакихъ сношеній съ нѣмецкими властями у меня не было, и цѣль прилета аэроплановъ мнѣ совершенно неизвѣстна. Прилетъ этихъ аэроплановъ значительно ухудшилъ отношенія между нами и эстонцами, тѣмъ болѣе, что эстонцы ставили его въ связь съ начавшимся въ это время наступленіемъ на Эстонію нѣмецкаго ландесвера: по всей Эстоніи началось поголовное гоненіе на всѣхъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Мнѣ же цѣль прилета аэроплановъ неизвѣстна и до сихъ поръ; результатовъ судебнаго слѣдствія, которое велось по этому поводу эстонскими властями, мнѣ получить не удалось. Впослѣдствіи я спрашивалъ князя Ливенъ, не онъ ли посылалъ эти аэропланы, но онъ отвѣтилъ, что о посылкѣ ихъ ничего не зналъ и вообще считалъ поведеніе ландесвера безтактнымъ, объясняя его провокаціей со стороны нѣмцевъ, которая имъ вполнѣ удалась. Можетъ быть въ этомъ безцѣльномъ наступленіи сыграло роль желаніе нѣкоторыхъ балтійскихъ помѣщиковъ поскорѣе вернуть свои имѣнія. Для насъ во всякомъ случаѣ было очень грустно, что наладившіяся было хорошія отношенія съ эстонцами этими фактами сильно испортились. Эстонскія газеты подняли шумиху, а лозунги выдвинутые генераломъ Деникинымъ и для эстонцевъ явно непріемлемые, какъ „Великая, Единая, Недѣлимая Россія“ еще болѣе усилили ихъ недовольство и отношенія наши еще ухудшились. Если бы у меня не было такъ много дѣла на фронтѣ, я бы, по всей вѣроятности, больше вниманія удѣлилъ прилету аэроплановъ, но тутъ мнѣ было не до нихъ. Наконецъ пришло донесеніе, что полк. Балаховичъ вступилъ въ Псковъ и соединился съ эстонскими войсками.

Вскорѣ послѣ начала нашихъ удачныхъ дѣйствій стали прибывать на фронтъ одна за другой различныя иностранныя комиссіи. Одной изъ первыхъ прибыла союзническая Военная Миссія во главѣ съ ген. Гофомъ и Американская Продовольственная Комиссія.

Комиссіи эти разъѣзжали по фронту, смотрѣли, поздравляли, изучали наше положеніе со всѣхъ сторонъ и, главное, очевидно хотѣли выяснить, насколько организація наша сильна и прочна. Въ виду того, что онѣ обѣщали оказать намъ всевозможную помощь, я приказывалъ поѣздки эти обставлять съ возможною помпой и быть съ ними какъ можно любезнѣе, но надо сказать, что онѣ отнимали у меня не мало времени. Ухудшеніе отношеній нашихъ съ эстонцами сказалось довольно быстро: вскорѣ послѣ прилета аэроплановъ эстонцы прекратили выдачу намъ денегъ и продовольствія. Единственная комиссія, которая принесла намъ существенную пользу — была американская: видя наше отчаянное положе-

ніе, американцы предложили намъ поставлять муку и сало. Обсудивъ этотъ вопросъ съ генераломъ Крузенштіерномъ, мы вскорѣ пришли съ американцами въ соглашеніе, и они въ точности исполнили свои обѣщанія: въ заранѣе назначенный день прибыли къ намъ сало и мука, что не только дало возможность существовать корпусу, но и позволило слегка подкормить населеніе. Работа генерала Крузенштіерна въ этомъ направленіи была очень удачна, и американцы питали къ нему большое довѣріе. Въ то же время другая большая политическая работа выпала на долю подполковника Крузенштіерна, — политическіе переговоры съ иностранцами и эстонцами, которые онъ велъ съ должнымъ тактомъ и умѣніемъ. Благодаря этимъ двумъ лицамъ армія и населеніе получили возможность существовать, и политическое положеніе арміи стало крѣпнуть.

Ухудшеніе отношеній эстонцевъ къ намъ сказалось еще въ томъ, что они продолжали поддерживать ингерманландскія домогательства, и въ Сойкинской волости вновь началась усиленная пропаганда. Я поручилъ полковнику Крузенштіерну выяснить ингерманландскій вопросъ какъ у Эстонскаго Правительства, такъ и въ Парижѣ у Сазонова. Я также старался разъяснить Англійской Миссіи, что никакого ингерманладскаго населенія вообще не существуетъ, что въ Петроградской губерніи живутъ русскіе, эстонцы, фины, принявшіе православіе корелы и ижоры, при чемъ наибольшій процентъ населенія приходится на долю русскихъ (болѣе 60 %) населенія. Я рѣшительно не могъ понять, кому и для чего нужно учрежденіе Ингерманландской республики. Я неоднократно заявлялъ, что если Ингерманландская республика должна появиться на свѣтъ, то пусть тѣ, кто интересуется этимъ вопросомъ, обратятся въ Мирную Конференцію, а на фронтѣ я не могу допустить никакой агитаціи. Заявленія мои успѣха не имѣли и я потребовалъ къ себѣ въ Ямбургъ начальника Ингермаландскаго отряда капитана Тапалайнена. Текущія дѣла на фронтѣ отвлекли мое вниманіе отъ ингерманландскаго вопроса, и я уѣхалъ изъ Ямбурга, не дождавшись капитана Тапалайнена, и имѣлъ съ нимъ разговоръ только черезъ нѣсколько дней.

Въ Псковѣ полк. Балаховичъ вошелъ въ связь съ эстонцами и вновь началъ проводить какую-то свою сепаратную политику. Опять явился на сцену г. Ивановъ, привезенный въ Псковъ эстонцами еще до вступленія въ него отряда полковника Балаховича. Ивановъ началъ издавать свою газету въ Псковѣ, печаталъ и распространялъ прокламаціи, собиралъ какія-то засѣданія общественныхъ дѣятелей и сталъ во главѣ гражданскаго управленія Пскова и его окрестностей. Я приказалъ полковнику Балаховичу удалить его, но это исполнено не было, и я окончательно понялъ, что эстонцы вошли въ связь какъ съ Балаховичемъ, такъ и съ Ивановымъ. Я послалъ вторичное приказаніе и лично, по телеграфному аппарату, требовалъ его немедленнаго исполненія; полковникъ

Балаховичъ отвѣчалъ „слушаю-съ“, но на дѣлѣ приказанія не исполнялъ.

Первое время послѣ занятія Пскова къ полк. Балаховичу стали переходить многія красныя части; вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему стекалась со всѣхъ сторонъ масса „зеленыхъ“ (красные дезертиры). Вообще, положеніе южнаго фронта, гдѣ, кромѣ отряда Балаховича, были еще значительные отряды эстонцевъ, уже закончившіе свою борьбу съ ландесверомъ, было значительно солиднѣе положенія на Сѣверномъ фронтѣ. Населеніе подъ Псковомъ съ чрезвычайнымъ подъемомъ шло на встрѣчу нашимъ войскамъ, что сильно облегчало общую борьбу, но подъемъ этотъ становился менѣе замѣтенъ по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Петрограду. Въ виду крайняго напряженія на участкѣ полковника графа Паленъ самъ я проѣхать въ Псковъ не могъ. Прибытіе Балтійскаго полка нѣсколько усилило наше положеніе и, долженъ отдать полную справедливость этому доблестному полку, что онъ много помогъ Сѣверному корпусу своей боевой работой. Изъ Пскова получались свѣдѣнія о грабежахъ эстонскихъ солдатъ. Приказанія моего о выселеніи Иванова изъ Пскова полковникъ Балаховичъ не выполнилъ, намекая, что его въ этомъ поддерживаютъ эстонцы. Тогда я обратился къ эстонскому командованею съ требованіемъ удаленія Иванова изъ Пскова и прекращ нія разграбленія города эстонскими солдатами; въ отвѣтъ на это обращеніе я получилъ отъ генерала Лайдонера телеграмму, извѣщавшую меня, что онъ слагаетъ съ себя главнокомандованіе русскими войсками. Я отвѣтилъ ему телеграммой, выразившей мое сожалѣніе по этому поводу, и мою готовность служить всегда подъ его командованіемъ. Я дѣйствительно очень сожалѣлъ объ отказѣ генерала Лайдонера быть главнокомандующимъ надъ русскими войсками, т. к. считалъ, что пока онъ главнокомандующій мы можемъ быть болѣе или менѣе спокойны за свой тылъ.

На сѣверномъ нашемъ фронтѣ продолжались ежедневные ожесточенные бои. Несмотря на уничтоженіе отдѣльной бригады;, лѣвому, нашему флангу пришлось, благодаря бездѣйствію ингерманландцевъ, отойти отъ Капорья подъ сильнымъ нажимомъ противника и все время были опасенія за прорывъ или обходъ его. Большевики все подвозили и подвозили новыя подкрѣпленія; у насъ же сталъ сильно ощущаться недостатокъ въ командномъ составѣ, т. к. много лучшихъ офицеровъ было убито и переранено. Въ виду отсутствія командного состава я не могъ въ полной мѣрѣ использовать вновь получаемыя пополненія добровольцевъ и плѣнныхъ. Я настойчиво просилъ у англичанъ о переправкѣ офицеровъ изъ Финляндіи, гдѣ они безъ всякаго дѣла сидѣли по общежитіямъ, но по причинамъ, которыя для меня до сихъ поръ неясны, этихъ офицеровъ не только не отправляли къ намъ, что было вполнѣ возможно, но даже препятствовали тѣмъ изъ нихъ, кто хотѣлъ переѣхать на тотъ берегъ на

личныя свои средства; дѣло дошло до того, что офицеры, рвущіеся въ армію, стали прибывать изъ Выборга въ Лужскую Губу самоволно на рыбачьихъ лайбахъ съ явнымъ рискомъ быть захваченными большевистскими миноносцами, державшими наблюденіе за Финскимъ заливомъ. Многіе офицеры въ то же время были отправлены изъ Финляндіи на Архангельскій фронтъ.

Около 15-го іюня полковникъ Вѣтренко на правомъ нашемъ флангѣ вошелъ въ сношенія съ направленной въ обходъ его бригадой противника и одинъ изъ полковъ этой бригады перешелъ на нашу сторону. Другой полкъ той же бригады былъ немедленно отведенъ въ тылъ, т. к. большевики очевидно боялись, что и онъ перейдетъ къ намъ. Угроза обхода нашего праваго фланга такимъ образомъ была на время ликвидирована. Въ то же время лѣвый нашъ флангъ значительно усилился прибытіемъ Балтійскаго полка и около 20-го іюня смогъ снова перейти въ наступленіе и занялъ Капорье и Воронино. Благодаря этому, къ 20-му іюня на сѣверномъ участкѣ мы занимали фронтъ: правый флангъ въ д. Верестъ, далѣе впереди Кикерино, на Каськово и лѣвый флангъ около Усть-Рудницы. Ингерманландцы дѣйствовали вдоль самаго побережья. Къ несчастью, при этомъ послѣднемъ наступленіи много доблестныхъ офицеровъ было ранено и убито; среди другихъ пострадалъ и храбрый штабсъ-капитанъ Даниловъ, раненый въ руку.

Положеніе бригады генерала Дзерожинскаго въ это время было весьма неустойчиво, хотя подполковнику Бадендыку и удалось сформировать изъ добровольцевъ небольшой отрядъ, съ которымъ онъ даже занялъ Красныя Горы, но вскорѣ долженъ былъ изъ нихъ ретироваться подъ напоромъ во много разъ превосходныхъ силъ противника. Георгіевскій полкъ, послѣ занятія эстонцами Пскова, двинулся къ юго-востоку отъ озера Самро. Въ томъ же раіонѣ собралъ отрядъ и началъ переформировывать его въ полкъ энергичный полковникъ Минихъ.

Донесенія отъ полковника Балаховича, какъ всегда, приходили рѣдко, неаккуратно и отличались большой неточностью, но положеніе его было твердое, благодаря переходу къ нему нѣсколькихъ большевистскихъ частей. Онъ выдвинулся на Струги Бѣлыя и въ направленіи къ Порхову и Острову. Въ самомъ же Псковѣ продолжалъ сидѣть Ивановъ и происходили всевозможныя безобразія; партизаны, больше всего личная сотня „батьки", грабили и насильничали; людей, обвиняемыхъ въ большевизмѣ, вѣшали на улицахъ на фонарныхъ столбахъ, въ населеніи начался ропотъ. Чтобы заставить полковника Балаховича и его отрядъ исполнять мои приказанія, я, переговоривъ съ американцами, распорядился прекратить доставку продовольствія для вышеуказаннаго отряда.

Въ серединѣ Іюня англійскимъ генераломъ Гофомъ, для урегулированія различныхъ спорныхъ вопросовъ, было соз-

вано совѣщаніе съ участіемъ эстонцевъ и Ревельскихъ представителей Англіи, Франціи и Америки; былъ на него приглашенъ и я. Въ Ревелѣ на вокзалѣ меня встрѣтилъ эстонскій офицеръ и доложилъ, что согласно приказанію Эстонскаго командованія въ моей квартирѣ помѣщена Французская Военная Миссія, для меня же оставлена комната въ гостинницѣ „Золотой Левъ". Я опредѣленно отказался ѣхать въ гостинницу и отправился къ себѣ на квартиру, гдѣ приказалъ доложить о себѣ французскому полковнику Гюрстель. Полковнику я сказалъ, что очень радъ оказать союзнику гостепріимство. Французы извинились, что заняли эту квартиру, не зная, что она моя, объяснивъ это тѣмъ, что она была отведена имъ эстонскими властями; они потѣснились, и я, конечно, остановился не въ гостинницѣ, а въ собственной своей квартирѣ. Въ этой исторіи съ квартирой поведеніе эстонцевъ было болѣе чѣмъ странно, тѣмъ болѣе, что на квартирѣ оставались мои вещи и деньги за нее были мною уплочены впередъ. Ко дню совѣщанія въ Ревель пріѣхали отъ генерала Юденича генералъ Кузьминъ-Караваевъ, г. Карташевъ и генералъ Суворовъ; это былъ первый случай, что генералъ Юденичъ реально проявилъ признаки своего существованія. Я обратился къ этимъ лицамъ съ просьбой о присылкѣ офицеровъ, которыхъ было въ Финляндіи, какъ говорили, до четырехъ тысячъ, и подкрѣпленій. Носились слухи, что генераломъ Юденичемъ въ Финляндіи сформирована армія въ 14,000 штыковъ; кромѣ того, я просилъ возможно скорѣе выяснить обстановку въ Финляндіи, т. е. выступитъ ли она противъ большевиковъ или нѣтъ; вмѣстѣ съ генераломъ Крузенштіерномъ я просилъ ихъ передать генералу Юденичу наше ходатайство о разрѣшеніи печатать деньги, а также заявилъ, что считаю совершенно необходимымъ скорѣйшій пріѣздъ на этотъ берегъ самого генерала Юденича для разрѣшенія многихъ вопросовъ срочной важности. На всѣ мои вопросы отвѣты я получилъ очень неопредѣленные; что именно дѣлается въ Финляндіи и можно ли разсчитывать на ея поддержку, для меня такъ и осталось невыясненнымъ.

На засѣданіи генералъ Гофъ отсутствовалъ; предсѣдательствовалъ англійскій генералъ Марчъ. Онъ передалъ мнѣ напечатанную бумагу изъ четырехъ пунктовъ, суть которыхъ заключалась въ слѣдующемъ: 1 пунктъ — мы должны помнить, что всю помощь Сѣверной арміи Антанта даетъ исключительно лично въ распоряженіе генерала Юденича; 2-ой—мы должны питать чувства благодарности къ эстонскому народу и правительству, т. к. армія формировалась на эстонской территоріи: Пунктъ 3-й — я являюсь единственнымъ командующимъ всѣми русскими силами на эстонскомъ фронтѣ; 4-ый — я сейчасъ точно не помню, но въ немъ было что-то о демократическихъ принципахъ, которымъ вѣрна Антанта.

Вызванный на совѣщаніе полковникъ Балаховичъ не пріѣхалъ, отговорившись болѣзнью, а въ серединѣ засѣданія

появился полковникъ Стоякинъ, отрекомендовавшійся начальникомъ штаба полковника Балаховича. Я заявилъ генералу Марчу, что я полковника Стоякина начальникомъ штаба Балаховича признать не могу, т. к. я такого назначенія не дѣлалъ, и категорически требую немедленнаго его удаленія изъ засѣданія; требованіе мое было исполнено.

На вопросъ мой, когда и какъ будетъ намъ возвращена Чудская флотилія, — я и отъ генерала Марча и отъ эстонцевъ получилъ уклончивый отвѣтъ. Засѣданіе было очень короткое и никакихъ реальныхъ результатовъ не имѣло. Можно было смѣло не созывать засѣданія, переслать нарочнымъ бумагу и не отвлекать меня отъ болѣе важныхъ дѣлъ.

Послѣ засѣданія я вызвалъ полковника Стоякина на квартиру подполковника Крузенштіерна, гдѣ имѣлъ съ нимъ крупный разговоръ, кончившійся тѣмъ, что я приказалъ ему немедленно возвращаться обратно и передать полковнику Балаховичу, что онъ до тѣхъ поръ не получитъ продовольствія, пока не станетъ меня слушаться; если же онъ все-таки будетъ продолжать упорствовать, то онъ будетъ отрѣшенъ отъ командованія. Полковникъ Стоякинъ по всѣмъ признакамъ хорошо столковался и съ Балаховичемъ и съ эстонцами и никакъ не ожидалъ встрѣтить въ Ревелѣ такой нерадушный пріемъ. Впечатлѣніе онъ на меня произвелъ настолько отрицательное, что я даже усумнился въ томъ, дѣйствительно ли онъ Георгіевскій Кавалеръ и полковникъ Генеральнаго Штаба, каковымъ онъ себя именовалъ.

Вечеромъ въ день засѣданія я получилъ донесеніе о переходѣ Красной Горки на нашу сторону и объ обстрѣлѣ ею Кронштадта. Очень жалѣя, что ненужное засѣданіе отняло у меня возможность въ эту минуту быть на фронтѣ, я немедленно выѣхалъ въ Нарву, а далѣе на автомобилѣ въ штабъ полковника Паленъ. Выяснивъ, насколько было возможно при плохой связи съ ингерманландцами, обстановку, я рѣшилъ самъ поѣхать къ Красной Горкѣ и отправился въ д. Рудницы въ штабъ полковника Нефъ, назначеннаго графомъ Паленъ начальникомъ всей группы, дѣйствовавшей на побережьи.

Тамъ я узналъ, что въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ дней ингерманландцы не только не сообщали въ штабъ отряда о переходѣ Красной Горки на нашу сторону, но всячески этотъ переходъ отъ штаба скрывали. Проѣхать мнѣ на Красную Горку оказалось невозможнымъ, т. к. дорогу за д. Рудницами нельзя было проѣхать на автомобилѣ, а лошадей не было, кромѣ того, большевики подтянули подкрѣпленія и перешли въ сильное контръ-наступленіе на Красную Горку. Я отдалъ полковнику Нефъ приказаніе возможно скорѣе войти въ связь съ гарнизономъ Красной Горки, отнюдь его не разоружать, а отобрать изъ него лучшій элементъ и попытаться съ нимъ занять и удержать Красную Горку въ нашихъ рукахъ.

Тамъ же я, опять черезъ штабъ полковника графа Паленъ, поѣхалъ въ Нарву для того, чтобы просить поддержки англійскаго флота и эстонскихъ военныхъ судовъ. Съ англійскимъ флотомъ у насъ, къ сожалѣнію, были самыя неопредѣленныя отношенія, я неоднократно просилъ наладить связь черезъ завѣдывающаго морскимъ отдѣломъ при арміи капитана 1-го ранга Кнюпфера, но англійскій адмиралъ Коганъ почему то этой связи не пожелалъ, а предпочиталъ ограничиться связью только съ командующимъ эстонской флотиліей капитаномъ Питка, усиленно поддерживавшимъ ингерманландцевъ.

Проѣзжая черезъ Ямбургъ, я обратилъ вниманіе на то, что мостъ все еще не готовъ, несмотря на то, что мною было категорически приказано вести работы ночью и днемъ. Я вызвалъ къ себѣ завѣдывающаго ремонтомъ моста инженера Солнцева, который на вопросъ мой, когда мостъ будетъ готовъ, отвѣтилъ, что если ему будутъ даны рабочіе и деньги, то онъ сможетъ работу закончить черезъ недѣлю. Я обѣщалъ выдать ему необходимую сумму изъ тѣхъ денегъ, что были отобраны у большевиковъ — (80.000 керенокъ, единственныя деньги у меня вообще имѣвшіяся за время моего командованія) и приказалъ передать полковнику Третьякову, что если черезъ недѣлю мостъ не будетъ готовъ, то я всѣхъ причастныхъ къ этому дѣлу лицъ отдамъ подъ полевой судъ. Ровно черезъ 6 дней черезъ мостъ былъ пущенъ первый поѣздъ, что значительно упростило и снабженіе и сообщеніе съ отрядомъ графа Паленъ.

Въ Ямбургѣ полковникъ Бибиковъ доложилъ мнѣ, что ингерманландцы продолжаютъ вести свою пропаганду, не исполняютъ его требованій и не слушаются назначенныхъ имъ волостныхъ комендантовъ. Я вторично приказалъ вызвать въ Ямбургъ начальника ингерманландскаго отряда для категорическаго съ нимъ объясненія и окончательнаго выясненія отношеній ингерманландскаго отряда къ Сѣверному корпусу. Пріѣхавъ въ Нарву, я отправилъ командиру англійскаго флота телеграмму съ просьбой о поддержкѣ. Во время моего совѣщанія съ генераломъ Крузенштіерномъ, уже ночью, намъ доложили, что на автомобилѣ пріѣхалъ начальникъ гарнизона Красной Горки полковникъ Делль вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами. Отъ него я узналъ, что ингерманландцы разоружили гарнизонъ и ограбили его до-чиста, часть заложниковъ разстрѣляли. Штабу о переходѣ Красной Горки и о перестрѣлкѣ ея съ Кронштадтомъ ингерманландцы умышленно ничего не доносили. Полковникъ Делль утверждалъ, что если бы англійскій флотъ своевременно оказалъ намъ поддержку, то и Кронштадтъ перешелъ бы на нашу сторону. Послѣ обстрѣла съ Красной Горки три форта Кронштадта выкинули бѣлые флаги, съ частью флота велись переговоры и, если бы англійская эскадра показалась бы во время обстрѣла, участь Кронштадта и большевистскаго флота была бы

вѣроятно рѣшена. О желаніи гарнизона Красной Горки и части большевистскаго флота перейти на нашу сторону я уже зналъ раньше и сообщилъ объ этомъ Англійской Военной Миссіи черезъ капитана I-го ранга Кнюпфера. Они желали только перейти въ Сѣверную Армію и рѣшили не переходить ни къ англичанамъ, ни къ эстонцамъ. Очень возможно, что поэтому англійскій адмиралъ не пожелалъ оказать своимъ флотомъ поддержку Красной Горкѣ, имѣя свои виды на Кронштадтскій красный флотъ и не желалъ поддерживать со мной связи. Гарнизонъ Красной Горки безъ всякой поддержки цѣлыхъ два дня велъ бой съ Кронштадтомъ и съ флотомъ. Они продолжали бы драться и далѣе, но ингерманландцы все время увѣряли ихъ, что англійская эскадра вотъ-вотъ должна появиться, и когда стало ясно, что эти увѣренія ложны—духъ гарнизона сразу палъ. Большевики, подавивъ возстаніе въ Кронштадтѣ и во флотѣ, яростно обстрѣливали Красную Горку всѣмъ флотомъ и частью батарей Кронштадта, а къ востоку отъ Ораніенбаума на нее повели наступленіе ихъ сухопутныя части, и въ результатѣ, гарнизонъ Красной Горки, потерявъ вѣру въ поддержку и деморализованный, долженъ былъ отойти. Разоружился онъ по приказу полковника Нефъ, которому ингерманландцы, желая поживиться отобраннымъ имуществомъ, неправильно освѣтили настроеніе гарнизона.

На слѣдующій день раннимъ утромъ я вмѣстѣ съ полковникомъ Делль и его офицерами выѣхалъ въ штабъ генерала Паленъ.

Въ Ямбургѣ меня дожидался капитанъ Тапалайненъ, разговаривалъ я съ нимъ на квартирѣ раненаго капитана Данилова. Я не стѣсняясь, высказывалъ ему свое негодованіе по поводу всѣхъ этихъ дѣйствій, по поводу неисполненія приказаній эстонскаго главнокомандующаго, подчинившаго его мнѣ въ оперативномъ отношеніи и потребовалъ отъ него немедленнаго прекращенія всякой агитаціи въ раіонѣ, занятомъ его отрядомъ, и полнаго подчиненія мнѣ. Капитанъ Тапалайненъ отвѣчалъ мнѣ вызывающе дерзко, причемъ позволилъ себѣ сказать, что онъ не знаетъ, что генералъ Родзянко командуетъ Сѣвернымъ корпусомъ, и признаетъ только капитана Питка, какъ начальника. Я не выдержалъ его тона, вспылилъ и выгналъ его вонъ изъ квартиры. Вызвавъ полковника Бибикова, я приказалъ ему немедленно отправить отрядъ изъ комендантской команды для прекращенія агитаціонной дѣятельности ингерманландцевъ въ Сойкинской волости, а въ случаѣ неисполненія ими этого требованія — для разоруженія всего ингерманландскаго отряда.

Изъ Ямбурга я вмѣстѣ съ полковникомъ Делль поѣздомъ отправился въ штабъ полковника графа Паленъ. Положеніе на фронтѣ становилось все серьезнѣе, большевики подвозили новыя подкрѣпленія, наши же части были ослаблены большимъ количествомъ раненныхъ и убитыхъ и утомлены безпрерывными боями. За неимѣніемъ иныхъ резервовъ я рѣ-

шилъ использовать для пополненія частей Кронштадскій гарнизонъ и выѣхалъ, взявъ съ собой полковника Делль, къ мѣсту его сосредоточенія въ Капорьѣ. Гарнизонъ принялъ меня восторженно и выразилъ полную готовность сражаться противъ большевиковъ. Я поздравилъ гарнизонъ съ переходомъ къ бѣлымъ и приказалъ вернуть ему оружіе (приказаніе о возвращеніи оружія я также передалъ старшему изъ офицеровъ ингерманландскаго отряда, находившагося тоже въ Копорьѣ, предупредивъ его, что въ случаѣ неисполненія моего приказанія самъ ингерманландскій отрядъ будетъ немедленно разоруженъ). На слѣдующій день гарнизону было возвращено почти все у него отобранное и я приказалъ отвести его на отдыхъ въ раіонъ Капорье-Велькота. Люди были слишкомъ деморализованы, чтобы сразу вести ихъ въ дѣло.

Давно уже напрашивался вопросъ о необходимости переформированія отряда графа Палена въ корпусъ, а потому, вернувшись изъ Капорья и переговоривъ съ графомъ Паленъ, я приказалъ ему переформировать — 2-ую бригаду въ корпусъ, Островскій же полкъ разбить на два полка: Островскій и Уральскій. Командующимъ первымъ изъ нихъ я назначилъ полковника Алексѣева, а вторымъ полковника Рентельна. Талабскимъ полкомъ командовалъ подполковникъ Пермикинъ, Семеновскимъ — капитанъ Зайцевъ. Эти четыре полка съ отрядомъ поручика Данилова и составили 2-ую дивизію подъ начальствомъ полковника Ярославцева. Начальникомъ 3-ей дивизіи я назначилъ полковника Вѣтренко и включилъ въ нее: Волынскій полкъ подъ командой полковника Хомякова, Ревельскій полкъ подъ командой полк. Ижевскаго и временно Балтійскій полкъ подъ командою полковника Вейсъ; въ нее же долженъ былъ войти и имѣвшій быть сформированнымъ изъ Красногорскаго гарнизона Красногорскій полкъ подъ командою полковника Делль; въ гарнизонѣ было всего 5 — 6 тысячъ человѣкъ. Одну часть гарнизона приказалъ я направить на пополненіе другихъ полковъ, а изъ другой части срочно сформировать Красногорскій полкъ, поручивъ общее наблюденіе за гарнизономъ и этими формированіями полковнику Ижевскому.

Вторую и третью дивизію я свелъ въ корпусъ, присвоивъ ему наименованіе 1-го Стрѣлковаго корпуса. Я назначилъ командиромъ его полковника графа Паленъ, произведя его въ генералъ-маіоры. Кромѣ двухъ дивизій въ составъ корпуса былъ включенъ подъ командою подполковника Грюнвальда Конно-Егерскій полкъ, который я приказалъ сформировать изъ отряда полковника Бибикова и изъ конной части, перешедшей къ намъ отъ красныхъ. Штабсъ-ротмистра Видякина я произвелъ въ ротмистры и утвердилъ исполняющимъ должность начальника штаба корпуса. Отдѣльный Сѣверный корпусъ снова получилъ названіе Сѣверной арміи.

Съ увеличеніемъ численнаго состава арміи явилась настоятельная необходимость въ учрежденіи запасныхъ частей.

Командиромъ ихъ я назначилъ полковника Нефъ и отвелъ имъ раіонъ у станціи Веймарнъ. Въ освобожденныхъ волостяхъ была уже объявлена мобилизація, и вновь мобилизованные для обученія должны были направляться въ запасныя части и тамъ уже разбиваться по полкамъ; въ запасныхъ же частяхъ должна была производиться фильтровка людей, перешедшихъ отъ большевиковъ. Начальникомъ 1-ой дивизіи я назначилъ генерала Дзерожинскаго и въ составъ ея включилъ уже существовавшій Георгіевскій полкъ подъ командой полковника Микоши, только что сформированный изъ роты Ревельскаго полка, (послужившей ядромъ), изъ мобилизованныхъ или изъ перешедшихъ отъ большевиковъ,—Колыванскій полкъ подъ командой полковника Бадендыка и сформированный изъ мобилизованныхъ и изъ добровольцевъ, Гдовскій полкъ подъ командой полковника Миниха; въ 1-ую же дивизію долженъ былъ войти и Ревельскій полкъ, при первой возможности его перевода.

Теперь скажу нѣсколько словъ про работу генерала Крузенштіерна, съ небольшимъ количествомъ сотрудниковъ исключительно добросовѣстно трудившагося надъ организаціей тыла. Работа у него протекала въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, главнымъ образомъ потому, что чрезвычайно трудно было найти помощниковъ и исполнителей: офицеры были нужны на фронтѣ, а штатскіе люди предпочитали оставаться въ Ревелѣ и жить спокойно или заниматься общественностью, а это послѣднее занятіе гораздо больше вредило, чѣмъ помогало арміи. На должности комендантовъ волостей и на другія отвѣтственныя мѣста сплошь и рядомъ, за недостаткомъ выбора, приходилось назначать людей совершенно несоотвѣтствующихъ. И все же, благодаря организаторскому таланту и энергичной дѣятельности ген. Крузенштіерна, жизнь тыла понемногу налаживалась. Неоднократно и я и генералъ Крузенштіернъ обращались къ генералу Юденичу съ настойчивыми просьбами прислать офицеровъ и тыловыхъ работниковъ, но никто не пріѣзжалъ.

На Псковскомъ фронтѣ большевики наступали не такъ энергично и положеніе тамъ было болѣе устойчиво, тѣмъ болѣе, что въ Псковѣ, какъ уже было сказано, находились эстонскія части. Такъ какъ главное вниманіе я удѣлялъ Ямбургскому фронту и вопросу переформированія арміи и мнѣ никакъ не удавалось найти время что-бы проѣхать въ Псковъ, то я приказалъ полковнику Балаховичу произвести переформированіе своего отряда въ дивизію. Приблизительно въ это время изъ докладовъ прибывшихъ изъ Финляндіи на лайбѣ капитана Гвардіи Конной Артиллеріи Гершельмана и капитана Невѣдомскаго, а также изъ докладовъ другихъ офицеровъ, тѣмъ или инымъ путемъ пробиравшихся въ армію, — я окончательно убѣдился, во-первыхъ, въ томъ, что свѣдѣнія наши о русскихъ бѣлыхъ формированіяхъ въ Финляндіи не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и, что у

генерала Юденича въ Финляндіи никакой арміи нѣтъ, а вовторыхъ въ томъ, что, несмотря на всѣ мои просьбы о присылкѣ офицеровъ, генералъ Юденичъ ихъ изъ Финляндіи почему то не выпускаетъ.

Такое отношеніе къ арміи было для меня совершенно непонятно и я приказалъ дать знать въ Финляндію, что ничего не имѣю противъ самостоятельной, нелегальной переправы офицеровъ на лайбахъ, а съ другой стороны началъ настаивать у англичанъ на томъ, чтобы ими были предприняты мѣры къ скорѣйшей посылкѣ мнѣ офицеровъ въ виду большихъ потерь въ офицерскомъ составѣ, а также и скорѣйшей доставкѣ снарядовъ и аммуниціи. Англичане обѣщали и то и другое, ѣздили на фронтъ, смотрѣли, но ничто изъ обѣщаннаго пока не исполнялось. Генералъ же Юденичъ по прежнему на просьбы мои никакъ не реагировалъ, а на просьбу о разрѣшеніи печатать керенки или свои собственныя деньги онъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ; между тѣмъ никакихъ поступленій не было, денежное положеніе арміи становилось катастрофическимъ и я приказалъ генералу Крузенштіерну напечатать свои деньги (которыя впослѣдствіи получили названіе „Родзянокъ"), т. к. иного исхода я не видѣлъ. Съ этой мѣрой впослѣдствіи согласился и генералъ Юденичъ, но приказалъ замѣнить ихъ бумажными кредитными знаками, получившими названіе „Юденокъ".

Эстонцы начинали все болѣе туго отпускать намъ снаряды и патроны, запасы же, взятые у большевиковъ, благодаря жестокимъ боямъ, приходили къ концу. Шаги, предпринятые по моему приказанію генераломъ Крузенштіерномъ у Финскаго Правительства для полученія снарядовъ и патроновъ, не дали никакихъ результатовъ. Было ясно, что положеніе становится критическимъ и что если боевые снаряды не прибудутъ, то армія обречена на гибель.

Генерала Юденича я лично не зналъ, но громкое имя его говорило само за себя; учитывая во-первыхъ это, вовторыхъ заявленіе генерала Марча, что все снабженіе для арміи будетъ отпускаться только черезъ генерала Юденича, и въ-третьихъ, что дѣло, начатое съ небольшими силами, росло и расширялось, — я считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ настаивать на скорѣйшемъ пріѣздѣ въ армію генерала Юденича и на томъ, что-бы онъ, какъ человѣкъ, имѣющій громадную репутацію и опытъ, сталъ во главѣ общаго дѣла; особенно побуждали меня къ этому заботы объ освобожденномъ краѣ, справиться съ которымъ, не имѣя опытныхъ помощниковъ, занимаясь боевыми операціями на фронтѣ и не имѣя въ гражданскихъ дѣлахъ достаточнаго опыта, я сознавалъ, было мнѣ не по силамъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ настояній, меня извѣстили, что генералъ Юденичъ пріѣзжаетъ изъ Гельсингфорса въ Нарву на французскомъ миноносцѣ.

Ждали мы генерала съ нетерпѣніемъ, надѣясь, что пріѣздъ его освѣтитъ намъ многіе, неясные для насъ вопросы міровой политики, положеніе въ Сибири и на югѣ Россіи, а также ускоритъ прибытіе боевыхъ припасовъ и аммуниціи. Встрѣтить генерала на пристани собрались военныя эстонскія власти и былъ выставленъ отъ штаба корпуса почетный караулъ. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, генералъ пропустилъ караулъ и проѣхалъ въ штабъ, гдѣ я сдѣлалъ ему докладъ о положеніи, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу арміи. Генералъ пожелалъ самъ проѣхать на фронтъ, что произвело на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Было приказано подать поѣздъ и мы отправились въ 1-ый корпусъ. Въ Ямбургѣ былъ выставленъ почетный караулъ; поздоровавшись съ нимъ, генералъ проѣхалъ въ церковь и въ лазаретъ. По дорогѣ я доложилъ генералу Юденичу объ ингерманландскомъ вопросѣ, который разрѣшился весьма просто: посланная полковникомъ Бибиковымъ рота разоружила тыловыя ингерманландскія части; узнавъ объ этомъ, офицеры отряда сѣли на лодку и куда-то исчезли, а солдаты частью разбѣжались, а частью были сведены въ Ингерманландскій баталіонъ, приданный одному изъ полковъ 2-й дивизіи.

Въ штабѣ генерала графа Паленъ генералъ Юденичъ выслушалъ докладъ и пожелалъ объѣхать дѣйствующія части, что опять таки произвело самое лучшее впечатлѣніе. Поѣхали мы въ Талабскій полкъ. Какъ разъ въ это время большевики перешли въ энергичное наступленіе и прорвали нашъ фронтъ между Талабскимъ и Волынскимъ полками. Командиръ полка полковникъ Пермикинъ доложилъ о серьезности положенія; я рѣшилъ немедленно ѣхать къ формирующемуся Красногорскому полку и вызвать его на поддержку, т. к. другихъ резервовъ у насъ не было; благодаря этой поддержкѣ, прорывъ былъ ликвидированъ и положеніе наше вновь стало сноснымъ. Къ генералу Юденичу я вновь присоединился въ штабѣ графа Паленъ и въ тотъ же вечеръ вернулся съ нимъ въ Нарву. За весь день генералъ Юденичъ говорилъ очень мало, никакими впечатлѣніями не дѣлился и никакихъ свѣдѣній ни объ обстановкѣ на другихъ фронтахъ, ни о политическомъ положеніи въ Европѣ ни мнѣ, ни кому либо другому не сообщилъ, несмотря на то, что всѣ этими вопросами интересовались и спрашивали его; генералъ или отмалчивался, или переводилъ разговоръ на другія, мало значущія темы.

На другой день генералъ Юденичъ пожелалъ проѣхать въ Псковъ черезъ Гдовъ. Отъѣздъ былъ назначенъ на 10 часовъ утра, кажется съ первымъ поѣздомъ прямого сообщенія. Положеніе на фронтѣ продолжало быть тревожнымъ и всю ночь я провелъ на телефонѣ. Только къ утру пришли болѣе успокоительныя вѣсти. Когда я пріѣхалъ на вокзалъ, опоздавъ изъ-за телефонныхъ переговоровъ минутъ на двадцать, то очень удивился тому, что генералъ Юденичъ

сдѣлалъ мнѣ за это замѣчаніе, правда въ очень сдержанной и корректной формѣ. Я доложилъ генералу, что положеніе на фронтѣ очень тяжелое, и что мнѣ всю ночь пришлось отдавать распоряженія и говорить по телефону и что даже сейчасъ я не могу его сопровождать, т. к. положеніе на фронтѣ 1-го корпуса еще не вполнѣ выяснилось. Главнокомандующій уѣхалъ безъ меня, но черезъ нѣсколько часовъ отъ графа Паленъ пришло донесеніе о томъ, что на фронтѣ корпуса обстановка сдѣлалась болѣе благопріятной, и я выѣхалъ на автомобилѣ въ Гдовъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ догонять генерала Юденича.

Въ Псковѣ положеніе было устойчивое. Мостъ черезъ р. Великую былъ уже исправленъ и эстонскіе бронированные поѣзда оказывали намъ существенную поддержку. Большевистская армія, пробовавшая было перейти въ наступленіе и даже подошедшая къ Пскову, благодаря массовымъ переходамъ красноармейцевъ на нашу сторону, была отогнана. Надо отдать справедливость полковнику Балаховичу, что его имя пока еще было популярно, и большевистскія и зеленыя войска переходили къ нему охотно. Если бы этотъ офицеръ былъ болѣе честнымъ организаторомъ и лучше умѣлъ бы подбирать своихъ помощниковъ, то въ это время онъ многое могъ бы сдѣлать на пользу Сѣвернаго корпуса, а также для улучшенія обороны Пскова. Благодаря моимъ настояніямъ, Иванова въ Псковѣ не было и жизнь города и уѣзда постепенно налаживалась. (Приложеніе № 9).

Пообѣдавъ съ начальствующими лицами, мы въ ту же ночь вернулись въ Нарву, а на слѣдующій день генералъ Юденичъ уѣхалъ обратно въ Гельсингфорсъ.

Никакихъ приказаній генералъ Юденичъ не отдалъ, никакихъ руководящихъ пожеланій не высказалъ, войскамъ ничего не говорилъ (онъ только здоровался съ ними и благодарилъ ихъ за службу отъ имени Верховнаго Правителя Россіи), политическаго положенія намъ не освѣтилъ, о томъ, что дѣлается на другихъ русскихъ фронтахъ и даже въ Финляндіи, не разсказалъ и въ результатѣ пріѣздъ его въ армію ей ничего не далъ, а только вызвалъ чувство недоумѣнія у меня и у другихъ начальствующихъ лицъ и офицеровъ. Командиры частей обращались ко мнѣ съ различными вопросами общаго характера, думая, что Главнокомандующій что нибудь сообщилъ мнѣ, мнѣ приходилось отмалчиваться. На настойчивую просьбу о присылкѣ офицеровъ и снаряженія, Главнокомандующій тоже ничего опредѣленнаго не отвѣтилъ. Точно также ничего не отвѣтилъ онъ и на вопросъ мой о томъ, существуетъ ли въ Финляндіи русская армія, о которой такъ много говорили. Не отвѣчалъ онъ даже на вопросъ о томъ, собирается ли онъ и когда переѣхать изъ Гельсингфорса на нашъ берегъ. Такое упорное молчаніе было мнѣ совершенно непонятно и произвело на всѣхъ самое странное впечатлѣніе.

На фронтѣ началъ, какъ я уже говорилъ, обнаруживаться недостатокъ снарядовъ и патроновъ, и положеніе становилось критическимъ. На запросъ мой, почему не приходятъ обѣщанныя орудія, винтовки, обмундированіе, автомобили и т. д. — англійскіе представители давали категорическія заявленія, что пароходы уже погружены, вышли изъ Англіи и вотъ вотъ прибудутъ въ Ревель. Американцы же, согласно своему обѣщанію, аккуратно доставляли арміи муку, сало и сухія овощи. Донесенія изъ Ревеля завѣдывавшаго Отдѣломъ Внѣшнихъ Сношеній подполковника Крузенштіерна носили успокоительный характеръ: англійскіе морскіе пароходы должны были прійти со дня на день и намѣчались даже числа ихъ прибытія. Фронтъ продолжали посѣщать разныя военныя миссіи и первый вопросъ, съ которымъ всѣ къ нимъ обращались, былъ о томъ, когда же, наконецъ, прибудетъ обѣщанное. Все подтверждавшіяся обѣщанія присылки помощи давали начальникамъ отдѣльныхъ частей силу своимъ личнымъ примѣромъ подбодрять солдатъ въ непосильной борьбѣ съ красными и можно было только удивляться ихъ энергіи и выдержкѣ. Много разъ положеніе казалось безвыходнымъ, и каждый разъ мы не только выходили изъ него, но и наносили контръ-ударъ противнику. Всѣхъ боевыхъ эпизодовъ этого времени описать невозможно: это былъ сплошной рядъ подвиговъ, полныхъ самоотверженія и личной иниціативы. Резервовъ не было и попытки противника прорвать нашъ фронтъ и обойти фланги ликвидировались быстрыми и смѣлыми маневрами сосѣднихъ частей. Отступая, мы отстаивали дѣйствительно каждую пядь земли. Такая борьба возможна только тогда, когда между начальниками и подчиненными устанавливаются не только хорошія оффиціальныя отношенія, но и полное довѣріе, что и было въ Сѣверо-Западной арміи. Начальники и подчиненные изъ кожи лѣзли, чтобы свято исполнить свой долгъ передъ Родиной. Практиковавшіяся частныя совѣщанія начальствующихъ лицъ вносили полную гармонію во всѣ дѣйствія и усиливали общее единеніе. На совѣщаніяхъ этихъ много говорилось о нуждахъ частей, которыя почти всегда нельзя было удовлетворить, но благодаря тому, что всѣ были въ курсѣ общаго положенія арміи и понимали, что ничего сдѣлать нельзя, — ропота не было и всѣ лишенія сносились весело, въ надеждѣ на близкую вѣрную помощь Антанты.

Съ особеннымъ удовлетвореніемъ вспоминаю я дѣйствія, за этотъ періодъ, Талабскаго, Конно-Егерскаго, Балтійскаго, Волынскаго, Островскаго и Уральскаго полковъ 1-го корпуса и Даниловскаго отряда; другіе, болѣе молодые полки формировались, такъ сказать, на ходу и требовать отъ нихъ больше, чѣмъ они давали, было невозможно. Начиная съ 13-го мая, всѣ части арміи были въ бояхъ и формировались и пополнялись, не выходя изъ боя; отсюда вполнѣ понятно, какъ велико было у начальствующихъ лицъ напряженіе и желаніе

работать. Въ 1-ой дивизіи отличались дѣйствія Георгіевскаго, Гдовскаго и Ревельскаго полковъ. Конный полкъ и весь отрядъ Балаховича, только что сформированный, тоже въ бояхъ работалъ хорошо.

Несмотря на всѣ старанія, наши утомленные полки, не имѣя резервовъ, должны были постепенно отступать передъ во много разъ численно превосходящими ихъ силами противника. Значительно хуже, чѣмъ на фронтѣ, шла организаціонная работа тыла, несмотря на всѣ старанія и колоссальную личную энергію генерала Крузенштіерна. Главная причина этого, какъ я уже говорилъ, заключалась въ недостаткѣ энергичныхъ и дѣльныхъ работниковъ, т. к. все лучшее отправлялось на фронтъ. Комендантъ Ямбургскаго уѣзда полковникъ Бибиковъ и комендантъ Гдовскаго полковникъ Саламановъ, оба безукоризненно честные и работоспособные офицеры, дѣлали все возможное, чтобы навести порядокъ, но на должности волостныхъ комендантовъ назначать было некого. О назначеніи на нихъ гражданскихъ лицъ не могло быть и рѣчи, т. к. фронтъ былъ слишкомъ близко, а всѣ офицеры, даже только что оправившіеся отъ ранъ, въ виду крайней нужды въ нихъ, немедленно направлялись въ дѣйствующія части. Во время нашего наступленія былъ одинъ исключительно удачный моментъ для занятія Петрограда: Красная Горка сдалась, три форта Кронштадта выкинули бѣлые флаги, было извѣстно о желаніи части флота перейти на нашу сторону; казалось, еще одинъ нажимъ, незначительная помощь англійскаго флота — и вопросъ о Кронштадтѣ будетъ рѣшенъ. Но даже и въ эти самыя лучшія минуты у насъ никогда не было мысли о занятіи Петрограда, т. к. наша армія была слишкомъ малочисленна, и мы прекрасно сознавали, что, въ случаѣ удачи, она растаяла бы въ этомъ городѣ. Когда же выяснилось, что англійскій флотъ не оказываетъ намъ никакой поддержки и даже не хочетъ поддерживать съ нами связи, то всякая надежда на движеніе на Петроградъ отпала. Послѣ же обратнаго занятія большевиками Красной Горки и вынужденнаго разоруженія Ингерманландскаго отряда — нельзя было болѣе и думать вновь переходить въ наступленіе на этомъ фронтѣ. Большевики подвозили къ намъ лучшія свои части; появились отряды матросовъ, курсантовъ, коммунистовъ и отряды „особаго назначенія", (карательные коммунистическіе отряды), а также части съ Колчаковскаго фронта, напримѣръ 13-ый и 14-ый полки. Плѣнные этихъ полковъ показывали, что драться на нашемъ фронтѣ много труднѣе, чѣмъ на восточномъ. То, что мы не только держались, но и наступали и брали плѣнныхъ, можно объяснить только дружной работой всѣхъ начальниковъ и солдатъ и удачными быстрыми рѣшительными маневрами. Начальники дивизій все время находились въ непосредственной близости отъ противника и сами руководили боями. Командиры полковъ жили въ той же обстановкѣ, что и солдаты, и своимъ личнымъ при-

мѣромъ оказывали громадное и благотворное вліяніе на солдатъ и часто личнымъ примѣромъ выводили ввѣренные имъ полки изъ тяжелыхъ положеній. Начальникъ 1-ой дивизіи за время боевъ съ 13-го мая успѣлъ сформировать на своемъ фронтѣ четыре полка. Его части брали Красныя Горы и подходили къ самой Лугѣ. Самъ онъ цѣлый день бывалъ въ разъѣздахъ и показывалъ молодымъ офицерамъ примѣръ энергичной работы и неутомимости. Фронтъ, занимаемый его дивизіей, былъ чрезвычайно великъ. Благодаря же тому, что большевики особенно упорно дѣйствовали противъ Ямбурга, приходилось все лучшее, въ смыслѣ пополненій, отдавать корпусу графа Паленъ, а генералу Дзерожинскому приходилось довольствоваться остатками, и все же его дивизія не только пополнялась, но и, какъ я уже говорилъ, сумѣла сформировать четыре новыхъ полка. О блестящей, неутомимой работѣ командира 1-го корпуса, его начальниковъ дивизій и командировъ полковъ я уже говорилъ. Нѣсколько уступалъ въ добросовѣстности работы другимъ начальникамъ полковникъ Балаховичъ; человѣкъ онъ былъ энергичный, но тщеславный и подверженный всевозможнымъ, часто вреднымъ, вліяніямъ. Хотя присяжный повѣренный Ивановъ и покинулъ, согласно моему приказанію, Псковъ, но связь съ полковникомъ Балаховичемъ, также какъ и съ эстонцами, онъ поддерживалъ и вліяніе его на Балаховича было отрицательное.

Видя блестящіе результаты нашего наступленія, эстонцы стали бояться дальнѣйшаго усиленія арміи, опасаясь, что мы повернемъ штыки противъ нихъ. Непризнаніе независимости Эстоніи нашимъ Совѣщаніемъ въ Парижѣ, а также лозунгъ „Великая, Единая, Недѣлимая Россія", выкинутый Добровольческой арміей, еще болѣе испортили и безъ того уже натянутыя послѣ прилета аэроплановъ, наши отношенія съ эстонцами. Въ своихъ разговорахъ съ генераломъ Лайдонеромъ, я постоянно говорилъ ему, что согласенъ признать независимость Эстоніи, но для эстонцевъ этого было мало: имъ нужно было признаніе независимости въ Парижѣ. Этимъ и объясняется то, что эстонцы дѣлали все возможное, чтобы ослабить и разрознить нашу армію, задерживая выдачу намъ снарядовъ и патроновъ, выдвигая на сѣверѣ ингерманландскій вопросъ, а на югѣ поддерживая сепаратныя стремленія и честолюбіе полковника Балаховича. Полковникъ Балаховичъ близко сошелся съ начальникомъ 2-ой Эстонской дивизіи полковникомъ Пускаръ, причемъ въ этой дружбѣ немаловажую роль игралъ все тотъ же Ивановъ. Я неоднократно говорилъ съ полк. Балаховичемъ и пытался доказать ему, что только дружная общая работа можетъ предотвратить катастрофу и вывести насъ изъ тяжелого положенія; полковникъ, на словахъ, всегда соглашался со мною, а потомъ, подъ вліяніемъ г. Иванова и полковника Стоякина, вновь начиналъ вести противъ меня подпольную борьбу. Положеніе въ Псковѣ

осложнялось еще тѣмъ, что на Псковскомъ фронтѣ были эстонскія войска и при малѣйшихъ треніяхъ онѣ давали понять, что не будутъ насъ поддерживать, что было существенно важно. Партизанскія замашки полковника Балаховича притянули къ нему самый плохой элементъ со всей Сѣверной арміи, людей, не гнушавшихся никакими средствами для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Правой рукой полковника Балаховича былъ самозванецъ полковникъ Стоякинъ.

Благодаря безпрерывнымъ боямъ снять части съ фронта не представлялось возможности, а навести порядокъ и прочистить атмосферу, окружавшую Балаховича, въ боевой обстановкѣ было очень трудно; резервовъ въ моемъ распоряженіи не было никакихъ, даже моя личная конвойная сотня была послана на фронтъ; но порядокъ въ Псковѣ необходимо было навести, во что бы то ни стало, и я приказалъ генералу Крузенштіерну пригласить генерала Арсеньева, проживавшаго въ Финляндіи, принять должность въ арміи, разсчитывая развернуть отрядъ полковника Балаховича въ корпусъ и назначить его командиромъ этого корпуса. Генералъ Арсеньевъ отвѣтилъ согласіемъ, черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Нарву и сейчасъ же получилъ назначеніе на постъ командира 2-го корпуса. Корпусъ его долженъ былъ состоять изъ двухъ дивизій: одна — подъ начальствомъ полковника Балаховича, — а другая, согласно просьбѣ самого генерала Арсеньева, подъ начальствомъ полковника Стоякина. Надо замѣтить, что полковникъ Стоякинъ былъ весьма энергичный и на первый взглядъ дѣльный офицеръ и только при болѣе близкомъ знакомствѣ оказывалось, что онъ авантюристъ чистой воды. Одной изъ главнѣйшихъ задачъ, стоявшихъ передъ генераломъ Арсеньевымъ, было — привести въ порядокъ гражданскую жизнь Пскова, которая становилась совершенно невозможной. Большимъ зломъ были между прочимъ появившіяся въ большомъ количествѣ контръ-развѣдки, совершенно не выполнявшія своего прямого назначенія, а занимавшіяся подъ разными предлогами грабежомъ и провокаціей мирнаго населенія.

Укажу здѣсь еще разъ, что имя полковника Балаховича было популярно и что если бы онъ не увлекался сепаратизмомъ и дешевыми лаврами партизана, то онъ могъ бы разсчитывать на колоссальный успѣхъ. Полки полковника Балаховича были по преимуществу партизанскіе, кромѣ нихъ было много отдѣльныхъ чисто партизанскихъ отрядовъ. Переговоривъ съ генераломъ Арсеньевымъ, я приказалъ ему при первой возможности приступить къ переформированію партизанскихъ отрядовъ въ регулярные полки, а въ городѣ Псковѣ организовать гражданское управленіе и запасный полкъ. Пріѣздъ генерала Арсеньева въ корпусъ прошелъ безъ всякихъ инцидентовъ, но, очевидно, это назначеніе не понравилось ни Балаховичу, ни эстонцамъ, ни г. Иванову, и вскорѣ же противъ честнаго генерала началась настоящая травля. Я великолѣпно

понималъ, что задача, которую я поставилъ генералу Арсеньеву, была весьма неблагодарная, но нужно было какъ-нибудь обуздать партизанскія страсти, и я не видѣлъ иного выхода, какъ назначеніе свѣжаго порядочнаго человѣка. Смѣнить же полковника Балаховича, пока я не могъ ввести въ Псковъ дисциплинированныхъ воинскихъ частей, я не рѣшался, боясь немедленнаго ухода эстонскихъ частей.

Владычество партизанъ въ Псковѣ и грабежи эстонцевъ постепенно сказались и на настроеніи населенія: населеніе, еще такъ недавно восторженно встрѣчавшее и тѣхъ и другихъ, недоумѣвало и начинало роптать. Ко мнѣ со всѣхъ сторонъ стали поступать жалобы на дѣйствія почти всѣхъ чиновъ корпуса. Много псковскихъ жителей, неизвѣстно почему, сидѣло по тюрьмамъ. Мѣры надо было принимать срочныя и энергичныя.

Черезъ нѣсколько дней послѣ назначенія генерала Арсеньева, я поѣхалъ въ Псковъ, гдѣ лично освободилъ изъ тюрьмы многихъ заключенныхъ, содержавшихся неизвѣстно за что. Положеніе генерала Арсеньева было тяжелое, и видно было, что въ корпусѣ своемъ онъ совсѣмъ не былъ увѣренъ, т. к. поддержки пока ни въ комъ не чувствовалъ. Эстонскія части, разграбившія городъ еще при его взятіи, продолжали грабить его и его окрестности еще и теперь и, благодаря дружбѣ съ Балаховичемъ, дѣлали все, что имъ было угодно: отбирали у крестьянъ лошадей и скотъ и угоняли ихъ въ Эстонію, забирали послѣдній фуражъ и хлѣбъ. Дабы прекратить эти безобразія и дать генералу Арсеньеву прочную опору для переформированія корпуса, я, переговоривъ съ нимъ, рѣшилъ ввести при первой возможности въ Псковъ части корпуса ген. графа Паленъ, дисциплинированныя и надежныя. Исполнить это было тѣмъ болѣе просто, что, ознакомившись подробно съ положеніемъ на Псковскомъ фронтѣ, я рѣшилъ перенести весь центръ тяжести обороны въ Псковъ, т. к. на сѣверномъ фронтѣ мы неминуемо должны были отойти въ виду того, что большевики все подвозили подкрѣпленія, а аммуниція и снаряженіе къ намъ все не прибывали и англійскій флотъ упорно не желалъ не только насъ поддерживать, но даже и держать съ нами связь.

Вернувшись изъ Пскова въ Нарву, я получилъ извѣстіе, что большевики повели упорныя атаки на Псковъ; черезъ день они подошли къ рѣкѣ Кепь, но благодаря приходу эстонскихъ бронированныхъ поѣздовъ и своевременной поддержкѣ эстонской дивизіи, намъ удалось перейти въ контръ-наступленіе и отбросить противника съ большими для него потерями, причемъ подполковникъ Балаховичъ, братъ „батьки" выказалъ свою кипучую энергію и части его захватили батарею противника, пулеметы и много плѣнныхъ. Генералъ Арсеньевъ просилъ произвести полковника Балаховича въ генералъ-маіоры. Съ одной стороны я ничего не имѣлъ противъ этого производства, т. к. надѣялся, что оно сломитъ его

честолюбіе, вмѣстѣ съ тѣмъ однако я рѣшилъ, что это будетъ послѣдняя моя проба, послѣ которой буду по отношенію къ нему дѣйствовать строго. Вскорѣ я произвелъ его въ генералъ-маіоры. Между тѣмъ число поклонниковъ Балаховича, благодаря его личнымъ дѣйствіямъ и дѣйствіямъ его партизанъ, съ каждымъ днемъ уменьшалось, а ропотъ противъ этихъ дѣйствій возросталъ и необходимость покончить съ партизанщиной и связанными съ нею пріемами становилась все настоятельнѣе.

Съ пріѣздомъ генерала Арсеньева и по сформированіи корпуса Сѣверный корпусъ переименовался снова въ Сѣверную армію. Вскорѣ я получилъ отъ англійскаго генерала Гофа просьбу не называть нашу армію Сѣверной, а, въ отличіе отъ Сѣверной арміи, дѣйствовавшей у Архангельска, именовать ее Сѣверо-Западной, что и было немедленно исполнено.

Дня черезъ два послѣ моего возвращенія пріѣхалъ въ Нарву генералъ Юденичъ со своимъ штабомъ, расположившимся невдалекѣ отъ моего. Я доложилъ генералу Юденичу мои планы на будущее, высказавъ мнѣніе, что, во-первыхъ, необходимо покончить съ партизанами и всю армію привести къ регулярному виду, во-вторыхъ, что самому генералу съ его штабомъ надо помѣститься въ Псковѣ, а не въ Нарвѣ и, въ третьихъ, что центръ обороны надо перенести въ Псковъ, въ виду того, что на Ямбургскомъ фронтѣ на нынѣ занимаемыхъ позиціяхъ намъ удержаться все равно не удастся, т. к. войска чрезвычайно утомлены, и отвести на отдыхъ, хотя бы часть войскъ, просто для нихъ необходимо, чтобы дать возможность частямъ пополниться и немного обучиться. При нашемъ неизбѣжномъ отходѣ я настаивалъ на необходимости сосредоточить всю армію въ раіонѣ Пскова, а ни въ коемъ случаѣ не пытаться удержать Ямбургъ, т. к. арміи пришлось бы занять неудобныя для обороны позиціи въ болотахъ, а также потому, что оборона города лишила бы армію возможности маневрировать; опытъ же гражданской войны показалъ, что весь залогъ успѣха именно въ искусномъ маневрированіи и въ сохраненіи за собой иниціативы. Генералъ Юденичъ обѣщалъ обдумать мой докладъ и дать мнѣ отвѣтъ, но отвѣта я ждалъ напрасно, и вопросъ о сосредоточеніи арміи вокругъ Пскова такъ и заглохъ, несмотря на то, что я неоднократно и настойчиво къ нему возвращался.

Появленіе штаба Гланокомандующаго сейчасъ же отразилось на работѣ и функціяхъ моего штаба. Черезъ нѣсколько дней ген. Юденичъ объявилъ мнѣ, что тылъ арміи онъ беретъ въ вѣдѣніе своего штаба, чему я былъ дѣйствительно радъ: это избавило меня отъ лишней, весьма неблагодарной работы. Генерала Крузенштіерна Главнокомандующій назначилъ въ свое распоряженіе.

Съ постоянными разъѣздами мнѣ сплошь и рядомъ приходилось работать по 18—20 часовъ въ сутки. Армія разро-

сталась, операціи принимали болѣе сложный характеръ и начальнику моего штаба полковнику Зейдлицу становилось трудно справляться съ его задачей, тѣмъ болѣе, что и онъ, и его помощники были строевые офицеры, со службой Генеральнаго Штаба мало знакомые. Я обратился къ Главнокомандующему съ ходатайствомъ уступить мнѣ кого-либо изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, бывшихъ въ его распоряженіи, но получилъ отказъ. Въ это время въ Нарву пріѣхалъ бывшій командующій Сѣвернымъ корпусомъ Генеральнаго Штаба генералъ Вандамъ, которому я и предложилъ быть Начальникомъ штаба арміи, полковникъ же Зейдлицъ былъ назначенъ исполняющимъ должность Генералъ - Квартирмейстера.

Черезъ нѣсколько времени между штабомъ Главнокомандующаго и моимъ началась явная вражда. Постепенно одинъ за другимъ отдѣлы управленія стали переходить изъ моего вѣдѣнія въ вѣдѣніе штаба Главнокомандующаго; я и мой штабъ узнавали объ этихъ новыхъ распоряженіяхъ только изъ приказовъ Главнокомандующаго, точно также какъ и о назначеніяхъ тѣхъ или иныхъ офицеровъ арміи на различныя штабныя и тыловыя должности. Такое отношеніе было недопустимо. Я переговорилъ съ генераломъ Юденичемъ о недопустимости подобныхъ явленій, указавъ ему, что если онъ моей работой не доволенъ, то я согласенъ отказаться отъ командованія арміей и занять въ ней какое-либо другое, менѣе высокое положеніе. Главнокомандующій завѣрилъ меня, что весьма цѣнитъ мою работу и проситъ меня оставаться на моемъ посту. Разговоръ нашъ, кромѣ этихъ и другихъ ни къ чему не обязывающихъ словъ, никакихъ послѣдствій не имѣлъ. Отношенія продолжали оставаться по меньшей мѣрѣ странными; ни въ какіе свои планы генералъ Юденичъ меня не посвящалъ, о переговорахъ своихъ съ представителями Антанты мнѣ ничего не передавалъ, о томъ, что дѣлается на другихъ бѣлыхъ фронтахъ и что такъ интересовало меня и всю армію, ни генералъ, ни его штабъ мнѣ никакихъ свѣдѣній не давали. Благодаря этому послѣднему обстоятельству я былъ лишенъ возможности отвѣчать на вопросы объ общемъ положеніи, съ которыми постоянно обращались ко мнѣ начальники подчиненныхъ мнѣ частей, и въ арміи создалось впечатлѣніе, что съ пріѣздомъ генерала Юденича откровенныя и довѣрчивыя отношенія между нею и ея командующимъ, существовавшія до этого времени, прекратились.

Какъ разъ въ моментъ разгара борьбы между штабомъ моимъ и Главнокомандующаго пріѣхалъ генералъ Малявинъ, и генералъ Вандамъ просилъ назначить его Генералъ-Квартирмейстеромъ, а полковника Зейдлицъ взять въ мое распоряженіе, что я, съ согласія генерала Малявина, и сдѣлалъ.

Глава 5-ая.

Въ концѣ іюля красные вновь повели атаки по всему фронту корпуса ген. гр. Паленъ, отодвинули его лѣвый флангъ отъ Капорья и все время пытались его обойти; въ то же время они со значительно превосходящими силами обрушились на Колыванскій полкъ (бывшій отрядъ полк. Бадендыка), разбили его и захватили два орудія. Положеніе дѣлалось серьезнымъ и явилась необходимость принять какое нибудь опредѣленное рѣшеніе. Въ арміи начинало ощущаться общее недовольство тѣмъ, что командировъ отдѣльныхъ частей вовсе не посвящали въ общіе планы и не освѣдомляли ихъ о томъ, что дѣлается на другихъ бѣлыхъ фронтахъ.

Тѣмъ временемъ въ Нарву перебралось изъ Гельсингфорса Политическое Совѣщаніе при ген. Юденичѣ, состоявшее изъ ген. Кузмина-Караваева, ген. Суворова, г. Ліанозова и г. Карташева. У ген. Юденича происходили какія-то совѣщанія, на которыя ни меня, ни моего Начальника штаба не приглашали. Вообще ген. Юденичъ явно избѣгалъ политическихъ разговоровъ со мной и упорно отвѣчалъ молчаніемъ на тѣ многочисленные вопросы, съ которыми я къ нему обращался.

Такое положеніе долго продолжаться не могло, а потому, посовѣтовавшись съ гр. Паленъ, я созвалъ совѣщаніе всѣхъ старшихъ начальниковъ арміи, пригласивъ на него ген. Юденича, начальника 1-ой Эстонской дивизіи, который не пріѣхалъ, и англійскаго представителя. Совѣщаніе состоялось въ штабномъ вагонѣ на ст. Веймарнъ; было доложено о положеніи на фронтѣ и поставленъ ясно вопросъ, что надлежитъ дальше предпринять. Многіе изъ присутствующихъ просили Главнокомандующаго (особенно настойчиво полков. Пермикинъ) высказаться по вопросамъ, всѣхъ интересовавшимъ и связаннымъ съ дальнѣйшимъ существованіемъ арміи, т. е. подѣлиться его свѣдѣніями о положеніи на Сибирскомъ и Южномъ фронтахъ, о прибытіи аммуниціи и снаряженія, объ отношеніи Антанты къ нашей арміи, о создавшихся отношеніяхъ съ Эстоніей, о дальнѣйшихъ планахъ нашихъ и т. п.; всѣхъ вопросовъ я теперь не помню. Ген. Юденичъ опредѣленныхъ отвѣтовъ на нихъ не далъ и мнѣнія своего о дальнѣйшей судьбѣ нашей арміи не высказалъ. Въ концѣ засѣданія я высказался за необходимость, въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія противника, отойти за Лугу, юго-западнѣе гор. Ямбурга, и, прикрываясь рѣкой, дать войскамъ отдыхъ; Ямбургъ же оставить, т. к., обороняя его, мы ничего не выиграемъ, а только напрасно еще болѣе утомимъ войска и понесемъ при его защитѣ большія потери. Всю армію необходимо перебросить въ раіонъ Пскова. Всѣ присутствовавшіе со мной согласились, но ген. Юденичъ своего мнѣ-

нія такъ и не высказалъ и мы разъѣхались съ совѣщанія, не узнавъ ничего новаго и не принявъ никакого опредѣленнаго рѣшенія.

Видя, что присутствіе ген. Юденича и его штаба въ Нарвѣ не отражается благопріятно на жизни арміи и никакой пользы ей не приноситъ, я началъ уговаривать ген. Юденича переѣхать вмѣстѣ со штабомъ въ Ревель, думая, что благодаря этому и работа моя на фронтѣ облегчится и дѣло снабженія и переговоры съ эстонцами и союзниками выиграютъ. Послѣ моихъ долгихъ разговоровъ съ Главнокомандующимъ и съ Начальникомъ его штаба ген. Кондыревымъ, они наконецъ рѣшили было переѣхать въ Ревель.

Большевики продолжали наступательныя дѣйствія, и побережье Финскаго залива было уже не въ нашихъ рукахъ; сформировавшіеся крестьяне Сойкинской волости вмѣстѣ съ Ямбургской комендантской командой заняли позиціи у Пейпія, но было ясно, что долго продержаться на ней они не смогутъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ эстонцами и обмѣна телеграммами съ ген. Лайдонеръ мнѣ удалось наконецъ убѣдить 1-ую Эстонскую дивизію занять позиціи между озерами. Нашъ лѣвый флангъ отошелъ на Котлы. Красные повели значительными силами наступленіе на правый флангъ 1-го корпуса, а неустойчивое положеніе Колыванскаго полка могло кончиться крахомъ для всей арміи.

Послѣ разоруженія, согласно моему приказанію, Ингерманландскаго отряда въ Нарвѣ, по желанію эстонскаго Главнокомандующаго и по желанію Англійской Военной Миссіи, была составлена для разбора претензій ингерманландцевъ комиссія изъ представителей нашей и эстонской арміи и ингерманландцевъ. Комиссія эта рѣшила отправить всѣхъ ингерманландцевъ въ Гунгербургъ для формированія особой части подъ общимъ эстонскимъ командованіемъ; эти то ингерманландскія части и заняли теперь между озерами участокъ; эстонскія части заняли позицію въ тылу ингерманландцевъ. Ставъ на позицію, ингерманландцы тотчасъ же начали заниматься пропагандой, но теперь это меня интересовало уже гораздо меньше, т. к. пропаганда велась въ раіонѣ, занятомъ эстонцами, а не моими войсками, и я приказалъ отозвать нашихъ комендантовъ изъ этого раіона, въ виду враждебнаго къ нимъ отношенія со стороны эстонцевъ.

Послѣ отъѣзда ген. Юденича въ Ревель, вышелъ приказъ Главнокомандующаго, согласно которому автомобильная часть арміи отходила въ вѣдѣніе штаба Главнокомандующаго. На этомъ основаніи начальникъ автомобильной части полк. Федотьевъ началъ чинить всевозможныя препятствія въ пользованіи автомобилями, причемъ пытался подчинить себѣ даже мои личные два автомобиля. Приказъ этотъ и способъ его примѣненія очень разсердили меня и я телеграфировалъ ген. Юденичу, что разъ я не могу въ командуемой мной арміи

распоряжаться даже автомобилями, то прошу уволить меня отъ командованія; полковнику же Федотьеву, завѣдывающему автомобилями, я передалъ, что если онъ позволитъ себѣ чинить хоть какія либо препятствія въ пользованіи автомобилями арміи, то я завтра же прикажу его арестовать. На слѣдующій день я получилъ телеграмму Главнокомандующаго, вызывавшую меня для личныхъ объясненій въ Ревель. Пріѣхавъ въ Ревель, я доложилъ въ чемъ дѣло, ген. Юденичъ согласился со мной и приказалъ завѣдываніе автомобилями вернуть въ штабъ арміи. Пріѣздъ свой въ Ревель я использовалъ для обстоятельныхъ переговоровъ съ ген. Лайдонеромъ и предоставилъ ему въ письменной формѣ тотъ мой планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, который на словахъ на совѣщаніи въ Веймарнѣ я раньше уже докладывалъ ген. Юденичу. Ген. Лайдонеръ вполнѣ одобрилъ этотъ планъ, а также согласился съ тѣмъ, что мнѣ нужно главное вниманіе обратить на оборону Пскова, и никакихъ препятствій къ оставленію Ямбурга не нашелъ.

Изъ Ревеля я прямо, не останавливаясь въ Нарвѣ, проѣхалъ на Ямбургскій фронтъ, гдѣ противникъ прорвалъ наши позиціи сѣвернѣе Молосковицъ; собравъ 3 роты запаснаго полка и приведя ихъ на фронтъ, я лично руководилъ ликвидаціей этого прорыва.

Послѣ двухъ безсонныхъ боевыхъ ночей я вернулся въ Нарву, гдѣ засталъ ген. Юденича. Я вновь доложилъ ему, что если въ трудныя минуты на фронтѣ будутъ повторяться случаи отбиранія какихъ-либо частей изъ вѣдѣнія моего штаба, то я не въ состояніи командовать арміей. Кромѣ того, я вновь доложилъ генералу мой планъ отхода за Лугу въ случаѣ, если большевики будутъ продолжать наступленіе. Я доказалъ ему необходимость установленія хорошихъ отношеній съ эстонцами и безусловнаго признанія независимости Эстоніи, а также привлеченія въ Совѣщаніе при Главнокомандующемъ мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, т. к. работа настоящаго Совѣщанія абсолютно для всѣхъ составляетъ тайну и только порождаетъ нежелательные толки. Ген. Юденичъ долго колебался и обѣщалъ подумать; на счетъ же общаго плана отхода за Лугу онъ сказалъ, что отдавать Ямбургъ въ политическомъ отношеніи неудобно, послѣ чего сталъ смотрѣть на карту и въ концѣ концовъ заявилъ, что разстояніе отъ Ямбурга до Петрограда значительно короче разстоянія отъ Пскова до Петрограда. Такимъ образомъ, опять никакого опредѣленнаго отвѣта мнѣ отъ Главнокомандующаго добиться не удалось.

На слѣдующій день я вмѣстѣ съ ген. Юденичемъ поѣхалъ на правый флангъ 1-го корпуса, гдѣ мы осмотрѣли Балтійскій полкъ и части Конно-Егерскаго полка, готовившіяся для облегченія положенія лѣваго фланга 1-ой дивизіи предпринять подъ общей командой полк. Вейсъ наступленіе.

Въ это время изъ Риги прибылъ въ Нарву отрядъ свѣтл. князя Ливенъ; пришелъ онъ въ полномъ порядкѣ: люди были отлично вооружены и обмундированы въ германскую форму и производили великолѣпное впечатлѣніе. Самъ начальникъ этого отряда князь Ливенъ прибылъ съ послѣднимъ эшелономъ и поселился у меня; онъ былъ сильно раненъ, еле могъ ходить, но, несмотря на это, счелъ своимъ долгомъ лично проводить свой отрядъ на нашъ фронтъ. Изъ за раны кн. Ливена командовалъ отрядомъ подполк. Дыдоровъ. Одна часть отряда была направлена на правый флангъ 1-го корпуса въ распоряженіе полк. Вейса, а другая къ сѣверу отъ ст. Веймарнъ на поддержку нашего лѣваго фланга. Разбитый превосходными силами противника Колыванскій полкъ уступилъ позиціи на р. Сабѣ у Осьминной горы и отошелъ къ озеру Самро, оставивъ Сабскъ въ рукахъ у красныхъ. Для того, чтобы дать возможность корпусу генерала гр. Паленъ, въ случаѣ необходимости отойти за р. Лугу, эту мѣстность надо было во что бы то ни стало очистить отъ красныхъ. Въ этомъ и состояла задача группы полковника Вейсъ, составленной изъ Конно-Егерскаго и Балтійскаго полковъ и части Ливенскаго отряда; полк. Вейсъ, дѣйствуя отъ Порѣчья и Сумска, долженъ былъ двигаться на Устье и на Сабскъ; генералу Вѣтренко было приказано своимъ правымъ флангомъ поддержать группу полк. Вейсъ и занять Устье и Оровку.

Къ началу этой операціи штабъ 1-го корпуса перешелъ на ст. Веймарнъ, штабъ 3-ей дивизіи на ст. Молосковицы и штабъ 2-ой дивизіи въ дер. Волосово. Главнокомандующій опять уѣхалъ въ Ревель, а я на слѣдующій день выѣхалъ на фронтъ лично руководить этой важной для насъ операціей. Несмотря на то, что ген. Вѣтренко почему то нѣсколько задержался перегруппировкой, операція, благодаря отличной работѣ Балтійскаго и Конно-Егерскаго полковъ, была выполнена блестяще: большевики принуждены были отступить и освободить лѣвый флангъ 1-ой дивизіи; нами были заняты деревни Сабскъ, Рѣдежи и Хилокъ и захвачены плѣнные и пулеметы. Операція эта закончилась 30 Іюля.

Положеніе арміи на Псковскомъ фронтѣ было настолько прочнымъ, что я могъ приказать спѣшно перебросить въ Ямбургъ Вятскій полкъ и расположить его къ югу отъ ст. Молосковицы въ д. Остроговицахъ. Мнѣ особенно важно было обезпечить правый флангъ корпуса гр. Паленъ въ случаѣ отхода за рѣку Лугу. Вернувшись въ Нарву, я засталъ тамъ прибывшій изъ Риги Тульскій отрядъ; пустить его въ дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ онъ прибылъ, не было никакой возможности, а потому я направилъ его въ Гдовъ и присоединилъ къ запаснымъ частямъ, находившимся подъ командой ген. Нефъ.

Части дивизіи ген. Ярославцева подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника должны были отойти отъ д. Котлы

и къ 1-му августа на Ямбургскомъ фронтѣ мы занимали слѣдующую линію: отъ Финскаго залива до озеръ и междуозерное пространство, по договору съ ген. Лайдонеромъ, занимали 1-я Эстонская дивизія и Ингерманландскій отрядъ, между озерами Килли велась только развѣдка, т. к. эстонцы этотъ участокъ занять не пожелали, а мы, изъ за малаго количества штыковъ, занять не могли; эту развѣдку вели и держали наблюденіе комендантская команда города Ямбурга и воздухоплавательный отрядъ; Килли-Малли-Лялицы-Коложицы-Хотыницы занимала 2-я дивизія; 3-я дивизія занимала позиціи отъ Хотыницъ на Тизенгаузенъ и къ югу до Устья. Группа полк. Вейсъ занимала Хилокъ, причемъ Конно-Егерскій полкъ былъ снова выдѣленъ и стоялъ въ д. Юхновой.

Какъ то вечеромъ, не помню точно какого числа, вызвалъ меня къ себѣ ген. Юденичъ и объявилъ мнѣ, что онъ подчиняетъ мнѣ Сѣверо-Западную армію въ составѣ 1-го корпуса и 1-ой дивизіи, 2-ой же корпусъ ген. Арсеньева выдѣляетъ изъ состава арміи и подчиняетъ его непосредственно себѣ. Я долго просилъ Гланокомандующаго не дѣлать этого, т. к. считалъ таковое раздѣленіе арміи вреднымъ для дѣла и, кромѣ того, мнѣ хотѣлось провести тѣ реформы и переформированія, которыя я уже намѣтилъ и считалъ необходимыми. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ уговорить его и въ тотъ же вечеръ я рѣшилъ поѣхать въ Псковъ для переговоровъ съ ген. Арсеньевымъ и ген. Балаховичемъ и для окончательнаго рѣшенія вопроса о переформированіи партизанскихъ отрядовъ въ полки. Передъ отъѣздомъ я окончательно уговорился съ генераломъ гр. Паленъ, что, въ случаѣ нажима противника, онъ, несмотря на непремѣнное желаніе Главнокомандующаго оборонять Ямбургъ во что бы то ни стало — отойдетъ на югъ и перейдетъ черезъ р. Лугу, гдѣ и задержится, прикрываясь этой рѣкой. Возможность нажима большевиковъ была болѣе, чѣмъ вѣроятна, т. к. имъ не трудно было обойти по лѣсу у Килли нашъ лѣвый флангъ и выкатиться намъ въ тылъ. Нѣсколько попытокъ такого обхода были нами ликвидированы, причемъ я лично руководилъ этими операціями, но большевики все подвозили резервы, намъ же заткнуть дыру между озерами и Килли, какъ я уже говорилъ, было совершенно нечѣмъ. Передъ отъѣздомъ я отдалъ приказаніе эвакуировать Ямбургъ и всѣ желѣзнодорожныя станціи на этой линіи.

На Псковскомъ фронтѣ 2-ой корпусъ, для облегченія положенія 1-ой дивизіи, перешелъ въ наступленіе и части его заняли Струги Бѣлыя и подходили къ Острову и Порхову; 1-ая дивизія заняла линію отъ Струги Бѣлыя — озеро Сяберскаго - д. Малый Хилокъ. Переговоривъ съ ген. Арсеньевымъ и начальниками отдѣльныхъ частей 2-го корпуса, я убѣдился, что отношеніе всего корпуса къ ген. Балаховичу и полк. Стоякину стало опредѣленно отрицательнымъ въ виду ихъ партизанскихъ наклонностей, проявлявшихся въ откры-

томъ грабежѣ, и чрезмѣрной дружбы съ эстонцами. Но положеніе ген. Арсеньева было все же неустойчивымъ, и я условился съ нимъ, что, если 1-му корпусу придется отойти за Лугу, то я пришлю ему Талабскій, Конно-Егерскій и еще какой нибудь полкъ, чтобы онъ могъ болѣе спокойно, не считаясь съ ген. Балаховичемъ и имѣя въ своемъ распоряженіи дисциплинированныя части, приступить къ переформированію своего корпуса. Отношеніе къ ген .Балаховичу въ частяхъ 1-го корпуса и 1-ой дивизіи тоже стало отрицательнымъ; паденію его популярности сильно способствовало то, что многіе солдаты, Псковскіе уроженцы, побывавъ у себя на родинѣ, сами увидѣли, какіе порядки завелъ тамъ Балаховичъ со своими партизанами.

Съ генераломъ Арсеньевымъ мы выработали планъ сосредоточиванія всей арміи въ раіонѣ Пскова. Ген. Арсеньевъ въ этомъ отношеніи вполнѣ соглашался съ моимъ планомъ дѣйствій.

Уѣзжая изъ Пскова, я получилъ донесеніе, что 1-ый корпусъ оставилъ свои позиціи и, согласно заранѣе намѣченному мною плану, отходитъ за Лугу. Такимъ образомъ часть удара большевиковъ передавалась на свѣжія эстонскія войска, а мы переходили въ раіонъ прикрытый р. Лугой, что давало намъ возможность спокойно маневрировать, оправиться и выдѣлить необходимые резервы.

Возвращаясь черезъ Гдовъ, я узналъ, что Главнокомандующій приказалъ Тульскому отряду двинуться въ Нарву для защиты Ямбурга. Эшелонъ былъ готовъ къ отправкѣ. Переговоривъ съ офицерами и солдатами, я пришелъ къ убѣжденію, что посылать эту публику-совершенно напрасный трудъ, тѣмъ болѣе, что, при отходѣ корпуса графа Паленъ и нежеланіи эстонцевъ дѣйствовать активно и нести потери, Ямбургъ удержать все равно невозможно. Отмѣнить распоряженіе Главнокомандующаго я не считалъ себя вправѣ и эшелонъ изъ 600 тульцевъ былъ отправленъ.

Посмотрѣвъ запасныя части и городъ, я приказалъ полк. Саламанову изъ комендантской дружины сформировать полкъ и навести въ городѣ болѣе строгій военный порядокъ.

Пріѣхавъ въ Нарву, я встрѣтилъ по дорогѣ ген. Юденича, который отправлялся на автомобилѣ на вокзалъ встрѣчать Тульскій отрядъ; я остановилъ автомобиль и доложилъ ему о томъ отрицательномъ отношеніи, которое произвелъ на меня этотъ отрядъ.

Нѣсколько дней до отхода 1-го корпуса за р. Лугу пришла изъ Англіи первая партія обмундированія; въ самый же день отхода пришли танки, винтовки и орудія; на разгрузку и доставку на фронтъ уходило много времени, и быстро примѣнить все полученное не представлялось возможности; весьма вѣроятно, что, если бы транспорты эти не запоздали бы такъ сильно, операціи наши развернулись бы нѣсколько ина-

че. Когда Главнокомандующій вернулся съ вокзала, я ему вновь доложилъ, что не вижу никакого смысла въ посылкѣ тульцевъ, т. к. Ямбургъ все равно не удержать, а новые сапоги, которые тульцамъ были выданы по приказанію Главнокомандующаго, навѣрняка убѣгутъ къ большевикамъ. Но ген. Юденичъ продолжалъ настаивать на защитѣ Ямбурга и, кромѣ Тульскаго отряда, направилъ туда морскую роту. Видя, что мнѣ не удастся переубѣдить Главнокомандующаго, я рѣшилъ лично поѣхать въ Ямбургъ руководить этой операціей. Начальникомъ обороны г. Ямбурга, какъ старшій, являлся пол. Бибиковъ. И городъ, и желѣзно-дорожная станція уже были эвакуированы. Я приказалъ послѣдніе составы перебросить черезъ Лугу и приготовить мостъ къ взрыву.

Ген. Юденичъ, наоборотъ, настаивалъ на непремѣнномъ сохраненіи моста. Убѣдившись на мѣстѣ, что ранѣе принятое мною рѣшеніе было совершенно правильное, я приказалъ полк. Бибикову отходить, не принимая боя. Рано утромъ 4-го августа, приказавъ своему поѣзду уйти изъ Ямбурга за мостъ, я вышелъ на ст. Ямбургъ и пошелъ вмѣстѣ съ полковникомъ Бибиковымъ къ нему въ домъ. При первомъ появленіи противника гарнизонъ долженъ былъ начать отходить безъ боя, противъ же появленія непріятельскихъ бронемашинъ на Петроградскомъ шоссе я приказалъ полк. Бибикову принять необходимыя мѣры; на это полк. Бибиковъ доложилъ мнѣ, что мѣры имъ уже приняты, но, благодаря тому, что у него части собрались случайныя и мало надежныя, приказаніе его исполнено не было. Не успѣли мы съ нимъ переговорить, какъ въ городѣ началась стрѣльба; оказалось, что непріятельскій броневикъ проникъ въ городъ и обстрѣливаетъ наши отступающія части. Часть Тульскаго отряда при появленіи броневиковъ разбѣжалась, другая часть, вмѣстѣ съ комендантской командой Ливенскаго отряда, переправилась на лѣвый берегъ Луги. Морская рота, стоявшая на лѣвомъ флангѣ, уже не могла пройти черезъ городъ и пыталась переправиться черезъ рѣку нѣсколько сѣвернѣе его, но здѣсь, по невыясненнымъ причинамъ, ее обстрѣляли эстонцы; изъ роты спаслось всего лишь 15 человѣкъ, всѣ остальные вмѣстѣ съ офицерами попали въ руки большевиковъ или утонули въ рѣкѣ. Такимъ образомъ, эти мало обстрѣлянныя и мало боеспособныя части погибли, не принеся абсолютно никакой пользы.

Перейдя пѣшкомъ черезъ мостъ, я вскорѣ уѣхалъ въ Нарву, приказавъ полк. Бибикову, въ случаѣ дальнѣйшаго нажима большевиковъ, отходить на д. Монастырекъ. Полк. Бибиковъ продержался на лѣвомъ берегу Луги еще 2 дня, причемъ случилось то, что я и ожидалъ: эстонцы начали грабить наши отходящіе обозы. Отходъ нашъ съ Ямбургскихъ позицій былъ совершенъ 1-мъ корпусомъ блестяще, въ полномъ порядкѣ, и корпусъ не потерялъ ни одного пулемета, ни одной повозки.

Ямбургскій мостъ былъ взорванъ эстонцами, что по моему мнѣнію было правильно, т. к. въ противномъ случаѣ броневикъ противника своей сильной артиллеріей могъ бы способствовать успѣху на лѣвомъ берегу Луги и не извѣстно, удержалась ли бы 1-я Эстонская дивизія, тѣмъ болѣе, что настроеніе, особенно въ 4-мъ Эстонскомъ полку, было далеко не боевое. Полкъ этотъ состоялъ наполовину изъ большевиковъ и гораздо охотнѣе грабилъ наши обозы, чѣмъ сражался на фронтѣ. Эстонцы начали сражаться серьезно только послѣ того, какъ часть 1-го полка, перейдя къ большевикамъ, выдала имъ своихъ бѣлыхъ, которые и были мученически убиты; трупы этихъ несчастныхъ эстонцы нашли во время одного изъ своихъ послѣдующихъ наступленій.

Отходомъ 1-го корпуса отъ Ямбурга было достигнуто то, что наши части совершенно изолировались отъ эстонскихъ, что являлось весьма желательнымъ, т. к. благодаря прессѣ и агитаціи большевиковъ отношенія эстонцевъ къ намъ настолько ухудшились, что при соприкосновеніи частей стали происходить столкновенія, а въ Нарвѣ со стороны эстонцевъ начали имѣть мѣсто различные эксцессы: срѣзали погоны, кокарды, избивали офицеровъ и солдатъ и т. п.; на всѣ мои протесты эстонскія власти отвѣчали, правда извиняясь, что онѣ безсильны бороться съ этими явленіями. При отходѣ же за Лугу между нашими и эстонскими частями оказалось непроходимое болото, что гарантировало отъ нежелательныхъ столкновеній хотя бы на фронтѣ. Эстонскія войска заняли заранѣе укрѣпленныя позиціи впереди Дубровки, на р. Лугѣ, впереди д. Глубокой и между озерами и до Финскаго залива.

Такимъ образомъ 1-й корпусъ 3-го августа, послѣ 3-хъ мѣсячныхъ безпрерывныхъ боевъ, во много разъ увеличившись въ своемъ составѣ, захвативъ огромную военную добычу, свыше 700 вагоновъ и 22-ти паровозовъ, отошелъ безъ всякихъ потерь за рѣку Лугу и, прикрываясь ею, смогъ выдѣлить въ первый разъ за 3 мѣсяца резервы и хоть немного отдохнуть.

Глава 6-ая.

Главную роль въ отдачѣ гор. Ямбурга сыграло нежеланіе эстонцевъ поддержать корпусъ гр. Паленъ, прикрывъ его лѣвый флангъ; когда же мы отошли за р. Лугу и очистили Ямбургъ, заставивъ, такимъ образомъ, эстонцевъ волей неволей принять часть удара на себя, — они озлобились и начали вести противъ Сѣверо-Западной арміи агитацію, увѣряя, между прочимъ, что армія, или вѣрнѣе 1-й ея корпусъ разбитъ и потерялъ всѣ орудія. На самомъ дѣлѣ, какъ я и говорилъ выше, было какъ разъ наоборотъ, — корпусъ не только

ничего ни потерялъ, но увеличился во много разъ — артиллерія напр. увеличилась болѣе чѣмъ въ 10 разъ. Настроеніе солдатъ, благодаря нежелательному для войскъ отходу, дѣйствительно было нѣсколько пониженное, но не унылое и не тревожное.

Отходомъ за Лугу заканчивается первый періодъ нашего наступленія, періодъ, въ который мы не получали ни откуда помощи, не имѣли ни сапогъ, ни шинелей, а снаряды и патроны брали съ бою у противника. За этотъ періодъ времени мы захватили количество плѣнныхъ во много разъ превосходящее нашу собственную численность и массу различной военной добычи.

Въ самый моментъ отхода, какъ я уже говорилъ, въ Ревель прибыли пароходы съ танками и снаряженіемъ, и съ прибытіемъ этихъ пароходовъ началась новая эра въ жизни Сѣверо-Западной арміи. Въ первыхъ числахъ августа прибыли деньги, вѣрнѣе, казначейскіе знаки ген. Юденича. Благодаря всему этому появилась надежда на улучшеніе довольствія арміи и на возможность переформированія ея. Въ тылу арміи необходимо было произвести основательныя реформы и подобрать болѣе энергичныхъ и честныхъ работниковъ.

Гражданская часть, которая отъ меня совершенно отошла и болѣ меня не касалась, кое-какъ дѣйствовала. Главноначальствующимъ Гражданской частью былъ назначенъ г. Александровъ, Гражданскимъ Губернаторомъ Петроградской губерніи — графъ Беннигсенъ, Псковскимъ Губернаторомъ, послѣ удаленія г. Иванова, Баронъ Крюденеръ-Струве. Въ Псковѣ начали функціонировать Губернская и Уѣздная Земскія Управы, Городская Дума и другія городскія и земскія учрежденія. Всю эту сложную машину управленія надо было наладить и пустить въ ходъ. Необходимо было подобрать людей и замѣнить очень многихъ изъ волостныхъ комендантовъ, оказавшихся весьма неудачными и вносящими скорѣй дезорганизацію, чѣмъ порядокъ въ ближайшій тылъ арміи. Напоминаю еще разъ, что, когда началась первая операція на Петроградскомъ направленіи, то ни я, ни кто другой не имѣли въ виду ни занятія Петрограда, ни даже занятія Пскова, а лишь расширеніе плацъ-дарма для формированій и для дальнѣйшихъ дѣйствій на Петроградъ; этимъ въ значительной степени объяснялось то обстоятельство, что не было подготовлено достаточныхъ силъ для гражданскаго управленія тыломъ арміи. Блестящіе успѣхи, достигнутые корпусомъ, захватили тылъ врасплохъ. Впрочемъ, даже если бы корпусъ и желалъ приготовиться заранѣе къ занятію столь значительной территоріи и наладить аппаратъ управленія тыла, онъ врядъ ли былъ бы въ состояніи это сдѣлать изъ-за отсутствія дѣйствительно честныхъ и желающихъ принести пользу Родинѣ должностныхъ лицъ.

Все мало-мальски боеспособное было на фронтѣ, а изъ Финляндіи ген. Юденичъ, несмотря на всѣ наши просьбы, не только никого не присылалъ, но даже запрещалъ отъѣздъ офицеровъ, желающихъ ѣхать за собственный страхъ и рискъ. Гражданскія лица, которыя могли бы принести большую пользу въ тылу, надѣясь, должно быть, въѣхать въ Петроградъ послѣ того, какъ мы исполнимъ всю черную работу, шли къ намъ неохотно и относились къ намъ плохо изъ за ген. Юденича, который отзывался о корпусѣ весьма нелестно, называя насъ, не знаю на какомъ основаніи, — шайкой разбойниковъ и авантюристовъ. Плохое отношеніе эстонцевъ, особенно испортившееся послѣ Рижскаго наступленія и прилета аэроплановъ, тоже ставило армію въ тяжелое положеніе. Полное отсутствіе денегъ заставило многихъ командировъ не стѣсняться въ выборѣ средствъ для добыванія пропитанія, фуража и обмундированія для ихъ отрядовъ. При движеніи впередъ мы не только не могли обезпечивать продовольствіемъ населеніе, что было совершенно необходимо, а поневолѣ, сами пользовались мѣстными средствами, часто отбирая у населенія послѣднее, что конечно не могло его не возстанавливать противъ насъ. Прибытіе американской муки и сала, конечно, очень облегчило наше положеніе, но все же не разрѣшило вполнѣ продовольственнаго вопроса, во-первыхъ, потому, что для снабженія населенія продовольствіемъ припасовъ присылалось слишкомъ мало, а, во-вторыхъ, потому, что цѣны на нихъ были слишкомъ высокія. Для населенія же цѣны на продукты были еще выше, т. к. приходилось такимъ образомъ изыскивать хоть какія нибудь средства для арміи. Партизанскія дѣйствія отряда полк. Балаховича въ раіонѣ Пскова навели ужасъ на населеніе. Эстонцы тоже не стѣснялись съ русскимъ населеніемъ и грабили его, какъ могли. Все это не шло на пользу бѣлому дѣлу и ставило армію въ очень тяжелыя условія. Надо удивляться, какъ при отступленіи не развалилась вся организація, что я объясняю отличнымъ порядкомъ и дисциплиной въ корпусѣ графа Паленъ и въ 1-ой дивизіи. Неопредѣленность Главнокомандующаго, полное незнаніе плановъ его и находившагося при немъ Совѣщанія, неясность ихъ политической физіономіи и ихъ стремленій, совершенная неосвѣдомленность въ томъ, что дѣлалось на другихъ бѣлыхъ фронтахъ и въ Европѣ, приводили насъ, начавшихъ борьбу съ большевиками на свой страхъ и рискъ, въ недоумѣніе, и только искреннее желаніе помочь своей несчастной Родинѣ давало силы болѣе энергичнымъ и твердымъ людямъ продолжать начатое дѣло. Меня, какъ руководителя всей операціи, въ особенно тяжелое положеніе ставило постоянное неисполненіе обѣщаній со стороны англійскихъ представителей, все время ставившихъ точные сроки для прибытія матеріальной помощи, но никогда ихъ не соблюдавшихъ. Прибытіе хорошо обмундированныхъ нѣмцами Ливенцевъ только усилило недовѣріе къ обѣщаніямъ англичанъ и ропотъ въ арміи противъ нихъ.

Для разрѣшенія всѣхъ накопившихся за время боевъ вопросовъ послѣ отступленія отъ Ямбурга я приказалъ начальникамъ отдѣльныхъ частей собраться на совѣщаніе въ д. Гостицы. На совѣщаніи этомъ присутствовалъ и Начальникъ штаба арміи ген. Вандамъ; были высказаны въ 14 пунктахъ слѣдующія пожеланія:

1) взять Лугу для движенія на Петроградъ,

2) основаться въ Псковѣ, для чего привести Псковъ въ оборонительное состояніе и обезпечить подвозъ черезъ Ревель и Ригу,

3) добыть на 100.000 чел. снаряженіе и продовольствіе, зимнее и лѣтнее обмундированіе и техническія средства,

4) перенести Совѣщаніе при Главнокомандующемъ въ русскій городъ - Псковъ.

5) урегулировать денежный вопросъ,

6) выяснить взаимоотношенія съ союзниками, эстонцами, латышами, финнами и т. д. и съ адмираломъ Колчакомъ и генераломъ Деникинымъ,

7) создать примирительную Комиссію Союзниковъ,

8) установить гарантіи въ случаѣ неудачи; обезпечить возможность вывода войскъ на другой фронтъ,

9) урегулировать вопросъ Балтійскаго полка съ эстонцами,

10) выяснить требованія союзниковъ,

11) выяснить причины разоруженія эстонцами нашихъ отступающихъ частей,

12) урегулировать офицерскій вопросъ,

13) ввести въ Совѣщаніе при Главнокомандующемъ мѣстный элементъ,

14) уничтожить партизанщину.

Пожеланія эти въ обширномъ докладѣ были мною представлены ген. Юденичу, но отвѣта на нихъ, какъ всегда, не послѣдовало. Кромѣ этихъ пожеланій я представилъ Главнокомандующему подробный письменный докладъ съ оперативнымъ планомъ дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій: (Приложеніе № 10). Планъ заключался въ слѣдующемъ: отдавъ Ямбургъ, перебросить всѣ части арміи подъ Псковъ, укрѣпить этотъ городъ и привести армію въ порядокъ, послѣ чего расширить занимаемую территорію и подготовиться къ вторичному наступленію на Петроградъ. При этомъ мною указывалось, что дѣйствіе на Петроградъ по кратчайшему разстоянію отъ Ямбурга не является правильнымъ и врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ, т. к. на этомъ направленіи наша малочисленная и плохо снабженная армія встрѣтится со многими техническими препятствіями: флотомъ, Красной Горкой, укрѣпленными позиціями подъ Гатчиной, къ которымъ противникъ сможетъ въ любой моментъ подвезти подкрѣпленія,

пользуясь хорошо развитымъ желѣзнодорожнымъ узломъ, находящимся у него въ тылу. Кромѣ того я указывалъ Главнокомандующему на то, что населеніе на этомъ направленіи не густое, но испорченное сосѣдствомъ столичныхъ фабрикъ и заводовъ и чѣмъ ближе къ Петрограду, тѣмъ хуже оно къ намъ расположено, а также на мое полное недовѣріе къ поддержкѣ англійскаго флота, Командующій котораго упорно не желаетъ поддерживать съ нами связи и ограничивается связью съ Командиромъ Эстонской флотиліи адмираломъ Питка, нигдѣ ранѣе не служившимъ на военной службѣ. Всѣ эти соображенія подсказывали мнѣ необходимость измѣнить направленіе. Болѣе подробно мой планъ заключался въ слѣдующемъ: оставивъ Ямбургъ, передать съ согласія Эстонскаго Главнокомандующаго ген. Лайдонера, оборону г. Нарвы и р. Плюссы эстонцамъ и сосредоточить всю армію у Пскова; благодаря тому обстоятельству, что флотилія Чудского оз. вся находилась въ эстонскихъ и нашихъ рукахъ, нашъ лѣвый флангъ былъ бы ненадежно обезпеченъ, тѣмъ болѣе, что врядъ ли большевики рѣшились бы занять Гдовскій уѣздъ болотистый и удаленный отъ жел. дороги. Правый флангъ я разсчитывалъ упереть въ эстонскія войска у р. Великой построить впереди Пскова 3 или 4 ряда укрѣпленныхъ позицій, закончить въ запасныхъ полкахъ обученіе мобилизованныхъ, а также перешедшихъ къ намъ красныхъ и влить ихъ въ полки, послѣ чего расширить плацъ-дармъ и прикрывая правый флангъ болотами, рѣкой Великой и р. Соротью, двинуться въ Новгородскую губернію, уперевъ правый флангъ въ оз. Ильмень и р. Волховъ, занять Новгородъ. Затѣмъ, въ случаѣ удачи, дѣйствовать далѣе на ст. Чудово, прикрываясь рѣкой Волховымъ на Ладожское озеро. Лѣвый флангъ я разсчитывалъ выдвинуть къ р. Лугѣ, занять г. Лугу и прикрыть его рѣками Лугой и Оредежомъ; фланговые отряды должны были въ случаѣ нужды взорвать всѣ мосты и, маневрируя небольшими группами, препятствовать попыткамъ противника обойти наши фланги; развитая сѣть Псковскаго и шоссейнаго узла дала бы возможность работать съ танками и бронированными машинами въ разныхъ направленіяхъ. При наступленіи въ этомъ направленіи намъ пришлось бы дѣйствовать въ южной части Псковской губ., въ Новгородской и въ части Витебской губерніи, гдѣ партизанскіе отряды Балаховича еще не дѣйствовали, и населеніе ожидало насъ съ нетерпѣніемъ. Населеніе въ этой мѣстности очень густое, что дало бы намъ возможность пополниться охотниками и произвести мобилизацію; земельныя запашки здѣсь сравнительно велики и урожай былъ въ этомъ году великолѣпный, такъ что при движеніи по этому направленію не только отпадалъ вопросъ о прокормленіи населенія, но, наоборотъ, армія могла разсчитывать получить отъ него коекакіе продукты. Далѣе въ своемъ докладѣ Главнокомандующему я указывалъ, что при движеніи непосредственно на Гатчину, намъ вновь придется столкнуться съ Красной Гор-

кой, которая теперь большевиками, конечно, вновь укрѣплена и снабжена болѣе надежнымъ гарнизономъ. Мечтать же о переходѣ флота и Кронштадта на нашу сторону теперь нѣтъ никакого основанія. Въ случаѣ же, если мы не будемъ въсостояніи подвезти населенію Петрограда достаточнаго количества продовольствія, хорошихъ результатовъ отъ наступленія ждать нельзя, подвезти же продовольствіе мы врядъ ли сможемъ, т. к. мостъ у Ямбурга взорванъ и вообще эта линія желѣзной дороги въ состояніи обслуживать только армію. Лѣвый флангъ нашъ все время будетъ находиться подъ страхомъ удара, т. к. Кронштадтъ взять мы не сможемъ. При движеніи же впередъ пополниться намъ не удастся, т. к. въ этой мѣстности мобилизація была уже произведена и, кромѣ того, населеніе сравнительно рѣдкое. Въ случаѣ же удачи мы должны будемъ ослабить нашу немногочисленную армію выдѣленіемъ гарнизоновъ для лежащихъ на пути Ораніенбаума, Петергофа, Гатчины, Царскаго Села и Колпина, и изъ за этого подойдемъ къ Петрограду съ такимъ малымъ количествомъ штыковъ, что не сможемъ уже его занять; ждать же поддержки и особаго сочувствія отъ фабричнаго населенія Петрограда невозможно. Общій выводъ былъ слѣдующій: если даже намъ удастся войти въ Петроградъ, что на основаніи всего вышеизложеннаго я считалъ мало вѣроятнымъ, мы не сможемъ его удержать, тѣмъ болѣе, что большевики, конечно, подвезутъ подкрѣпленія. Главнымъ же преимуществомъ при наступленіи на Чудово-Ладожское озеро была возможность отхватить вмѣстѣ съ Петроградомъ значительную область для прокормленія Петрограда, пока не падетъ Кронштадтъ и не явится возможность подвезти продовольствіе для населенія на пароходахъ. Безъ занятія Кронштадта мы никакъ не сможемъ подвезти продовольствіе для 700 тысячъ городского населенія, и наступленіе наше въ этомъ направленіи всетаки должно кончиться крахомъ. Ген. Юденичъ внимательно выслушалъ мой докладъ, долго смотрѣлъ на карту и сказалъ то же, что и въ первый разъ: „А всетаки отъ Ямбурга до Петрограда ближе, чѣмъ отъ Пскова." Конечно, противъ такого аргумента спорить было трудно. Само собой о планѣ моемъ знали и Начальникъ штаба ген. Вандамъ и Генералъ-Квартирмейстеръ ген. Малявинъ, — этотъ послѣдній вполнѣ раздѣлялъ мою точку зрѣнія. Забылъ сказать еще о томъ, что Псковъ давалъ необходимыя казармы, лазареты и помѣщенія для складовъ, а нашъ подвижной составъ съ такимъ же успѣхомъ могъ снабжать армію въ Псковѣ, какъ и въ Ямбургѣ. Кромѣ того и съ нравственной, такъ сказать, точки зрѣнія Псковъ - чисто русскій историческій городъ, полный памятниковъ славной старины, являлся великолѣпнымъ пунктомъ для движенія, имѣющаго своей цѣлью освобожденіе русской столицы.

Я долго уговаривалъ Главнокомандующаго перевезти свой штабъ въ Псковъ, на что онъ въ концѣ концовъ согла-

сился, но на всѣ другіе пункты моего доклада онъ такъ и не далъ никакого отвѣта, приказавъ только образовать комиссію для провѣрки документовъ офицеровъ, проживавшихъ въ Нарвѣ и въ Ревелѣ, и для отправки ихъ на фронтъ.

Къ 5 августа части 1-го корпуса заняли фронтъ по рѣкамъ Лугѣ и Сабѣ отъ д. Кленно до Саберскаго оз.; отъ Саберскаго оз. до Струговъ Бѣлыхъ стояла 1-я дивизія съ Коннымъ полкомъ Балаховича. Отъ Струговъ Бѣлыхъ до лѣваго фланга эстонцевъ — части 2-го корпуса вмѣстѣ съ вкрапленными въ нихъ эстонскими частями. Между Кленно и мызой Прилуги стоялъ Балтійскій полкъ, державшій связь съ правымъ флангомъ 1-й Эстонской дивизіи и занимавшій фронтъ мимо Дубровки западнѣе Ямбурга.

На Псковскомъ фронтѣ попытки большевиковъ къ наступленію были еще разъ удачно отражены, и части 2-го корпуса, перейдя въ наступленіе, совмѣстно съ эстонцами заняли Владимірскій лагерь и подходили къ Острову и къ Порхову.

Проѣхавъ въ Псковъ и объѣзжая части, я вновь убѣдился въ томъ, что недовольство войскъ и населенія дѣйствіями ген. Балаховича и его партизанъ все росло. Начальники отдѣльныхъ частей обвиняли въ творимыхъ безобразіяхъ не столько самого Балаховича, сколько полк. Стоякина и другихъ лицъ, его окружавшихъ. Не только мое личное мнѣніе, но, насколько я могу судить, и мнѣніе всѣхъ людей, вѣрившихъ въ успѣхъ русскаго дѣла, сводилось къ тому, что для очистки Псковской атмосферы надо дѣйствовать быстро и рѣшительно. Изъ разговоровъ съ ген. Арсеньевымъ я выяснилъ, что самъ онъ сдѣлать что либо въ этомъ направленіи не въ состояніи, и необходимо прислать ему вооруженную силу извнѣ, силу, которая, какъ я уже говорилъ, не была-бы заражена партизанщиной; таковой силой являлись только полки корпуса гр. Паленъ. Эстонскія части, находившіяся на Псковскомъ фронтѣ, были весьма ненадежны; двинулись онѣ впередъ лишь для того, чтобы грабить русское населеніе; само Эстонское Правительство на это частичное наступленіе смотрѣло, какъ на способъ добыть ленъ, который вывозился въ Эстонію большими партіями; для вывоза его прицѣплялись товарные вагоны къ эстонскимъ бронированнымъ поѣздамъ. Съ этимъ зломъ, не имѣя вполнѣ вѣрныхъ штыковъ, ген. Арсеньевъ тоже не былъ въ состояніи бороться изъ опасенія серьезныхъ конфликтовъ съ эстонскимъ командованіемъ и съ Балаховичемъ. Доводить дѣло до конфликта я пока ни въ коемъ случаѣ не могъ, т. к. держать Псковъ безъ помощи эстонцевъ армія была не въ состояніи. Настроеніе эстонскихъ солдатъ и въ смыслѣ большевизма, и въ смыслѣ отношенія къ намъ было нехорошее; они, въ сущности, своимъ поведеніемъ мало чѣмъ отличались отъ большевиковъ, но приходилось все это терпѣть.

Вернувшись изъ Пскова, я доложилъ мои впечатлѣнія и убѣжденіе въ необходимости принятія энергичныхъ мѣръ ген. Юденичу, но онъ никакого отвѣта мнѣ не далъ. Вечеромъ, уже послѣ доклада ген. Юденичу, я получилъ точныя данныя, что въ Псковѣ ген. Балаховичемъ и его ближайшими помощниками печатаются фальшивыя керенки (прилож. № 11). Я немедленно вновь отправился къ Главнокомандующему и въ категорической формѣ потребовалъ отрѣшенія ген. Балаховича отъ должности и назначенія слѣдствія. На назначеніе слѣдствія ген. Юденичъ согласился, но въ отрѣшеніи отъ должности отказалъ. Тогда я сказалъ, что прошу 2-ой корпусъ изъ моего подчиненія изъять, т. к. считаю дальнѣйшее командованіе имъ для себя неудобнымъ, на что ген. Юденичъ согласился. По дополнительно полученнымъ свѣдѣніямъ Балаховичъ, Стоякинъ и г. Ивановъ продолжали свою измѣнническую политику съ эстонцами и, повидимому, подготовляли какой то рѣшительный шагъ; велись у нихъ какіе то переговоры и съ англичанами. Надо замѣтить, что около 10-го августа пріѣхалъ на фронтъ англійскій ген. Марчъ. Вмѣстѣ съ ген. Юденичемъ онъ долженъ былъ поѣхать въ штабъ 1-го корпуса въ село Валово, гдѣ въ это время находился я, и гдѣ для ихъ встрѣчи были собраны всѣ начальники отдѣльныхъ частей арміи (въ Сѣверо-Западную армію, командуемую мною, въ это время входилъ 1-й корпусъ и 1-ая дивизія; второй же корпусъ получилъ наименованіе „Отдѣльнаго". Изъ за плохой дороги Главнокомандующій и ген. Марчъ до Валова не доѣхали и генералъ Марчъ одинъ проѣхалъ въ Псковъ. Прождавъ ихъ пріѣзда до самаго вечера, я вернулся въ Нарву и на слѣдующій день узналъ, что въ Псковѣ ген. Марчъ съ Командиромъ корпуса ген. Арсеньевымъ совсѣмъ не говорилъ, а былъ очень любезенъ съ ген. Балаховичемъ. Это подтвердило полученное мною донесеніе о томъ, что эстонцы и г. Ивановъ стараются провести Балаховича на должность Главнокомандующаго.

Корпусъ ген. гр. Паленъ, выйдя изъ подъ удара большевиковъ, пополнялся, обучался и ждалъ обмундированія. Явилась возможность выдѣлить небольшіе резервы. Бои шли только на лѣвомъ флангѣ корпуса, на участкѣ Ливенской дивизіи, гдѣ большевики заняли было мызу Прилугу, но комбинированными дѣйствіями Ливенцевъ и Балтійцевъ были отогнаны и Прилуга осталась въ рукахъ Балтійскаго полка. На остальномъ фронтѣ корпуса, также, какъ и на фронтѣ 1-ой дивизіи, было сравнительно спокойно.

11-го августа я былъ вызванъ Главнокомандующимъ, который сообщилъ мнѣ, что подполковникъ Крузенштіернъ донесъ ему изъ Ревеля о назначеніи, по почину ген. Марча, Сѣверо-Западнаго русскаго Правительства. Я совѣтовалъ ген. Юденичу немедленно выѣхать въ Ревель, чтобы самому выяснить, въ чемъ дѣло, но онъ почему то медлилъ. На слѣдующее утро въ штабѣ Главнокомандующаго было соб-

рано совѣщаніе изъ высшихъ чиновъ штаба, на которое былъ приглашенъ и я со своимъ штабомъ; на совѣщаніи этомъ было высказано пожеланіе, что-бы ген. Юденичъ немедленно выѣхалъ въ Ревель для принятія того или иного рѣшенія. На совѣщаніи было также получено извѣстіе, что на завтра ген. Булакъ-Балаховичъ вызванъ ген. Марчемъ къ завтраку на англійскій крейсеръ въ Ревель, что подтверждало полученныя мною ранѣе свѣдѣнія о его проискахъ. Ген. Юденичъ согласился съ необходимостью поѣздки и пригласилъ меня ему сопутствовать.

Описывать то, что произошло въ Ревелѣ, я здѣсь не буду: оно вполнѣ точно и опредѣленно описано въ книгѣ Кузьмина-Караваева, Карташева и Суворова „Образованіе Сѣверо-Западнаго Правительства". Добавляю только, что эстонцы уже давно хотѣли образовать для областей, занятыхъ русскими войсками, Правительство, которое по ихъ плану должно было состоять изъ людей, охотно признающихъ самостоятельность Эстоніи. Руководилъ ими въ этомъ желаніи, повидимому, прежде всего страхъ, что наша армія, усилившись, откажется отъ признанія ихъ самостоятельности. Немалую роль сыгралъ въ этомъ дѣлѣ и г. Ивановъ. Когда 13-го рано утромъ мы пріѣхали въ Ревель, онъ явился ко мнѣ въ купэ и просилъ меня поддержать его кандидатуру на постъ премьеръ-министра, указывая на то, что онъ на этомъ посту будетъ особенно полезенъ русскому дѣлу, какъ человѣкъ энергичный, находящійся въ отличныхъ отношеніяхъ съ Эстонскимъ Правительствомъ и командованіемъ и лучше, чѣмъ кто либо другой, знающій мѣстныя условія; кромѣ того, онъ предлагалъ мнѣ примирить меня съ Булакъ-Балаховичемъ (Приложеніе № 12); я отвѣтилъ ему, что съ фальшивомонетчиками и мерзавцами я никакого дѣла имѣть не желаю и не только не буду поддерживать его и Балаховича передъ англичанами, но немедленно поѣду къ ген. Марчу и передамъ ему все дѣло о печатаніи фальшивыхъ керенокъ.

По дорогѣ я совѣтовалъ ген. Юденичу не соглашаться на сформированіе Сѣверо-Западнаго Правительства, считая его не только лишнимъ, но и вреднымъ для дѣла, и полагая, что въ случаѣ отказа ген. Юденича, предложеніе генерала Марча не можетъ осуществиться. Однако, когда мы пріѣхали въ Ревель, оказалось, что Правительство уже сформировано; ген. Юденичъ съ этимъ фактомъ примирился. (Приложеніе № 13).

Немедленно по пріѣздѣ, я отправился, съ разрѣшенія ген. Юденича, къ ген. Марчу и въ очень рѣшительной формѣ заявилъ ему, что я и командуемая мною армія не потерпимъ дальнѣйшаго пребыванія на отвѣтственной должности ген. Балаховича, и разсказалъ о печатаніи фальшивыхъ денегъ. Генералъ Марчъ нѣсколько смутился. Относительно созданія Сѣверо-Западнаго Правительства, ген. Марчъ сказалъ мнѣ, что союзники имѣютъ въ виду проведеніе въ русскую жизнь

демократическихъ началъ и, что для этой цѣли онъ рѣшилъ сформировать демократическое правительство для Сѣверо-Западной области Россіи. Отъ ген. Марча я поѣхалъ къ ген. Лайдонеру, которому передалъ то же, что и генералу Марчу. На вопросъ мой, какъ бы онъ поступилъ на моемъ мѣстѣ, генералъ Лайдонеръ отвѣтилъ, что съ фальшивомонетчиками дѣла имѣть, конечно, нельзя. Съ переводомъ всей Сѣверо-Западной арміи въ раіонъ Пскова и вообще съ оперативнымъ планомъ моимъ эстонскій Главнокомандующій опять вполнѣ согласился.

Вернувшись съ себѣ въ гостинницу, я вмѣстѣ съ ген. Вандамомъ, также пріѣхавшимъ въ Ревель, выработалъ текстъ заявленія Сѣверо-Западному Правительству, смыслъ котораго заключался въ томъ, что армія всецѣло поддерживаетъ ген. Юденича и всячески будетъ противодѣйствовать вмѣшательству Правительства въ чисто военныя дѣла. На слѣдующій день я просилъ разрѣшенія прибыть на засѣданіе Сѣверо-Западнаго Правительства, гдѣ и прочелъ это заявленіе, которое должно было вполнѣ удовлетворить Главнокомандующаго, т. к. въ моемъ лицѣ онъ получилъ вѣрную поддержку всей арміи, а на всѣхъ остальныхъ членовъ Правительства оно подѣйствовало, повидимому, какъ холодный душъ.

Въ тотъ же вечеръ я вернулся въ Нарву и приступилъ къ окончательному осуществленію задуманнаго мною плана реорганизаціи и пополненія арміи. Я приказалъ вновь произвести дополнительную мобилизацію въ Гдовскомъ и Псковскомъ уѣздахъ и рѣшилъ довести количество штыковъ въ дивизіи до максимума. Дошедшія до насъ извѣстія о побѣдахъ ген. Деникина и быстромъ продвиженіи его впередъ вызвали большой подъемъ въ полкахъ и въ населеніи. Пришли также свѣдѣнія объ улучшеніи положенія на фронтѣ адмирала Колчака и о переходѣ его въ наступленіе.

Черезъ два дня послѣ возвращенія моего изъ Ревеля я получилъ телеграмму отъ ген. Юденича о томъ, что ген. Арсеньевъ отъ командованія корпусомъ отрѣшается и вмѣсто него назначается ген. Булакъ-Балаховичъ. Извѣстіе это произвело весьма непріятное впечатлѣніе какъ на меня, такъ и на тѣхъ старшихъ чиновъ арміи, которымъ я, конечно, его немедленно сообщилъ. Для того, чтобы выяснить создавшееся положеніе, я вызвалъ въ Нарву на совѣщаніе начальниковъ частей. На слѣдующій день изъ Пскова пріѣхалъ ген. Арсеньевъ и изъ Ревеля вернулся ген. Юденичъ. Ознакомившись со всѣми послѣдними продѣлками Балаховича и прежде всего съ печатаніемъ имъ фальшивыхъ денегъ, собраніе единогласно рѣшило, что немедленно же нужно покончить съ Балаховичемъ и со всѣми лицами, его окружающими, предавъ ихъ суду, т. к. они не могутъ быть болѣе терпимы въ рядахъ арміи, а также ни въ коемъ случаѣ не соглашаться на назначеніе его командиромъ корпуса и категорически требовать возвращенія ген. Арсеньева. Кромѣ этого частнаго вопроса обсу-

ждался на собраніи вопросъ и объ оборонѣ Пскова, и единогласно было рѣшено, что Псковъ ни въ коемъ случаѣ отдавать нельзя. Всѣ присутствующіе просили ген. Юденича прибыть на собраніе. Генералъ прибылъ и высказанныя собраніемъ пожеланія были имъ одобрены. Переговоривъ съ генералами гр. Паленъ и Арсеньевымъ, я приказалъ отправить въ Псковъ подъ командой полк. Пермикина отрядъ въ составѣ Талабскаго, Семеновскаго и Конно-Егерскаго полковъ и двухъ броне-машинъ для усиленія его обороны, а также для ареста нѣкоторыхъ, заранѣе намѣченныхъ, опредѣленно вредныхъ лицъ. Подъ отрядъ были поданы желѣзно-дорожные составы и переброска должна была начаться на слѣдующій же день. Для окончательныхъ переговоровъ съ графомъ Паленъ и полк. Пермикинымъ о предстоящихъ операціяхъ я выѣхалъ въ штабъ 1-го корпуса въ Валово. На фронтѣ въ это время было сравнительное затишье и переброска отряда произошла безъ ущерба для боевыхъ дѣйствій.

На слѣдующій день, вернувшись въ Нарву, я получилъ отъ полк. Пермикина донесеніе о томъ, что ген. Балаховичъ и еще нѣсколько лицъ арестованы, но нѣсколько менѣе значительныхъ лицъ скрылось, а полк. Стоякинъ убитъ при попыткѣ къ побѣгу изъ подъ ареста. Дополнительно было сообщено, что ген. Балаховичъ обманулъ прап. графа Шувалова, надзору котораго онъ былъ порученъ, и нарушивъ офицерское слово, бѣжалъ верхомъ къ эстонцамъ. Вопреки опасеніямъ Главнокомандующаго, арестъ Балаховича никакого особаго впечатлѣнія и волненія въ Псковѣ не произвелъ и прошелъ почти незамѣтно. Большинство партизанъ разбѣжалось и скрылось къ эстонцамъ. Генералъ Арсеньевъ вернулся и благополучно вновь вступилъ въ командованіе корпусомъ, въѣхавъ въ Псковъ вмѣстѣ съ ген. Юденичемъ. (Приложеніе № 14).

Сразу же послѣ ареста и бѣгства Балаховича большевики вновь перешли въ наступленіе на Псковскомъ фронтѣ, главнымъ образомъ потому, что эстонскія части сами, безъ всякаго приказанія и безъ нажима со стороны противника, отошли и обнажили нашъ правый флангъ. Взявъ съ разрѣшенія Главнокомандующаго два, только что прибывшихъ танка, я отправился на Псковъ. Въ Псковѣ въ вагонѣ ген. Юденича я встрѣтилъ Начальника 2-ой Эстонской дивизіи полк. Пускара. Полк. Пускаръ объявилъ, что держаться онъ больше не можетъ и отходитъ по направленію Изборска. Эстонцы въ два дня безъ всякаго давленія со стороны большевиковъ отошли отъ Острова и Порхова и увели съ собой и свои броневые поѣзда, все время оказывавшіе намъ значительную помощь; при проходѣ черезъ Псковъ части ихъ вели себя по отношенію къ намъ весьма вызывающе и было нѣсколько, правда ничтожныхъ, инцидентовъ. Учтя отходъ эстонцевъ, большевики усилили свой нажимъ и безъ особаго труда захватили желѣзную дорогу между Изборскомъ и Пско-

вомъ и подошли къ Крестамъ. Такимъ образомъ нашъ правый флангъ былъ совсѣмъ обнаженъ и удерживать Псковъ при такомъ положеніи стало невозможнымъ. Послѣ короткаго совѣщанія было рѣшено, во избѣжаніе излишнихъ потерь, оставить Псковъ безъ боя и отступить къ сѣверу за рѣку Желчу. Пускать въ дѣло танки было уже поздно, и ихъ не выгружая отправили обратно въ Нарву, къ тому же, какъ утверждалъ англійскій полк. Карсонъ, они были и неисправны. Отходъ отъ Пскова былъ совершенъ въ полномъ порядкѣ, безъ всякихъ потерь и, несмотря на спѣшность эвакуаціи, въ руки противника почти ничего не попало. 2-ой корпусъ занялъ позиціи по р. Желчѣ до Юхнова, 1-я дивизія — отъ Юхнова по рѣкамъ Лютѣ и Плюссѣ до устья Вердуга и до озера Сяберскаго.

Около половины сентября Главнокомандующій выѣхалъ въ Ригу для переговоровъ съ Латвійскимъ Правительствомъ. Въ его отсутствіе я получилъ отъ генерала Теннисонъ предупрежденіе, что Булакъ-Балаховичъ съ тремястами партизанъ прибылъ на ст. Вайвара и имѣетъ намѣреніе арестовать меня и весь штабъ Сѣверо-Западной арміи. (Приложеніе № 15). Навстрѣчу ему былъ двинутъ эстонскій бронированный поѣздъ, заставившій его удалиться. По пріѣздѣ Главнокомандующаго я доложилъ ему объ этомъ инцидентѣ и въ самой категорической формѣ настаивалъ на необходимости заглазно предать Балаховича суду или разжаловать, но ген. Юденичъ не нашелъ нужнымъ это сдѣлать.

Глава 7-ая.

Послѣ оставленія Пскова, я вновь, согласно приказу генерала Юденича, вступилъ въ командованіе всей Сѣверо-Западной арміей, включая и 2-ой корпусъ.

Получено было англійское обмундированіе, танки, винтовки, орудія и т. д. и армія вступила въ періодъ переформированія, пополненія и перевооруженія съ надеждой на лучшее будущее и на возможность скораго нашего наступленія. Конечно, то направленіе, на которомъ я такъ настаивалъ, съ оставленіемъ Пскова, отпадало, но и у меня и у всѣхъ чиновъ ввѣренной мнѣ арміи была полная увѣренность, что, переорганизовавшись въ регулярную армію, пополнившись и прочистивъ свой тылъ, мы снова сокрушимъ большевиковъ.

При отходѣ отъ Пскова желѣзныя и грунтовыя дороги были испорчены и мосты взорваны, дабы затруднить возможное движеніе красныхъ впередъ и дать возможность полкамъ 2-го корпуса отдохнуть. Конечно, часть солдатъ и много „зеленыхъ“ остались въ окрестностяхъ Пскова, но все же на

позицію за рѣку Желчу пришло отъ 5 до 6 тысячъ бойцовъ. Я приказалъ армейскому инженеру возвести укрѣпленныя позиціи отъ рѣки Кунесть по р. Ямѣ, на озеро Долгое, по р. Долгая и далѣе до д. Монастырекъ, а также укрѣпить рѣку Плюссу, привести въ порядокъ тыловыя дороги и установить постоянныя телефонныя линіи. Были приняты мѣры къ наведенію въ ближайшемъ тылу самаго строгаго военнаго порядка.

Вообще надо сказать, что послѣ отхода Сѣверо-Западной арміи отъ Ямбурга и Пскова положеніе ея значительно улучшилось. Вся армія была сосредоточена, появилась возможность руководить операціями, зная навѣрное, что отдаваемыя приказанія будутъ исполнены. Отъ эстонцевъ мы были совершенно изолированы и нигдѣ съ ними не соприкасались. Въ виду этого, я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ авторовъ книги о Сѣверо-Западномъ Правительствѣ генерала Кузьмина-Караваева, г. Карташева и ген. Суворова, что положеніе арміи было катастрофическое; это могли писать только люди, не бывавшіе на фронтѣ. Эстонцы всячески старались доказать иностраннымъ миссіямъ, что армія наша больше не существуетъ. Она же не только существовала, но была болѣе сильной, чѣмъ когда-либо, что и доказала послѣдующей операціей.

Особое вниманіе рѣшилъ я обратить на 2-ой корпусъ и, чтобы поближе познакомиться съ нимъ, постоянно ѣздилъ и на позиціи, и въ Гдовъ къ ген. Арсеньеву. Съ каждой моей поѣздкой корпусъ производилъ все лучшее и лучшее впечатлѣніе, и появилась надежда, что черезъ мѣсяцъ онъ сможетъ предпринять серьезную операцію. Однимъ словомъ, фронтовыя части арміи были болѣе или менѣе на высотѣ, но въ тылу ея еще продолжала царить неразбериха. Казалось, что послѣ образованія Сѣверо-Западнаго Правительства отношенія наши съ эстонцами должны были улучшиться, но на самомъ дѣлѣ произошло обратное, и эстонцы всячески стали придираться къ нашимъ тыловымъ учрежденіямъ: они старались отобрать въ Нарвѣ дома, занятые нашими штабами, дѣлали всякія затрудненія съ пропускомъ черезъ свою проволоку, обозначавшую русско-эстонскую границу, и т. д. Особенно тяжелое положеніе было для бѣженцевъ, которыхъ въ Эстонію не пропускали и которые скопились въ большомъ количествѣ въ нашемъ тылу и наводнили деревни и лѣса. Сѣверо-Западное Правительство въ вопросѣ о бѣженцахъ, да и вообще въ оборудованіи тыла никакой пользы не принесло и хаосъ былъ полный. Эстонцы держали себя вызывающе, почти ничего не позволяли провозить черезъ свою границу, отбирали у бѣженцевъ и солдатъ съѣстные продукты и т. д. Я вполнѣ понимаю, что эстонцы не хотѣли, чтобы изъ ихъ страны вывозились съѣстные припасы, которыхъ у нихъ и такъ было не много, но мѣры, принимавшіяся ихъ командованіемъ, были простымъ издѣвательствомъ и доходили до того, что солдатъ нашъ не могъ пронести черезъ проволоч-

ныя загражденія свой дневной паекъ. Въ очень тяжеломъ положеніи были также наши желѣзно-дорожные служащіе, ихъ семьи, которыя жили въ вагонахъ за проволокой, не могли пройти въ Нарву, чтобы купить себѣ самое необходимое. Деньги Юденича (казначейскіе знаки), которыми выплачивалось жалованье, почти не принимались населеніемъ, что усугубляло тяжесть общаго положенія. Между тѣмъ все, что было нужно и полезно эстонцамъ, провозилось черезъ проволоку весьма легко: въ Эстонію угонялись цѣлыя стада коровъ, безцеремонно увозились запасы сѣна и дровъ нашей заготовки и т. д. Ничего нельзя было съ этимъ подѣлать, и Правительство наше являлось совершенно безсильнымъ. Отношеніе къ арміи старшихъ чиновъ англійской Военной Миссіи оставляло желать многаго, а созданіе Сѣверо-Западнаго Правительства безъ территоріи носило скорѣе юмористическій характеръ. Это громоздкое Правительство открыло всевозможныя канцеляріи, но дѣла въ этихъ канцеляріяхъ не было почти никакого. Вся территорія наша была въ прифронтовой полосѣ, въ тылу же, т. е. въ Эстоніи, работа Правительства ни въ чемъ не проявлялась, и тылъ нашъ налаживался чрезвычайно туго. Съ появленіемъ англійскихъ пароходовъ въ Ревелѣ и Нарвѣ можно было купить всевозможные предметы обмундированія и снаряженія; тыловыя части и офицерство, не бывшее въ строю, получили полные комплекты обмундированія, люди же, сидѣвшіе на фронтѣ, ходили пока еще полураздѣтыми; это обстоятельство особенно возбуждало армію противъ ея тыла. Я неоднократно докладывалъ объ этомъ Главнокомандующему, но у него, очевидно, не хватало энергіи серьезно заняться этимъ дѣломъ, а лица, заполнявшія тылъ, были люди новые, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ генераломъ Юденичемъ, арміи чуждые, не понимавшіе и не знавшіе нуждъ фронта, а, можетъ быть, и не желавшіе ихъ узнать и понять. На фронтѣ озлобленіе и недовѣріе къ тылу росло и вызвало такое явленіе: каждый командиръ части старался показать у себя возможно большее количество ртовъ, надѣясь получить больше обмундированія и продовольствія, бороться съ этимъ было невозможно, а на пользу общему дѣлу это, конечно, не шло. Количество ртовъ, вздутое неправильно составленными списками, приняло неимовѣрные размѣры и доходило до 140.000 и сколько я ни боролся, — ничего съ этимъ подѣлать не могъ.

Послѣ отхода нашего отъ Пскова, большевики на нѣкоторое время оставили этотъ фронтъ въ покоѣ, за то они повели наступленіе со стороны Красныхъ Горъ и Темныхъ Воротъ, очевидно, задавшись цѣлью разрѣзать наши части и припереть ихъ къ озеру. Лѣвый флангъ 1-ой дивизіи не выдержалъ натиска и отступилъ, благодаря чему большевики появились между озерами Самро и Долгимъ; я приказалъ сосредоточить Талабскій и Семеновскій полки подъ командой полк. Пермикина, перевести ихъ эшелонами на ст. Гостицы

и ликвидировать прорывъ, дѣйствуя совмѣстно съ 3-ей дивизіей. Тѣмъ временемъ подъ напоромъ большевиковъ 3-я дивизія также нѣсколько отошла и уперлась своимъ правымъ флангомъ въ озеро Самро, 1-ая же дивизія отошла въ дер. Пустыньку. Полк. Пермикинъ со своей бригадой дѣйствовалъ весьма энергично, выбилъ противника между озерами Долгимъ и Самро и сталъ дѣйствовать къ сѣверо-востоку. Движеніе его облегчило положеніе и праваго фланга 3-ей дивизіи, и лѣваго фланга 1-ой и помогло имъ занять прежнее положеніе.

Видя неудачу своего прорыва, противникъ повелъ наступленіе на 2-ой корпусъ и отодвинулъ его правый флангъ за р. Кунестъ; такимъ образомъ, фронтъ корпуса шелъ по рѣкѣ Кунестъ на дер. Мишина Гора и Тупичина и упирался у дер. Горончаровой въ р. Плюссу. 1-ая дивизія заняла фронтъ по рѣкѣ Яна и на дер. Жилыя Болота и Гнѣздилову Гору; лѣвый флангъ былъ въ дер. Пустынька.

Въ это время въ армію пріѣхалъ генералъ-лейтенантъ Долгорукій, котораго я направилъ въ распоряженіе генерала Арсеньева, гдѣ ему было предложено вступить въ командованіе 4-ой дивизіей.

Вернувшись въ Нарву послѣ одного изъ объѣздовъ фронта 2-го корпуса и 1-ой дивизіи, я получилъ донесеніе, что противникъ вновь значительными силами перешелъ въ наступленіе, дѣйствуя отъ р. Желчи на дер. Бол. и Мал. Хатражъ, а также вдоль рѣки Плюссы, и прорвалъ нашъ фронтъ. Для ликвидаціи этого прорыва я приказалъ вновь сформированному танковому ударному баталіону съ тремя танками выѣхать въ Гдовъ. Большого труда стоило уговорить завѣдывавшаго танками англійскаго полк. Карсона ввести танки въ бой. Благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ генерала князя Долгорукаго, его дивизія, только что имъ принятая, перешла при поддержкѣ танковъ въ наступленіе и ликвидировала прорывъ съ большими потерями для противника. Правый флангъ корпуса тоже перешелъ въ наступленіе, и въ результатѣ красные были отброшены за рѣку Желчу и мы вновь заняли наши старыя позиціи.

Междусоюзная Военная Миссія опредѣленно обѣщала, что къ 15-му сентября эстонцы и латыши перейдутъ въ наступленіе совмѣстно съ нашей арміей; на самомъ дѣлѣ, ни тѣ, ни другіе повидимому, и не собирались двигаться, наоборотъ, Эстонское Правительство отвѣтило согласіемъ на предложеніе большевиковъ начать мирные переговоры; мѣстомъ переговоровъ былъ выбранъ гор. Юрьевъ. Само собой разумѣется, что при наличности этихъ переговоровъ положеніе Сѣверо-Западной арміи должно было стать катастрофическимъ.

Ссылаясь на то, что мы получили снаряженіе, орудія, танки и т. д., чуть не ежедневно въ мой штабъ приходили офицеры изъ англійской Военной Миссіи и отъ имени ген.

Марча требовали, чтобы мы немедленно перешли въ наступленіе. Исполнить эти требованія пока еще не было возможности, т. к. армія не закончила еще своего переформированія и перевооруженія. Въ запасномъ полку спѣшно заканчивалось обученіе запасныхъ, шло перевооруженіе Ливенской дивизіи и нѣкоторыхъ полковъ 2-го корпуса англійскими винтовками; постепенно, партіями посылалось на фронтъ обмундированіе, но доставка его задержалась, во-первыхъ потому, что пришло оно въ большомъ безпорядкѣ и его приходилось пересортировывать, а во-вторыхъ, недостаткомъ транспортныхъ средствъ. Желая закончить переформированіе арміи, я всячески затягивалъ начало активныхъ дѣйствій, но англичане становились все настойчивѣе и обѣщали оказать серьезную поддержку своимъ флотомъ, занявъ при нашемъ продвиженіи впередъ Красную Горку и Кронштадтъ. Я лично въ эту поддержку не особенно вѣрилъ и требовалъ, чтобы при наступленіи между нами и англійскимъ флотомъ была установлена непосредственная связь, но Командующій флотомъ отъ этого упорно уклонялся. Изъ перехваченныхъ нашими развѣдчиками приказовъ противника было ясно, что большевики во что бы то ни стало хотятъ отбросить насъ къ Чудскому озеру и занять Гдовъ; это же подтверждали плѣнные и перебѣжчики. Красные нѣсколько разъ пытались переправиться черезъ Лугу, что имъ дважды удавалось, но оба раза довольно сложными маневренными операціями они были отброшены обратно, причемъ полк. Пермикинъ съ Талабскимъ полкомъ, преслѣдуя противника, достигалъ Красныхъ Горъ, а полк. Даниловъ съ Темницкимъ гренадерскимъ удачнымъ набѣгомъ смялъ и уничтожилъ противника противъ праваго фланга 3-ей дивизіи. Вообще набѣги за этотъ періодъ практиковались ввѣренными мнѣ частями довольно часто, причемъ особенно удачны были набѣги полк. Данилова и набѣгъ на д. Сабицы командира конной батареи лихого полк. Гершельмана.

Тѣмъ временемъ положеніе на югѣ Россіи рѣзко измѣнилось: ген. Деникинъ по всему фронту перешелъ въ успѣшное наступленіе и продвигался къ Москвѣ. Учитывая это обстоятельство, а также отличное состояніе духа въ нашей арміи, пополненіе ея рядовъ, законченную мобилизацію и перевооруженіе съ одной стороны, а съ другой — необходимость прекратить начавшіеся между большевиками и эстонцами мирные переговоры, я рѣшилъ, что для насъ тоже является своевременнымъ и необходимымъ перейти въ общее наступленіе. Эстонскій Главнокомандующій ген. Лайдонеръ тоже совѣтовалъ мнѣ перейти въ общее наступленіе, причемъ указывалъ, что наступленіе наше измѣнитъ къ лучшему общую политическую обстановку и отношеніе къ намъ эстонцевъ. Противъ наступленія было то, что дѣйствовать намъ приходилось по направленію неправильному и для насъ опредѣленно невыгодному, о чемъ я уже говорилъ выше. Направ-

леніе это полной увѣренности въ успѣхѣ не давало, но ген. Лайдонеръ совѣтовалъ рискнуть, такъ какъ иного выхода не видѣлъ, а мѣнять общее направленіе было уже поздно, да и Главнокомандующій нашъ упорно продолжалъ на это не соглашаться, находясь всецѣло подъ вліяніемъ англійскихъ представителей.

Переформированіе арміи закончилось и составъ ея выразился въ слѣдующихъ цифрахъ:

1-ый Стрѣлковый корпусъ — генерала графа Паленъ состоялъ изъ трехъ дивизій:

2-ая дивизія — генералъ-маіоръ Ярославцевъ.

5-ый Островскій полкъ	500	штыковъ
6-ой Талабскій полкъ	1000	„
7-ой Уральскій полкъ	450	„
8-ой Семеновскій полкъ	500	„
Орудій тяжелыхъ	2	
„ легкихъ	4	

3-я дивизія — генералъ-маіоръ Вѣтренко.

9-ый Волынскій полкъ	200	штыковъ
10-ый Темницкій полкъ (отрядъ Данилова)	300	„
11-ый Вятскій полкъ	300	„
12-ый Красногорскій полкъ	450	„
Орудій тяжелыхъ	2	
„ легкихъ	8	

5-ая дивизія — (Ливенская дивизія). — Полк. Дыдоровъ.

1-ый Ливенскій полкъ (17 Либавскій)	450	штыковъ
2-ой Ливенскій полкъ (18 Рижскій)	450	„
3-ій Ливенскій полкъ (19 Полтавскій)	350	„
20-ый Чудской полкъ	350	„
Орудій тяжелыхъ	2	
„ легкихъ	6	
Броневиковъ	2	

Въ составъ того же корпуса входили:

Конно-Егерскій полкъ — полк. Грюнвальдъ	500	штыковъ.
Балтійскій полкъ, находившійся въ эстонской арміи, но въ оперативномъ отношеніи подчинявшійся мнѣ — полковникъ Вейсъ	400	
	100	шашекъ
	2	орудія легкихъ.

2-ой корпусъ — генерала Арсеньева.

4-ая дивизія — генералъ-лейт. кн. Долгорукій.

13-ый Нарвскій полкъ	800	штыковъ
14-ый Вознесенскій полкъ	750	„

15-ый Велико-Островскій полкъ . . . . 1000 штыковъ
16-ый Литовскій полкъ . . . . 350 "
Орудій тяжелыхъ 4
" легкихъ 6

Отдѣльная бригада — ген.-маіоръ Ижевскій.

21-ый Псковскій полкъ . . . . 800 штыковъ
22-ой Деникинскій полкъ . . . . 800 "
23-ій Печерскій полкъ . . . . 600 "
Качановскій баталіонъ . . . . 180 "
Орудій легкихъ . . . . 4 "
" поршневыхъ . . . . 4 "

Въ составъ того же корпуса входилъ:

Конный полкъ Булакъ-Балаховича . . . . 100 шашекъ
500 штыковъ

Не входила въ составъ корпусовъ:

1-ая дивизія — генералъ-лейтенантъ Дзерожинскій.

1-ый Георгіевскій полкъ . . . . 1000 штыковъ
2-ой Ревельскій полкъ . . . . 700 "
3-ій Колыванскій полкъ . . . . 650 штыковъ
4-ый Гдовскій полкъ . . . . 900 "
Орудій тяжелыхъ 2
" легкихъ 4

Не входили въ составъ дивизій и корпусовъ слѣдующія части:

Танковый ударный баталіонъ полк. Хомутовъ . 350 штыковъ
Дессантный морской отрядъ . . . . 130 штыковъ
1-й запасный полкъ } генерала Нефъ 850 "
2-ой запасный полкъ } генерала Нефъ 900 "
Орудій тяжелыхъ 2
" легкихъ 4
Танковъ 6
Бронепоѣзда „Адмиралъ Колчакъ“
" „Адмиралъ Эссенъ“
" „Талабчанинъ“
" „Псковитянинъ“.

Слѣдовательно всего во ввѣренной мнѣ арміи было 26 пѣхотныхъ полковъ, 2 кавалерійскихъ полка, 2 отдѣльныхъ баталіона и 1 отрядъ, итого 17.800 штыковъ, 700 шашекъ, 57 орудій, 4 бронепоѣзда, 6 танковъ и 2 броневика.

Находившаяся же противъ насъ 7-я совѣтская армія имѣла слѣдующій составъ:

2-ая Стрѣлковая дивизія (на Мшинскомъ направленіи)

10-ый Стрѣлковый полкъ . . . . 500 штык.
11-ый " " . . . . 400 "
12-ый " " . . . . 150 "

13-ый „ „		250	штык.
14-ый „ „		300	„
15-ый „ „		500	„
17-ый „ „		500	„
18-ый „ „		500	„
Саперная команда		100	„

6-ая Стрѣлковая дивизія (на Мшинскомъ направленіи).

46-ой Стрѣлковый полкъ	600	штык.
48-ой „ „	900	„
54-ый „ „	500	„

При этихъ двухъ дивизіяхъ имѣлось 24 орудія. Кромѣ того на томъ же Мшинскомъ направленіи стояли слѣдующія совѣтскія части, не входившія въ составъ дивизій:

Матросскій отрядъ	300	штык.
Отрядъ Смольнаго	350	„
1-ый Экспедиціонный отрядъ	150	„
1-ый Петроградскій Конный полкъ	400	шашекъ
3-ій Кавалерійскій дивизіонъ	200	„
Броневиковъ	2	

На Лужскомъ направленіи стояли слѣдующія совѣтскія части:

47-ой Стрѣлковый полкъ	250	штык.
52-ой „ „	700	„
168-ой „ „	200	„
7-ой Самарскій полкъ	900	„
16-ый Эстонскій „	250	„
2-ой Кавалерійскій полкъ	250	шашекъ
Коммунистическій отрядъ Шатова	150	штык.
Отрядъ курсантовъ	150	„
Лужскій коммунистическій отрядъ	150	„
Боевой отрядъ водо-транспорта	150	„
Орудій легкихъ	18	
Пушекъ Гочкиса	4	
Бронепоѣздъ „Стенька Разинъ“	1	
Броневика	2	

На Псковскомъ и Струги Бѣльскомъ направленіяхъ стояли:

10-ая Стрѣлковая дивизія.

82-ой Стрѣлковый полкъ	600	штык.
83-ій „ „	650	„
84-ый „ „	400	„
88-ой „ „	400	„
89-ый „ „	400	„
Латышскій красный полкъ	700	„
2-ой коммунистическій имени Троцкаго полкъ	700	„
Орудій тяжелыхъ	4	
„ легкихъ	6	

19-ая Стрѣлковая дивизія.

162-ой	Стрѣлковый полкъ	1200	штыковъ
163-ій	" "	600	"
164-ый	" "	500	"
165-ый	" "	800	"
166-ой	" "	700	"
167-ой	" "	600	"
168-ой	" "	800	"
169-ый	" "	500	"
170-ый	" "	700	"
171-ый	" "	700	"
Орудій легкихъ		4	

На томъ же направленіи стояли слѣдующія совѣтскія части, не входившія въ составъ дивизій:

16-ый Стрѣлковый полкъ	400	штыковъ
1-ый Желѣзнодорожный бат.	400	"
19-ый Отдѣльный батальонъ	200	"
1-ый матросскій ком. отрядъ	400	"
Эскадронъ Балашева	150	шашекъ
Бронепоѣзда — „Керенскій" и „Троцкій"	2	

Слѣдовательно, дѣйствовавшая противъ насъ 7-ая совѣтская армія имѣла въ своемъ составѣ 34 пѣхотныхъ полка, 2 кавалерійскихъ полка, два отдѣльныхъ баталіона, 9 отрядовъ, 1 кавалерійскій дивизіонъ и 1 эскадронъ, 22.500 штыковъ, 1.100 шашекъ, 60 орудій, 3 бронепоѣзда и 4 броневика.

Количество это постоянно измѣнялось и къ моменту занятія нами Краснаго и Царскаго Селъ увеличилось болѣе чѣмъ втрое.

Перевооруженіе англійскими винтовками и полученіе обмундированія закончилось, ждать улучшенія нашего положенія не было никакихъ основаній, и я рѣшилъ, что насталъ моментъ рискнуть и перейти въ общее энергичное наступленіе. Дабы обезпечить правый флангъ, я поставилъ себѣ задачу сначала, до общаго наступленія, разбить противника передъ фронтомъ 2-го корпуса и 1-ой дивизіи, т. е. на направленіяхъ Псковскомъ, Струги Бѣльскомъ и Лужскомъ. Я собралъ въ Гдовѣ совѣщаніе, на которое вызвалъ командира 2-го корпуса ген. Арсеньева, начальника 1-ой дивизіи ген. Дзерожинскаго и начальника 4-ой дивизіи ген. князя Долгорукаго. На этомъ совѣщаніи мы разработали планъ дѣйствій, причемъ было рѣшено, что 4-ой дивизіи будутъ содѣйствовать 3 танка. Генералъ кн. Долгорукій все время усиленно настаивалъ на необходимости взять Псковъ до начала общей операціи на Петроградъ. Принципіально я былъ съ нимъ совершенно согласенъ, но къ сожалѣнію желѣзно-дорожная линія Гдовъ—Псковъ была настолько разрушена, что подвезти по ней въ случаѣ удачи необходимые боевые припасы и продовольствіе

нельзя было разсчитывать; придти же въ Псковъ, у жителей котораго еще свѣжа была память о партизанахъ Балаховича, съ пустыми руками — я считалъ невозможнымъ, а потому мысль о занятiи его пришлось оставить.

Командующимъ отдѣльной бригадой я, по соглашенiю съ ген. Арсеньевымъ, рѣшилъ назначить ген. Ижевскаго, но, несмотря на неоднократныя мои приказанiя, онъ не являлся и въ должность не вступалъ. Какъ оказалось, генералъ Ижевскiй былъ, безъ моего вѣдома, куда то командированъ штабомъ Главнокомандующаго. Находя такое отношенiе къ дѣлу вреднымъ и совершенно недопустимымъ, я телеграфировалъ Главнокомандующему, который въ это время находился въ Ревелѣ, что разъ я не могу распоряжаться въ армiи, какъ нахожу нужнымъ, то не могу и отвѣчать за нее, а потому прошу меня отъ командованiя уволить. Въ отвѣтъ на эту телеграмму я получилъ приказанiе явиться въ Ревель. Отдавъ послѣднiя распоряженiя о подготовкѣ операцiи, я срочно выѣхалъ, надѣясь, между прочимъ, при личномъ свиданiи съ Главнокомандующимъ выяснить нѣкоторыя недоразумѣнiя, имѣвшiя мѣсто между его и моимъ штабами. По моему крайнему убѣжденiю присутствiе двухъ штабовъ рядомъ только вредило общему дѣлу, и я уже давно настаивалъ на переѣздѣ Главнокомандующаго съ его штабомъ въ Ревель. Въ штабѣ ген. Юденича все время чувствовалось недовольство мною, главнымъ образомъ потому, что я постоянно боролся съ безпрерывными захватными стремленiями этого штаба, полагая, что разъ я отвѣчаю за армiю и за ея боевые успѣхи, то я и долженъ всецѣло командовать и не могу выпускать изъ подъ своего наблюденiя и власти ни одного изъ ея, подвѣдомственныхъ мнѣ и необходимыхъ армiи, отдѣловъ. Самому же ген. Юденичу, повидимому, сильно надоѣло мое постоянное желанiе быть въ курсѣ всего бѣлаго дѣла; онъ почему то упорно не желалъ посвящать меня въ свѣдѣнiя, получаемыя имъ съ другихъ бѣлыхъ фронтовъ, въ переговоры съ англiйскими представителями и въ новѣйшiя событiя европейской политики. Вопросы же эти особенно сильно интересовали армiю, и чины ея постоянно обращались ко мнѣ съ просьбами держать ихъ въ курсѣ дѣла, чего я при всемъ желанiи, исполнить не могъ. Былъ недоволенъ ген. Юденичъ и моими настойчивыми требованiями о необходимости разжаловать Булакъ-Балаховича. Чувствовалось, что штабъ Главнокомандующаго ведетъ противъ меня опредѣленную интригу; только этой интригой я могъ объяснить смыслъ и появленiе письма англiйской Миссiи, пересланнаго мнѣ въ концѣ сентября ген. Юденичемъ, въ которомъ говорилось, что англичане имѣютъ доказательства того, что я придерживаюсь германской орiентацiи, нарочно не хочу переходить въ наступленiе, несмотря на то, что армiя совершенно готова, что эстонцы были вынуждены сознательно отдать Псковъ большевикамъ, дабы воспрепятствовать Сѣверо-Западной армiи

соединиться съ Прибалтійскими нѣмецкими войсками, къ чему я будто бы стремился, а также упрекали меня въ трусости.

По вопросу о назначеніи ген. Ижевскаго Главнокомандующій вполнѣ со мной согласился, на вопросъ же мой, доволенъ ли онъ вообще моей работой, отвѣтилъ, что доволенъ весьма и проситъ меня продолжать командовать арміей. Послѣ доклада Главнокомандующему я дѣлалъ докладъ Сѣверо-Западному Правительству, въ которомъ особенно подчеркнулъ, познакомивъ членовъ Правительства съ общимъ положеніемъ на фронтѣ, что слухи о томъ, будто бы армія утратила свою боеспособность, ни на чемъ не основаны, и армія готова и способна драться. Кромѣ того, я вновь указалъ на недопустимость вмѣшательства Правительства и отдѣльныхъ его членовъ въ военныя дѣла, къ чему побудило меня то обстоятельство, что нѣкоторыя партійныя группы, войдя въ связь съ представителями Правительства, пытались ввести въ арміи пропаганду, что я считалъ недопустимымъ для дисциплины и боевой мощи частей.

Вернувшись въ Нарву, я приступилъ къ дальнѣйшей разработкѣ плана движенія на Петроградъ. Я прекрасно сознавалъ, что при наличіи переговоровъ между эстонцами и большевиками, которые велись, конечно, не безъ вѣдома и согласія Антанты, и въ виду отъѣзда большевитскаго представителя Литвинова въ Копенгагенъ, для переговоровъ съ Англіей, наступленіе на Петроградъ есть предпріятіе опредѣленно рискованное. Но выбора у меня не было, приближался октябрь, для активныхъ дѣйствій оставалось всего нѣсколько недѣль, за которыя политическое положеніе могло измѣниться только къ худшему. Латвійская Миссія, отъ которой мы всецѣло зависѣли, категорически требовала наступленія и откладывать его до весны не соглашалась. Съ другой стороны духъ арміи былъ весьма бодрый и общій голосъ былъ за наступленіе, тѣмъ болѣе, что по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, доходившимъ до насъ, движеніе ген. Деникина на Москву развивалось блестяще. Согласно окончательно разработанному плану въ операціи ликвидаціи противника противъ нашего праваго фланга должны были принимать участіе: Отдѣльная бригада, 4-ая, 1-ая и частично 3-я дивизія. 4-ая дивизія, при поддержкѣ Отдѣльной бригады съ 2-мя танками, должна была дѣйствовать по направленію на Струги-Бѣлыя, 1-ая дивизія должна была отбросить стоявшаго передъ ней противника и выйти между оз. Сяберскимъ и Турецъ и Вешень, части 3-ей дивизіи должны были обойти Саберское озеро и двинуться наперерѣзъ и въ тылъ отступающимъ краснымъ войскамъ и выйти тоже на дер. Вешень. Наступленіе началось съ разсвѣтомъ 28 сентября. 4-ая дивизія подъ личнымъ руководствомъ своего храбраго начальника ген. кн. Долгорукаго стремительнымъ натискомъ по широкому фронту смяла противника и къ вечеру безъ особыхъ потерь, захвативъ большое количество плѣнныхъ и пулеме-

товъ, заняла дер. Корытенку, Дубяги, Бол. и Мал. Заозерье и мызу Низы. Красные, ошеломленные появленіемъ танковъ и нашей стремительностью, серьезнаго сопротивленія не оказывали и отступали въ полномъ безпорядкѣ, бросая обозы. 28-го же 1-ая дивизія продвинулась на линію озера Сопотнаго — оз. Сяберскаго. 29-го сентября 4-ая дивизія продолжала успѣшно продвигаться въ Струги-Бѣльскомъ направленіи, но уже безъ поддержки танковъ, которые изъ за плохого состоянія дорогъ и порчи моторовъ вынуждены были вернуться въ Гдовъ. На лѣвомъ флангѣ 1-ой дивизіи на участкѣ Гнѣздилова Гора Колыванскій полкъ энергичнымъ ударомъ овладѣваетъ дер. Луковой. Въ этотъ же день на правомъ нашемъ флангѣ перешли въ наступленіе Деникинскій и Псковскій полки, занявъ къ вечеру мѣст. Полна, и укрѣпились на линіи р. Желчи. 30-го сентября 1-ая дивизія, послѣ упорнаго боя, несмотря на то, что красные успѣли подвезти значительные резервы, заняла дер. Жилыя Болота. Въ Струги-Бѣльскомъ же направленіи полки 4-ой дивизіи съ 30-го сентября послѣ штыкового боя захватили переправу черезъ р. Плюссу и заняли дер. Скворецъ, Высокую, Матвѣеву, Погостъ Ляхтской; Турецъ, Горку, Юхново и Пески.

Дабы задержать стремительное продвиженіе 1-ой и 4-ой нашихъ дивизій красные 30-го числа попытались перейти въ наступленіе на фронтѣ 3-ей дивизіи противъ дер. Кроколь, но были отброшены со значительными для нихъ потерями.

1-го октября на Псковскомъ направленіи наши части отбросили большевиковъ за р. Желчу. 2-го октября бои продолжались съ неизмѣннымъ для насъ успѣхомъ, какъ на Струги-Бѣльскомъ, такъ и на Псковскомъ направленіяхъ. 3-го октября противникъ успѣлъ подтянуть подкрѣпленія, среди которыхъ находились отборные коммунистическіе отряды, и у дер. Сковородки оказалъ отчаянное сопротивленіе нашей 4-ой дивизіи. Впрочемъ къ вечеру Сковородка была взята, чему много способствовалъ выходъ Велико-Островскаго полка въ тылъ противнику на линіи желѣзной дороги сѣвернѣе Струговъ-Бѣлыхъ. 4-го октября ст. Струги-Бѣлые оказались въ нашихъ рукахъ, линія Луга-Псковъ перерѣзана и противникъ, пытавшійся сосредоточиться на Псковскомъ направленіи противъ фронта нашей Отдѣльной бригады, вынужденъ былъ начать поспѣшно отходить.

6-го октября противникъ, спѣшно подтянувъ свою 19-ую стрѣлк. дивизію въ полномъ составѣ, пытался нанести намъ контръ-ударъ въ Струги-Бѣльскомъ направленіи, но удачнымъ маневромъ 4-ой дивизіи, ни на минуту не выпускавшей иниціативу изъ своихъ рукъ, былъ разбитъ на голову и оставилъ въ нашихъ рукахъ 2 орудія, 20 пулеметовъ, много плѣнныхъ, обозовъ и снаряженія. 7-го на разсвѣтѣ 4-ая дивизія, быстрымъ маневромъ вышла въ тылъ дер. Мазовѣръ и вновь взяла большое количество плѣнныхъ и пуле-

метовъ. Въ тотъ же день красные, видя, что они не въ силахъ задержать стремительнаго наступленія кн. Долгорукаго, пытались парализовать его продвиженіе на фронтѣ 3-ей дивизіи въ раіонѣ дер. Переволокъ, но всѣ ихъ атаки были отбиты нашимъ артиллерійскимъ огнемъ.

8-го октября части 2-го корпуса продолжали свои быстрые и неизмѣнно удачные маневры и окончательно разбили Псковскую группу противника, причемъ въ наши руки вновь попало большое количество плѣнныхъ и пулеметовъ, а Вознесенскій полкъ захватилъ 2 орудія. Въ этотъ же день перешла въ наступленіе по широкому фронту 3-я дивизія и заняла съ боемъ дер. Сабицы, Добровицы и Слудицы.

Эта предварительная операція, въ которой особенно отличились своими искуссными маневренными дѣйствіями 4-ая дивизія и ея Начальникъ энергичный генералъ кн. Долгоруковъ — прошла бы съ еще болѣе блестящимъ успѣхомъ, если бы 3-я дивизія не задержалась изъ за отвратительнаго состоянія дорогъ въ раіонѣ Сяберскаго озера и изъ за нерѣшительныхъ дѣйствій ея Начальника, и своевременно вышла бы на указанныя ей деревни.

Послѣ окончанія операціи я приказалъ нѣсколько оттянуть дѣйствующія части, такъ что 3-я дивизія уперлась своимъ правымъ флангомъ въ озеро Сяберское, а 1-я дивизія заняла фронтъ отъ оз. Сяберскаго до дер. Вешень, гдѣ входила въ соприкосновеніе съ лѣвымъ флангомъ 4-ой дивизіи.

Конно-Егерскій полкъ въ этой операціи участія не принималъ, но въ концѣ ея я приказалъ направить его въ распоряженіе командира 2-го корпуса. Храбрый и энергичный командиръ его полк. Грюнвальдъ заболѣлъ и внезапно умеръ, полкъ принялъ полк. Бенкендорфъ.

Такимъ образомъ первая часть общаго плана движенія на Петроградъ, т. е. ликвидація силъ противника, находившихся противъ нашего праваго фланга, и возможное обезпеченіе этимъ себя со стороны Пскова была выполнена блестяще. Вслѣдствіе столь крупнаго и сравнительно легкаго успѣха я нѣсколько измѣнилъ общій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, послѣ чего онъ въ грубыхъ чертахъ выразился въ слѣдующемъ: Отдѣльная бригада должна была активно оборонять р. Желчу, 4-ая дивизія вновь занять ст. Струги-Бѣлыя, которую она очистила согласно моему приказанію, отойдя лѣвымъ своимъ флангомъ къ дер. Вешень, что было необходимо, дабы фланги ея не висѣли въ воздухѣ и не подвергались постоянной опасности быть обойденными. Занявъ Струги-Бѣлыя, она должна была въ случаѣ надобности взорвать желѣзнодорожные и шоссейные мосты на линіи и на шоссе Луга — Псковъ, дабы противникъ при удачномъ продвиженіи нашемъ на востокъ не смогъ бросить во флангъ и

тылъ нашимъ наступающимъ частямъ своихъ подкрѣпленій изъ Пскова. 1-ая дивизія должна была, пройдя черезъ гор. Лугу, занять ст. Оредежъ и Батецкую, пересѣчь противнику возможность подвозить резервы съ юга и обезпечивать нашъ правый флангъ въ случаѣ сильнаго нажима со стороны противника. Ей было приказано взорвать мостъ въ случаѣ надобности у Оредежа и у р. Луги, южнѣе ст. Батецкой. 3-я дивизія быстрымъ ударомъ должна была выйти на ст. Мшинскую и Преображенскую, 2-я дивизія занять переправу черезъ р. Лугу и дѣйствовать на ст. Волосово, Ливенская, переправиться у Муравейно и выйти на ст. Веймарнъ. Отдѣльной группѣ, въ составѣ танкового ударнаго баталіона и нѣсколькихъ мелкихъ частей, было приказано послѣ переправы 2-ой и Ливенской дивизіи черезъ рѣку Лугу, при поддержкѣ артиллеріи, занять гор. Ямбургъ.

Такимъ образомъ, согласно общему заранѣе разработанному плану, крайними пунктами для 2-го корпуса были дѣйствія по р. Желчѣ и въ раіонѣ Струги - Бѣлыя, для 1-ой дивизіи — въ районѣ гор. Луги, ст. Оредежъ и ст. Батецкая и для 1-го корпуса — Ст. Мшинская и Гатчина. Дальнѣйшій планъ операціи не могъ быть разработанъ заранѣе, т. к. продвиженіе наше за Гатчину, въ случаѣ успѣха, зависѣло отъ дѣйствій англійскаго флота, съ которымъ, какъ я уже говорилъ, у меня не было никакой связи. Дальнѣйшее же продвиженіе впередъ было возможнымъ только при исполненіи англичанами ихъ обѣщанія занять Кронштадтъ и обезпечить нашъ лѣвый флангъ.

Операція была разработана тщательно и во всѣхъ деталяхъ. Я неоднократно лично выѣзжалъ въ штабы корпусовъ и 1-ой дивизіи для личныхъ переговоровъ о различныхъ мелочахъ. Это было необходимо, т. к. разсчитывать на правильную связь со штабомъ арміи во время движенія частей было невозможно, въ виду слабыхъ средствъ связи, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи.

Главныя причины, заставившія меня рѣшиться на наступленіе на Петроградъ, были слѣдующія: 1) требованіе англичанами этого наступленія и отказъ въ дальнѣйшей поддержкѣ въ случаѣ его неисполненія, 2) обѣщанная поддержка англійскаго флота и занятіе имъ Кронштадта, обезпечивающее лѣвый флангъ Сѣверо - Западной арміи, 3) начавшіеся между большевиками и эстонцами переговоры, 4) отъѣздъ Литвинова въ Копенгагенъ, 5) успѣхи ген. Деникина, 6) общее бодрое настроеніе Сѣверо - Западной арміи, 7) ослабленіе красными Петроградскаго фронта, что усиливало надежду на успѣхъ, и 8) уничтоженіе красныхъ частей въ Струги - Бѣльскомъ направленіи.

Глава 8-ая.

Во время столь удачной для насъ операціи на Псковскомъ и Струги-Бѣльскомъ направленіяхъ ген. Юденичъ былъ въ Ревелѣ, рѣшивъ окончательно переѣхать туда и перевести туда весь свой штабъ. Онъ даже отдалъ соотвѣтствующія распоряженія, такъ что мой штабъ уже перешелъ въ помѣщенія штаба Главнокомандующаго, но въ самыя послѣднія минуты произошли какія то мнѣ неизвѣстныя перемѣны и штабъ Главнокомандующаго остался въ Нарвѣ.

Въ первыхъ числахъ Октября я вернулся съ фронта въ Нарву и назначилъ передъ наступленіемъ послѣднее рѣшительное совѣщаніе старшихъ начальниковъ арміи, вызвавъ на него генераловъ гр. Паленъ, Арсеньева и Дзерожинскаго. Всѣ детали наступленія были окончательно разработаны штабомъ арміи и на совѣщаніи этомъ я разсчитывалъ познакомить старшихъ начальниковъ съ приказомъ о наступленіи на Петроградъ и внести въ него необходимыя поправки.

Утромъ въ день совѣщанія вернулся изъ Ревеля ген. Юденичъ. Немедленно по его прибытіи я явился къ нему и доложилъ ему о нашихъ удачныхъ дѣйствіяхъ въ Струговo-Бѣльскомъ направленіи, а затѣмъ о моихъ предположеніяхъ относительно движенія на Петроградъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ я вернулся въ штабъ, меня вновь вызвалъ къ себѣ Главнокомандующій и заявилъ мнѣ, что онъ самъ непосредственно желаетъ командовать Сѣверо-Западной арміей, а меня назначаетъ своимъ Помощникомъ (Приложеніе № 16). Въ первую минуту извѣстіе это своей неожиданностью меня совершенно ошеломило: операція уже началась, планъ ея былъ разработанъ мною, и только я одинъ зналъ всѣ детали дѣла, а потому я доложилъ ген. Юденичу, что если онъ мною не доволенъ, то я охотно сдамъ ему командованіе арміей, но лишь по окончаніи начатой мною операціи, а до этого же считаю перемѣну высшаго командованія совершенно невозможной и пагубной для русскаго дѣла. Я убѣдилъ его отмѣнить свое рѣшеніе, но на всѣ мои доводы ген. Юденичъ отвѣчалъ отказомъ. Я вновь повторилъ ему, указавъ, что въ моментъ, когда все поставлено на карту, перемѣна командованія является не только не цѣлесообразной, но совсѣмъ невозможной. Не помогло и это. На вопросъ же мой, не доволенъ ли онъ чѣмъ либо въ моемъ командованіи, онъ отвѣтилъ, что наоборотъ, очень цѣнитъ мою работу и энергію. Наконецъ возмущенный, я напомнилъ ему, что Сѣверо-Западная армія формирована мной, что я пользуюсь большимъ довѣріемъ, какъ среди высшихъ начальниковъ, такъ и среди офицеровъ и солдатъ, и что въ гражданской войнѣ болѣе, чѣмъ въ какой либо другой, довѣріе является залогомъ успѣха, поэтому я считаю престу-

пленіемъ противъ общаго дѣла и арміи отставлять меня отъ командованія въ настоящій моментъ. На это ген. Юденичъ сказалъ мнѣ буквально слѣдующее: „Вы, дѣйствительно, организовали Сѣверо-Западную армію, но я добылъ для нея деньги"; послѣ этого аргумента я убѣдился, что никакіе доводы помочь не могутъ, и сталъ просить Главнокомандующаго отложить приведеніе въ исполненіе его рѣшенія хотя бы до прибытія въ Нарву на совѣщаніе высшихъ начальниковъ, на что онъ и согласился.

По прибытіи въ Нарву старшихъ начальниковъ и послѣ того какъ съ боевымъ приказомъ всѣ ознакомились, я сообщилъ имъ о рѣшеніи ген. Юденича. На этомъ совѣщаніи было рѣшено, что требованіе Главнокомандующаго является совершенно невыполнимымъ, и что необходимо уговорить его отъ него отказаться.

Вся эта интрига произвела на меня самое удручающее впечатлѣніе. Для меня было совершенно ясно, что она была дѣломъ штаба Главнокомандующаго, т. к. самъ ген. Юденичъ, въ силу свойственныхъ ему апатичности и безразличія былъ на нее врядъ ли способенъ. Вѣрность моего предположенія подтвердилась телеграммой, полученной въ моемъ штабѣ, въ которой ген. Кондыревъ (Кондзеровскій) запрашивалъ ген. Малявина, не произошло ли какихъ либо перемѣнъ, а также письмомъ того же ген. Кондырева генералу Малявину, которое послѣдній мнѣ показалъ и изъ котораго мнѣ было ясно, что дѣло это было отчасти его, Кондырева, рукъ.

Уже послѣ совѣщанія, передъ тѣмъ, какъ вновь идти къ ген. Юденичу, я долго раздумывалъ, надлежитъ ли мнѣ для пользы дѣла отказаться отъ исполненія приказанія къ чему имѣлъ полную возможность и согласіе старшихъ начальниковъ или исполнить его, я пришелъ къ тому заключенію, что я долженъ его исполнить: во-первыхъ, потому, что ген. Юденичъ, ознакомившись съ моими боевыми приказами, опредѣленно сказалъ, что ничего мѣнять въ нихъ не станетъ. Это до нѣкоторой степени гарантировало, что разработанный мною планъ испорченъ не будетъ, и перемѣна высшаго командованія не внесетъ сумятицы въ дѣйствія частей, чего я особенно боялся, а во-вторыхъ, потому, что поднимать исторію, которая не могла не взволновать армію въ моментъ начала серьезной операціи, было опасно для исхода самой операціи.

Было совершенно ясно, что кромѣ давленія, оказаннаго на ген. Юденича ген. Кондыревымъ и другими лицами въ Ревелѣ и Гельсингфорсѣ, самому ему хотѣлось лично командовать войсками, оперировавшими противъ Петрограда: вѣдь если бы, благодаря состоянію арміи и положенію на Деникинскомъ и Колчаковскомъ фронтахъ операція удалась, что казались вполнѣ возможнымъ, то честь занятія и спасенія Петрограда досталась бы мнѣ, чего честолюбіе ген. Юденича

и его штаба не могло допустить. Вечеромъ участники совѣщанія собрались у ген. Юденича и, согласно общему желанію, ген. гр. Паленъ заявилъ ему, что перемѣна Верховнаго руководителя въ настоящую минуту является совершенно невозможной и отъ лица всѣхъ просилъ его отмѣнить свое распоряженіе. Главнокомандующій отвѣтилъ отказомъ. Никакіе доводы участниковъ совѣщанія на ген. Юденича не подѣйствовали. Тогда я, повторивъ все, что уже ранѣе ему докладывалъ, въ присутствіи всѣхъ категорически отказался занять должность помощника Главнокомандующаго, сказавъ, что операція задумана мною, что первая часть ее прошла благополучно, причемъ достигнутый успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, и что я считаю, что только я могу эту операцію удачно закончить, т. к. многія детальныя распоряженія, которыя нельзя было изложить въ приказѣ, уже мною отданы отдѣльнымъ начальникамъ устно, связь, существующая между мною и войсками, весьма прочна, лица, занимающія командныя должности, настолько меня знаютъ, что понимаютъ съ полуслова, и я, находясь въ арміи съ самаго начала, твердо знаю, что съ каждаго отдѣльнаго начальника и каждой части можно спросить и какъ ихъ лучше можно использовать. Наконецъ я сказалъ, что въ такую минуту отнятіе командованія можетъ погубить все русское дѣло и рискнуть этимъ можетъ только не русскій человѣкъ. На это ген. Юденичъ сказалъ: „Такъ Вы меня считаете не русскимъ человѣкомъ". На что я вновь подтвердилъ, что считаю, что такое приказаніе въ такую тяжелую и отвѣтственную минуту можетъ отдать человѣкъ только не русскій. Присутствовавшіе вновь просили ген. Юденича не мѣнять командованіе, на что онъ опять отвѣтилъ отказомъ и снова предложилъ мнѣ быть помощникомъ Главнокомандующаго. Категорически отказавшись, я указалъ, что положеніе помощника Главнокомандующаго равносильно полному отрѣшенію, т. к. для таковой должности я въ настоящую минуту не вижу абсолютно никакого примѣненія и никакой въ ней надобности; понимая же это предложеніе, какъ отрѣшеніе, прошу, по крайней мѣрѣ, указать мнѣ, что мнѣ могутъ поставить въ вину за время моего командованія. На это ген. Юденичъ отвѣтилъ, что я дважды во время тяжелыхъ моментовъ на фронтѣ просилъ уволить меня отъ должности командующаго, о чемъ увѣдомлялъ его телеграммами въ Ревель. Этотъ упрекъ былъ настолько чудовищнымъ и неосновательнымъ, что я вспылилъ и въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ заявилъ Главнокомандующему, что никогда въ тяжелыя минуты я арміи не бросалъ и не брошу, но когда его штабъ во время серьезныхъ боевъ на фронтѣ пытался отнимать у меня безъ моего вѣдома и согласія отдѣльныхъ офицеровъ, отдѣльныя отрасли управленія и даже цѣлыя части, лишая меня тѣмъ возможности продуктивно работать, я долженъ былъ бороться съ этими явно вредными для успѣха арміи дѣйствіями, и единственный способъ борьбы видѣлъ въ отказѣ моемъ отъ командованія. Что же касается ген. Юденича

и его штаба, то они пріѣхали уже послѣ того, какъ армія, сама по себѣ подъ моимъ командованіемъ, не получая поддержки ни откуда, сформировалась и вышла изъ тяжелаго положенія. При этомъ, какъ со стороны самого ген. Юденича, такъ и со стороны его штаба, армія не только не видѣла никакой помощи и поддержки, но наоборотъ ей ставились всевозможныя препятствія въ дѣлѣ ея формированія и успѣшной борьбы съ большевиками. Какъ примѣръ я привелъ то обстоятельство, что когда армія особенно нуждалась въ офицерскомъ составѣ, офицеры изъ Финляндіи не только не присылались, но имъ было даже запрещено ѣхать и они были вынуждены пробираться какими то нелегальными путями на финскихъ лайбахъ. Далѣе я сказалъ, что еще до пріѣзда ген. Юденича въ Эстонію я прекрасно зналъ, что онъ относится отрицательно и ко мнѣ, и ко всѣмъ моимъ сотрудникамъ, и даже къ самой арміи, называя меня и моихъ помощниковъ авантюристами и „Ревельскими разбойниками", а все дѣло формированія—„авантюрой" и тогда же хотѣлъ не допустить и отставить меня отъ командованія, что зная это, я все же настойчиво просилъ ген. Юденича пріѣхать возможно скорѣе, надѣясь, что онъ захочетъ и сможетъ помочь общему дѣлу. Кончилъ я тѣмъ, что сказалъ, что мнѣніе ген. Юденича, будто я хотѣлъ въ тяжелую минуту бросить армію, я считаю несправедливымъ и незаслуженнымъ оскорбленіемъ.

Говорилъ я очень горячо и въ сильно повышенномъ тонѣ. Когда я кончилъ, ген. Юденичъ сказалъ: „Намъ, кажется, больше не о чемъ говорить". Послѣ этого я всталъ и ушелъ въ свой штабъ.

Вскорѣ вслѣдъ за мной вернулись въ мой штабъ и другіе старшіе начальники, бывшіе вмѣстѣ со мною у ген. Юденича. Нѣсколько успокоившись, я рѣшилъ, что въ такую минуту я не имѣю права ослушаться приказанія Главнокомандующаго, какъ бы оно ни было безсмысленно, оскорбительно для меня и даже вредно для дѣла. Приказъ о наступленіи былъ уже готовъ, всѣ распоряженія отданы, отмѣнить ихъ было уже нельзя, и неисполненіе мною требованія Главнокомандующаго, неизбѣжно вызывая волненія, могло не только повредить, но и вовсе погубить начатое дѣло, а съ нимъ и всю армію. Я сообщилъ моему штабу и старшимъ начальникамъ о своемъ согласіи подчиниться рѣшенію ген. Юденича и отправился домой, рѣшивъ совсѣмъ покинуть армію. Я, конечно, могъ ослушаться и даже арестовать ген. Юденича, тѣмъ болѣе, что высшіе начальники всѣ были на моей сторонѣ, но принципіально я не могъ создавать такого примѣра для всей арміи.

На слѣдующее утро ген. гр. Паленъ и другіе участники совѣщанія просили меня согласиться занять постъ помощника Главнокомандующаго и уговорили меня, во время намѣчавшейся операціи стать во главѣ отдѣльнаго отряда; столкновеніе же мое съ ген. Юденичемъ они брались уладить.

Подумавъ, я рѣшилъ, что для пользы общаго дѣла я долженъ поступиться своимъ самолюбіемъ и согласиться на ихъ настоятельное предложеніе.

Немного погодя, я былъ приглашенъ ген. Юденичемъ въ его штабъ на совѣщаніе, куда я немедленно поѣхалъ. Оперативный планъ, разработанный мною и моимъ штабомъ, былъ принятъ цѣликомъ. Я же былъ назначенъ Помощникомъ Главнокомандующаго и въ намѣченной операціи получилъ порученіе руководить дѣйствіями 3-ей дивизіи, т. к. во-первыхъ, заданіе ея было особо сложнымъ и отвѣтственнымъ и требовало смѣлыхъ энергичныхъ дѣйствій, а во-вторыхъ — генералъ Вѣтренко былъ извѣстенъ какъ человѣкъ весьма своевольный, и ген. гр. Паленъ не вполнѣ былъ увѣренъ, что, потерявъ во время движенія связь со штабомъ корпуса, онъ будетъ точно слѣдовать указаніямъ боевого приказа.

Передъ моимъ отъѣздомъ я объяснилъ ген. Юденичу, какъ я понимаю задачу 3-ей дивизіи, которая по моему заключалась въ томъ, чтобы въ случаѣ удачнаго развитія операціи возможно скорѣе занять гор. Гатчину, выславъ со ст. Сиверской по шоссе на Тосно отрядъ для занятія ст. Тосно и разрыва Николаевской жел. дороги, чему я придавалъ особо большое значеніе. Въ случаѣ удачнаго занятія Тосно, я расчитывалъ выслать подрывную команду въ Усть - Тосно для взрыва моста и перерыва телеграфной и телефонной связи.

Забравъ деньги и карты для 3-ей дивизіи и отправивъ свою личную сотню и лошадей въ штабъ 1-го корпуса, я 7-го октября выѣхалъ въ д. Погостъ Рудный въ штабъ ген. Дзерожинскаго, чтобы окончательно сговориться о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ 1-ой и 3-ей дивизій. Отсюда я поѣхалъ въ штабъ ген. гр. Паленъ, гдѣ тоже сговорился о дѣйствіяхъ и связи съ сосѣдней 2-ой дивизіей.

8-го октября утромъ я пріѣхалъ въ д. Подлѣсье, гдѣ находился штабъ 3-ей дивизіи.

Глава 9-ая.

Прежде всего я подробно сговорился съ ген. Вѣтренко о всѣхъ деталяхъ предстоящей операціи. Начать наступленіе долженъ былъ Темницкій полкъ подъ командой полк. Данилова: ему надлежало занять дер. Сабицы и по болотистой дорогѣ выйти на д. Поля, гдѣ захватить стоявшій тамъ штабъ бригады противника.

9-го на разсвѣтѣ я выѣхалъ въ Осмину Гору, чтобы лично присутствовать при началѣ операціи. Въ раіонѣ Осмина Гора — Юра Михалки сосредоточились три остальные полка

дивизіи съ артиллеріей; они должны были дѣйствовать на Сара-Логу, Сара-Гору, Люботяжье и далѣе на Красныя Горы, держа, по возможности, связь съ полками 2-ой дивизіи, которые должны были занять переправы черезъ р. Лугу. Вечеромъ 9-го октября я лично проводилъ въ наступленіе Талабскій и Уральскій полки, и до разсвѣта 10-го числа Сара-Лога и Сара-Гора уже были заняты 3-ей дивизіей. Отлично зная опытность ген. Вѣтренко въ гражданской войнѣ и всѣ его достоинства и недостатки, я предоставилъ ему полную свободу дѣйствій, оставивъ за собой лишь общее наблюденіе. Главными недостатками этого генерала были чрезвычайное его честолюбіе и нетактичность, весьма затруднявшая сношенія съ нимъ, какъ лицамъ ему подчиненнымъ, такъ и его начальникамъ, и предвзятое отрицательное отношеніе ко всѣмъ приказаніямъ, которыя онъ получалъ свыше. Веденіе оборонительнаго боя ген. Вѣтренко зналъ прекрасно, выказывалъ въ немъ много спокойствія и выдержки, отлично маневрировалъ, но въ наступательномъ бою часто не обладалъ достаточною рѣшительностью и быстротою удара; бывали случаи, что исполненіе даже сравнительно простыхъ наступательныхъ задачъ онъ затягивалъ и упускалъ моменты удобные для удара. Въ дѣйствіяхъ же на Петроградъ — главное было въ быстротѣ и рѣшительности. Поэтому я, давъ полную иниціативу дѣйствій генералу Вѣтренко, дабы не нарушать цѣлости управленія дивизіей, рѣшилъ самъ все время находиться въ авангардѣ, чтобы, въ случаѣ малѣйшей нерѣшительности, или какой нибудь заминки, всегда имѣть возможность во время подбодрить и части, и самого начальника дивизіи.

Къ вечеру 10-го октября послѣ короткихъ, но упорныхъ боевъ мы заняли дер. Люботажье и подошли къ дер. Поля, гдѣ уже находился полк. Даниловъ съ Темницкимъ полкомъ, удачно прорвавшійся въ тылъ противника и, благодаря военной хитрости, захватившій цѣликомъ штабъ непріятельской бригады: прорвавшись въ тылъ, онъ переодѣлъ своихъ людей большевиками, что дало имъ возможность подойти къ непріятельскому штабу безъ сопротивленія. По трудности перехода по болотистымъ дорогамъ и даже тропинкамъ и по рѣшительности боевыхъ дѣйствій, движеніе Темницкаго полка нужно отмѣтить какъ примѣръ доблести, выносливости и умѣнія маневрировать. Нужно также отмѣтить и лихія дѣйствія кап. Гершельмана, проведшаго свою конную батарею по совершенно непроходимымъ дорогамъ. Благодаря стремительнымъ дѣйствіямъ этихъ частей, большевики, находившіеся передъ нашимъ фронтомъ, были отрѣзаны отъ своей тыловой дороги, и только изъ за недостаточно рѣшительныхъ дѣйствій Вятскаго и Красногорскаго полковъ имъ удалось спастись, бросившись въ сторону и переправившись черезъ Лугу сѣвернѣе этой дороги.

12-го октября вся дивизія подошла къ Краснымъ Горамъ и послѣ короткаго боя заняла ихъ; если бы Вятскій полкъ,

въ этотъ день бывшій въ авангардѣ, проявилъ больше энергіи, то бой былъ бы еще короче, и мы не были бы вынуждены ночевать въ Красныхъ Горахъ. 13-го утромъ дивизія раздѣлилась на двѣ части: Темницкій полкъ съ батареей двинулся по болотистой мѣстности почти безъ дорогъ прямо на ст. Мшинскую, остальныя же части дивизіи къ ст. Преображенская, причемъ одинъ изъ баталіоновъ Волынскаго полка былъ оставленъ для очищенія тыла отъ разбѣжавшихся и попрятавшихся по лѣсамъ и болотамъ остатковъ разбитыхъ красныхъ полковъ. Послѣ короткаго боя у дер. Ситенки мы подошли къ ст. Преображенской, гдѣ изъ-за темноты и должны были заночевать, тѣмъ болѣе, что люди сильно устали: изъ-за наступившихъ дождей дорога отъ Осминной Горы до Преображенской была ужасна, артиллерія и необходимые обозы передвигались съ большимъ трудомъ и почти все время при помощи людей. На слѣдующій день утромъ мы заняли Преображенскую, и людямъ дано было полъ-дня отдыха.

Донесеній отъ 1-ой дивизіи о занятіи Луги не поступало, и я, безпокоясь за свой правый флангъ, направилъ къ Лугѣ баталіонъ Красногорскаго полка съ двумя орудіями и самъ поѣхалъ туда же вмѣстѣ съ генераломъ Вѣтренко. Красногорцы безъ особаго труда выбили уже разстроенныя предыдущими боями части противника изъ города и заняли его; почти одновременно съ Красногорцами подошла къ Лугѣ и 1-ая дивизія. Отслуживъ благодарственный молебенъ, мы съ ген. Вѣтренко вернулись на ст. Преображенскую для того, чтобы на слѣдующій день съ ранняго утра двинуться форсированнымъ маршемъ на ст. Мшинская и Гатчина. Высланный ранѣе въ обходъ Темницкій полкъ еще до наступленія разсвѣта занялъ съ боемъ ст. Мшинскую, и главныя силы дивизіи, не задерживаясь, двинулись дальше по шоссе и вдоль жел. дороги и заночевали у дер. Сорочкино и Ящера. На слѣдующій день нами были заняты ст. Сиверская и Выра, и авангардъ, послѣ короткихъ и неизмѣнно удачныхъ боевъ, достигъ дер. Сиворицы, гдѣ и заночевалъ. Ночью пришла связь отъ Талабскаго полка и ко мнѣ явился баталіонный командиръ этого полка подполк. Ставскій; отъ него я узналъ, что части 1-го корпуса находились уже за ст. Елизаветино и, слѣдовательно, лѣвый мой флангъ былъ вполнѣ обезпеченъ. Какъ только я узналъ, что вся операція идетъ благополучно и согласно заранѣе выработанному мною плану, и за свой лѣвый флангъ мнѣ безпокоиться нечего, я сейчасъ же приказалъ генералу Вѣтренко выдѣлить одинъ полкъ съ двумя орудіями и направить его со ст. Сиверской по шоссе на Вырицу, Лисино, Тосно. (Прил. № 17).

Черезъ нѣсколько часовъ явилась связь отъ штаба 2-ой дивизіи, и я получилъ болѣе подробныя свѣдѣнія о блестящихъ успѣхахъ, достигнутыхъ корпусомъ гр. Паленъ и донесеніе о томъ, что Ливенская дивизія уже заняла Красное Село. Я немедленно срочно сообщилъ всѣ полученныя дан-

ныя ген. Вѣтренко, находившемуся при главныхъ силахъ 3-ей дивизіи (самъ я былъ въ авангардѣ), подтвердилъ ему ранѣе отданное мною приказаніе, причемъ указалъ, что направить на Тосно надо не полкъ съ двумя орудіями, а бригаду съ батареей, которой выступить возможно скорѣе. (Приложеніе № 18); бригадѣ этой я ставилъ опредѣленное заданіе взорвать мосты на Николаевской желѣзной дорогѣ и испортить полотно такъ, чтобы совершенно прекратить связь между Москвой и Петроградомъ, взорвать всѣ мосты къ югу отъ шоссе Тосно-Сиверская, а, если удастся, то послать партію подрывниковъ для уничтоженія моста у Усть-Тосно. Другимъ частямъ дивизіи я приказалъ съ разсвѣтомъ двинуться на Гатчину, установивъ связь и сообразуясь съ дѣйствіями праваго фланга 2-ой дивизіи.

Еще ранѣе, во время подготовки операціи и въ началѣ ея, на походѣ, въ разговорахъ своихъ съ ген. Вѣтренко, я неоднократно говорилъ ему о необходимости занятія Тосно и приказывалъ ему все для этого подготовить, а потому настоящее мое приказаніе явиться для него сюрпризомъ никакъ не могло. Несмотря на это, приказаніе мое своевременно исполнено не было, и я, находясь въ авангардѣ, напрасно прождалъ нѣсколько часовъ полученія авангарднымъ полкомъ соотвѣтственнаго приказа отъ штаба дивизіи; вмѣсто приказа о наступленіи, ген. Вѣтренко къ часу дня вызвалъ всѣхъ полковыхъ командировъ къ себѣ на совѣщаніе. Тогда я приказалъ головному отряду, не дожидаясь распоряженій изъ штаба дивизіи, двигаться впередъ, а самъ поѣхалъ къ главнымъ силамъ на это совѣщаніе. Тамъ въ присутствіи всѣхъ старшихъ начальниковъ я заявилъ ген. Вѣтренко, что очень удивленъ неисполненіемъ до сихъ поръ моего приказанія и что возлагаю на него отвѣтственность за невыполненіе данной ему задачи. Ген. Вѣтренко завѣрилъ меня, что къ выполненію задачи будетъ приступлено немедленно, и что на Вырицу имъ уже направлена одна рота, задержку же въ исполненіи приказанія объяснилъ чрезмѣрнымъ утомленіемъ людей. Я вновь подтвердивъ ему категорическое требованіе мое занять Тосно; получилъ на это отвѣтъ „Слушаю-съ“, я вновь поѣхалъ къ головному отряду, который, согласно моему приказанію, двинулся и находился уже въ 4—5 верстахъ отъ Гатчины. Здѣсь вышла маленькая задержка изъ-за бронированнаго поѣзда противника, который жестоко обстрѣливалъ шоссе и не давалъ намъ продвигаться. Я приказалъ батареѣ выѣхать на открытую позицію на прямой выстрѣлъ, что и было исполнено. Бронированный поѣздъ былъ отогнанъ, и подъ вечеръ 16-го числа наши части заняли Гатчинскую Красносельскую станцію и двинулись въ самый городъ. Устроенная большевиками засада была уничтожена головной ротой Темницкаго полка, и мы благополучно прошли по шоссе черезъ весь городъ и остановились на ночевку. Самъ я со своей личной сотней занялъ помѣщеніе бывшаго Исполнитель-

наго Комитета. Уже поздно вечеромъ пришло донесеніе, что на Петроградскомъ вокзалѣ окопалось около 2-хъ тысячъ большевиковъ. Я приказалъ немедленно подтянуть части Талабскаго полка 2-ой дивизіи, который уже находился въ Маріенбургѣ, и ликвидировать эту группу, что и было исполнено.

Благодаря быстрымъ и энергичнымъ нашимъ дѣйствіямъ, а въ особенности полковъ Темницкаго, Волынскаго и Талабскаго противникъ бѣжалъ изъ Гатчины совершенно разбитый, оставивъ въ нашихъ рукахъ 5 паровозовъ, около 200 вагоновъ, до 2-хъ тысячъ плѣнныхъ, нѣсколько пулеметовъ и много другой добычи.

17-го октября пріѣхалъ въ Гатчину со своимъ штабомъ гр. Паленъ. Въ присутствіи большого количества радостно настроенныхъ жителей былъ отслуженъ торжественный благодарственный молебенъ.

Отъ Палена я узналъ всѣ подробности блестящихъ дѣйствій 2-ой Ливенской дивизіи. Въ ночь съ 9-го на 10-ое октября Семеновскій и Островскій полки 2-ой дивизіи, неожиданно ударивъ на противника, сбили его и захватили переправы черезъ рѣку Лугу у дер. Сабскъ и Рѣдежа. Образовался прорывъ, въ который былъ немедленно брошенъ вернувшійся изъ 2-го корпуса Конно-Егерскій полкъ; благополучно переправившись черезъ рѣку, онъ двинулся на дер. Устье, Яблоницы, Летошицы и далѣе на ст. Волосово, гдѣ взорвалъ полотно какъ Балтійской желѣзной дороги, такъ и Мшинской вѣтки. Быстрое его продвиженіе навело панику на тылъ противника, чѣмъ сильно облегчило дѣйствія 2-ой дивизіи и дало въ наши руки громадное количество плѣнныхъ и военной добычи. Ливенская дивизія, захвативъ послѣ короткаго боя переправу черезъ р. Лугу у Муравейно, двинулась на Среднее Село, гдѣ большевики попытались оказать отчаянное, но оказавшееся безрезультатнымъ, сопротивленіе; 11-го числа она вышла на ст. Веймарнъ и перешла черезъ Балтійскую желѣзную дорогу. Отдѣльная группа, дѣйствовавшая на нашемъ лѣвомъ флангѣ, подъ прикрытіемъ огня танковъ, безъ особаго труда, завладѣла г. Ямбургъ, захвативъ въ немъ бронированный автомобиль. Успѣхъ нашъ былъ бы еще болѣе блестящимъ и разгромъ противника еще болѣе полнымъ, если бы танки смогли быстро переправиться черезъ рѣку и продолжать оказывать намъ свою поддержку; но, къ сожалѣнію, мостъ у Ямбурга былъ взорванъ, и быстро привести его въ порядокъ не представлялось возможнымъ.

12-го октября на ст. Волосово вышелъ Талабскій полкъ; Конно-Егерскій полкъ двинулся съ боемъ, захватывая непріятельскіе обозы и плѣнныхъ, на Клопицы и обходомъ черезъ Гомонтову, Бѣгуницы и Тешково на Ново-Кемполово и далѣе на сѣверъ на Капорское шоссе. Ливенцы отдѣльной колон-

ной также двинулись на Кемполово, Кипень, Ропшу и далѣе на Красное Село. куда пришли 16-го октября. Конно-Егеря, прикрывая ихъ лѣвый флангъ, вступили въ Красное Село 17-го утромъ. 2-ая дивизія на ст. Волосово повернула прямо на востокъ и вышла въ заслонъ въ сторону Мшинской (установить связь во время столь быстраго движенія не было никакой возможности и она еще не знала, что Мшинская уже занята мною), безъ задержекъ легко опрокидывая противника, двинулась на Гатчину. Противникъ былъ настолько разбитъ и деморализованъ, что знаменитыя Гатчинскія позиціи 2-ая дивизія прошла почти безъ боя.

1-ая дивизія 13-го октября одновременно съ занятіемъ г. Луги заняла ст. Фанъ деръ Флитъ и Серебрянку, 16-го октября, послѣ упорнаго боя д. д. Чеголъ, Крюково и 21-го октября вышла на ст. Оредежъ и Батецкую. 4-ая дивизія, вновь занявъ ст. Струги-Бѣлыя, двинулась вдоль по линіи желѣзной дороги, заняла ст. Плюссу и въ раіонѣ города Луги соединилась съ 1-ой дивизіей. 2-ой корпусъ, несмотря на то, что онъ сильно былъ ослабленъ уходомъ дивизіи кн. Долгорукаго и Печерскаго полка, благополучно держалъ свой фронтъ и удачными маневрами парализовалъ всѣ попытки противника перейти въ наступленіе на этомъ направленіи.

По прибытіи въ Гатчину, я энергично настаивалъ на немедленномъ дальнѣйшемъ наступленіи, но начальники отдѣльныхъ частей заявили, что люди устали настолько, что немедленно двигаться нельзя, и необходимо дать хотя бы кратковременный отдыхъ. Думаю, что большинство начальниковъ, какъ и ген. Вѣтренко, такъ и не исполнившій моего приказанія, полагало, что участь Петрограда уже рѣшена и каждому хотѣлось скорѣе и по возможности первымъ попасть туда, поэтому они и стремились, давъ людямъ небольшую передышку, идти прямо на городъ, мало заботясь объ уничтоженіи оставшихся еще силъ противника и объ обезпеченіи своихъ фланговъ.

На донесеніе ген. Вѣтренко о неисполненіи имъ моего приказанія я отвѣтилъ, что если Тосно не будетъ взято, то я отдамъ его подъ судъ. Тогда онъ приступилъ къ устройству бронированнаго поѣзда, но время было уже упущено и бронированный поѣздъ этотъ дальше ст. Лисино пробиться не смогъ, гдѣ онъ встрѣтилъ болѣе сильный броне-поѣздъ противника. Тѣмъ временемъ въ Тосно съ юга подходили одинъ за другимъ эшелоны съ подкрѣпленіями для большевиковъ. Если бы ген. Вѣтренко исполнилъ мое приказаніе то легко, на плечахъ у разбитаго, въ паникѣ бѣгущаго противника, мы были бы въ Тосно, и вся дальнѣйшая картина была бы совершенно иная: большевики не смогли бы подвозить подкрѣпленія, были бы вынуждены высаживать ихъ, не доѣзжая до Тосно, и двигать по болотнымъ и лѣснымъ дорогамъ, гдѣ задержать ихъ не представляло бы особаго труда, не говоря уже о томъ неизбѣжномъ моральномъ впечатлѣніи, которое

произвелъ бы на красныхъ защитниковъ Петрограда перерывъ Николаевской желѣзной дороги и сообщенія съ Москвой. Благодаря своеволію ген. Вѣтренко была сдѣлана непоправимая ошибка, результаты которой немедленно же начали сказываться и въ концѣ концовъ поставили армію въ безвыходное положеніе: Троцкій, проявившій, надо отдать ему справедливость, колоссальную энергію, не теряя ни одной минуты, началъ подвозить подкрѣпленія, и численное неравенство нашихъ силъ стало возрастать съ каждымъ днемъ. Считаю, что неисполненіе ген. Вѣтренко моего приказанія является тяжелымъ преступленіемъ не только передъ воинской дисциплиной и долгомъ, но и передъ Родиной.

Глава 10-ая.

До занятія Гатчины части арміи дѣйствовали отдѣльными колоннами; благодаря быстрому движенію, большимъ разстояніямъ и слабымъ средствамъ связи, находившимся въ нашемъ распоряженіи, поддерживать связь съ высшими инстанціями, во время доставлять донесенія и получать приказы — не было никакой возможности. Но когда Гатчина была занята, весь 1-ый корпусъ опять соединился, связь была болѣе или менѣе возстановлена и отдѣльныя задачи частей корпуса были закончены. Вмѣстѣ съ этимъ была закончена и моя задача, какъ Начальника Отдѣльной Группы; поэтому я вновь передалъ 3-ю дивизію гр. Паленъ и, переговоривъ съ нимъ, рѣшилъ остаться въ Гатчинѣ и, пользуясь своимъ автомобилемъ, выѣзжать на фронтъ для рѣшенія на мѣстѣ всѣхъ могущихъ встрѣтиться вопросовъ. Должность Помощника Главнокомандующаго вообще не существуетъ, а поэтому никакихъ опредѣленныхъ функцій я выполнять не могъ, но считалъ своимъ долгомъ, пользуясь своей популярностью, содѣйствовать общему дѣлу. Все же неопредѣленность моего положенія не позволила мнѣ болѣе настойчиво требовать отъ начальниковъ немедленнаго дальнѣйшаго движенія на Петроградъ и позволила генералу Вѣтренко не исполнить мои приказанія.

Держать войска подъ Гатчиной не было никакой возможности: необходимо было немедленно двигаться впередъ, использовавъ панику и разстройство въ рядахъ противника, и исправить преступную ошибку ген. Вѣтренко.

18-го утромъ Ливенская дивизія, имѣя на своемъ лѣвомъ флангѣ Конно-Егерскій полкъ, двумя колоннами по шоссе Красное-Лигово продолжала свое наступленіе и заняла д. д. Бол. и Мал. Никкорово. Красные безпрерывно подтягивали

резервы, пустили въ ходъ нѣсколько броне-машинъ и бронепоѣздовъ и упорно отстаивали каждый кусокъ земли. Несмотря на это, 20-го числа Ливенцы дошли до Стрѣльницкой подставы и до предмѣстья Лигова; это были ближайшія къ Петрограду точки, которыхъ мы достигли.

На правомъ флангѣ корпуса послѣ моего энергичнаго требованія было рѣшено перейти въ наступленіе на Царское Село, и для борьбы при этомъ наступленіи съ подвезенными противникомъ бронемашинами требовать изъ Ямбурга танки. Захваченный въ Красномъ Селѣ и Гатчинѣ подвижной составъ и дружная работа желѣзнодорожниковъ по исправленію пути дали возможность подвезти танки, которые и были направлены по Царскосельскому шоссе. Еще до прихода танковъ я поѣхалъ къ командиру Талабскаго полка ген. Пермикину, который занялъ дер. Новый Бугоръ, но, благодаря работѣ непріятельскихъ бронепоѣздовъ, никакъ не могъ взять дер. Онтолово, гдѣ засѣлъ коммунистическій отрядъ имени Троцкаго. Пріѣхавъ въ Новый Бугоръ, я приказалъ шести орудіямъ бывшимъ при Талабскомъ полку, не обращая вниманія на огонь бронепоѣздовъ, перемѣнить позицію и обстрѣлять сосредоточеннымъ огнемъ дер. Онтолово. Когда, лично руководя этимъ боемъ, я замѣтилъ, что противникъ несетъ значительныя потери отъ нашего артиллерійскаго огня, и въ рядахъ его обнаруживается разстройство, то приказалъ выдвинуть два орудія вдоль по шоссе на прямой выстрѣлъ. Большевики не выдержали такого нажима и отошли, а Талабскій полкъ занялъ Онтолово и подошелъ къ Перелѣсину.

Вслѣдствіе затяжки флангового движенія генераломъ Вѣтренко мы въ этотъ день не заняли Царскаго Села. На слѣдующій день я рѣшилъ атаковать Царское Село и Пулково. Вечеромъ я поѣхалъ въ Гатчину въ штабъ корпуса, дабы сговориться объ этомъ наступленіи. На утро, съ разсвѣтомъ, несмотря на сильный огонь бронепоѣздовъ противника, мы начали движеніе и послѣ упорнаго боя заняли Царское Село. Большевики сражались съ большимъ ожесточеніемъ и если бы не присутствіе танковъ, то, можетъ быть, намъ не удалось бы заставить ихъ отойти. Я разсчитывалъ развить успѣхъ занятіемъ въ этотъ день Пулковскихъ высотъ и упрашивалъ англійскаго полковника Карсона, завѣдывавшаго танками, дать для этой операціи хотя бы одинъ танкъ, но онъ категорически отказалъ. Пулковскія высоты — это ключъ къ позиціи передъ Петроградомъ, и если бы онѣ были взяты въ этотъ же день, то сопротивленіе большевиковъ было бы окончательно сломлено и, несмотря на невзятіе Красной Горки, на отсутствіе обѣщанной поддержки со стороны англійскаго флота и эстонцевъ, незанятіе Тосно и на многія другія неблагопріятно сложившіяся для насъ обстоятельства, — обладаніе Пулковскими высотами окончательно закрѣпило бы за нами иниціативу. Но несмотря ни на какіе доводы, пол. Карсонъ отказался дать хотя бы одинъ танкъ. Итти же на хо-

рошо укрѣпленную и технически оборудованную позицію съ сильно утомленными людьми безъ всякихъ техническихъ средствъ, да еще съ малымъ количествомъ патроновъ и снарядовъ — я не могъ, и мысль о немедленномъ занятіи Пулковскихъ высотъ въ лобъ пришлось оставить. Въ концѣ концовъ мнѣ удалось подъ вечеръ уговорить полк. Карсонъ оставить въ распоряженіи ген. Пермикина одинъ танкъ, но не съ англійскими, а съ русскими офицерами.

Во время наступленія 2-ой дивизіи на Царское Село, 3-я дивизія заняла Павловскъ и Царскую Славянку. Я разсчитывалъ немедленно же направить ее на Колпино и на рѣку Неву, дабы лишить большевиковъ возможности подвозить подкрѣпленія и исправить этимъ, насколько возможно, ранѣе допущенную ошибку, но сдѣлать этого уже было нельзя; большевики подвезли тяжелыя орудія и крупные резервы и начинало чувствоваться, что иниціатива ускользаетъ изъ нашихъ рукъ. Если бы Тосно было взято и Николаевская желѣзная дорога была бы перерѣзана тогда, когда я этого требовалъ, то я увѣренъ, что никакія усилія большевиковъ не помогли бы имъ вырвать у насъ иниціативу.

Съ каждымъ днемъ большевики подтягивали все большіе и большіе резервы, и наконецъ, выяснилось, что держать Царское и Павловскъ мы болѣе не въ состояніи. Оставивъ Царское и Павловскъ, мы 25-го октября сдѣлали еще одну попытку перейти въ наступленіе на этомъ направленіи при поддержкѣ танковъ. Наступленіе это сопровождалось нѣкоторымъ успѣхомъ; послѣ упорнаго боя мы заняли д. д. Кискисары, Попово и Катлино, занять Царское не могли и были вынуждены отойти на линію Онтолова. Тогда ген. Юденичъ, пріѣхавъ въ Гатчину, приказалъ перебросить на этотъ фронтъ изъ подъ Луги части 1-ой дивизіи.

Послѣ этой неудачной попытки занять Царское Село, окончательно выяснилось, что иниціатива ускользнула изъ нашихъ рукъ. Большевики эшелонъ за эшелономъ подвозили свѣжія подкрѣпленія съ Карельскаго, Финляндскаго, Латвійскаго и Эстонскаго фронтовъ и высылали на фронтъ всѣхъ курсантовъ и коммунистовъ, находившихся въ Петроградѣ, Твери и Москвѣ; надо отдать справедливость, что войска этихъ двухъ категорій дрались отлично. Тяжелыя орудія большевиковъ съ моря свободно громили нашъ лѣвый флангъ, такъ какъ англійскій флотъ не показывалъ признаковъ своего существованія. Еще болѣе важную роль сыграло то обстоятельство, что въ бояхъ подъ Царскимъ наши части, благодаря плохой работѣ и неналаженности тыла, остались почти безъ патроновъ, снарядовъ и продовольствія; были случаи, когда батареи выѣзжали на позицію, имѣя по три снаряда на орудіе, а люди по два дня не получали хлѣба. Новыя формированія, которыя были задуманы и для которыхъ людского матеріала и матеріала очень хорошаго (было много добровольцевъ изъ мѣстнаго населенія) было много, нельзя было

осуществить изъ-за отсутствія вооруженія и продовольствія. Развалъ нашего тыла не поддавался никакому описанію, отношенія съ эстонцами продолжали быть натянутыми, и помощь намъ они оказывали самую ничтожную, мостъ у Ямбурга, несмотря на то, что я еще послѣ отступленія отъ Пскова приказалъ подготовить весь необходимый для его ремонта матеріалъ на ст. Гостицы, чинился медленно, гражданское управленіе ближайшаго тыла не налаживалось. Все это, конечно, не содѣйствовало увеличенію боеспособности арміи. Силы же большевиковъ увеличивались съ каждымъ днемъ.

Пришедшія въ Гатчину части 1-ой дивизіи были направлены для усиленія лѣваго фланга 2-ой и праваго флангъ 5-ой дивизій въ направленіи на Никулину, и я, переговоривъ съ гр. Паленъ, рѣшилъ вновь попытать счастье и перейти въ наступленіе на Пулково со стороны Никулиной. Я лично поѣхалъ на лѣвый флангъ руководить этой операціей. 1-ая дивизія, перейдя въ наступленіе на Коерово, должна была ударить во флангъ Пулкову, а 2-ая дивизія должна была перейти въ наступленіе своимъ лѣвымъ флангомъ и занять его. Изъ - за слишкомъ большого неравенства силъ операція эта не удалась, и 1-ая дивизія отошла къ Никулиной. 1-ая Эстонская дивизія, вначалѣ дѣйствовавшая весьма вяло, послѣ нашего удачнаго продвиженія впередъ, обложила Красную Горку и болѣе или менѣе прикрывала нашъ лѣвый флангъ, но взять Красную Горку и вообще сдѣлать что - либо существенное не могла изъ - за полнаго отсутствія обѣщанной поддержки со стороны англійскаго флота. Красные броненосцы безпрепятственно обстрѣливали 12-ти дюймовыми снарядами наши позиціи, но, къ счастью, попаданія были очень рѣдки и серьезнаго вреда этотъ обстрѣлъ намъ не принесъ. При наступленіи отъ Гатчины мы встрѣтились съ серьезными техническими средствами противника: его хорошіе броневые поѣзда не боялись огня нашей легкой артиллеріи, а большое количество бронированныхъ автомобилей и орудій, поставленныхъ на грузовики, сильно затрудняло наше продвиженіе. Неоднократно я лично выводилъ наши батареи на открытыя позиціи и артиллеристы прямой наводкой пытались подбить бронепоѣздъ, но ничего изъ этого не выходило. Сильно развитая желѣзнодорожная сѣть давала противнику возможность въ какомъ бы направленіи мы ни повели наступленіе, противупоставить намъ бронированный поѣздъ, котораго мы не имѣли. Лѣвый нашъ флангъ постоянно подвергался фланговымъ ударамъ противника, который безпрепятственно по желѣзной дорогѣ подвозилъ подкрѣпленія къ Петрограду и неоднократно пытался обойти или прорвать нашъ флангъ, что ставило бы всю армію въ безвыходное положеніе. Такимъ образомъ, нашъ блестящій полный порыва ударъ поневолѣ замеръ. Видя, что у Царскаго Села мы больше уже не можемъ продвинуться впередъ, штабъ корпуса перешелъ въ этомъ направленіи къ оборонѣ и главное свое вниманіе

сосредоточилъ на лѣвомъ флангѣ. Было предположено перейти въ наступленіе для очищенія Петергофа и Ораніенбаума, но операцію эту не удалось выполнить, т. к. красные предупредили насъ и заняли дер. Капорскую, захвативъ въ ней два орудія и сильно потрепавъ 1-ый Ливенскій полкъ, причемъ былъ убитъ ружейной пулей Командиръ полка. Образовался прорывъ нашего фронта, и части Ливенской и 2-ой дивизій, заняли фронтъ передъ Гатчиной, а 3-я уперлась правымъ своимъ флангомъ въ ст. Владимірскую. Такимъ образомъ мы заняли фронтъ: ст. Владимірская, Вярля, Новый Бугоръ, Верево, Пегелево, Малкино.

Желая поправить положеніе, Главнокомандующій приказалъ перебросить въ Гатчину Конный Полкъ Булакъ - Балаховича и два полка 4-ой дивизіи. Прибылъ въ Гатчину ген. кн. Долгорукій и предлагалъ, сосредоточивъ свою дивизію взять Тосно; но этотъ самъ по себѣ совершенно правильный планъ, являлся уже запоздавшимъ и по общему состоянію арміи невозможнымъ.

Для ликвидаціи грозившаго катастрофой прорыва на лѣвомъ флангѣ были сняты съ фронта 2-ой дивизіи Талабскій и Семеновскій полки, замѣненные прибывшими полками 4-ой дивизіи, и отправлены подъ общей командой ген. Пермикина на лѣвый флангъ.

Такимъ образомъ, снявъ съ Лужскаго направленія 1-ую дивизію и большую половину 4-ой, Главнокомандованіе наше само открыло большевикамъ полную возможность для нанесенія удара по нашему правому флангу: въ распоряженіи ген. Арсеньева оставалась одна бригада ген. Ижевскаго, а у Луги оперировали всего два полка 4-ой дивизіи подъ командой полк. Григорьева. Конечно такія силы на такомъ большомъ фронтѣ могли вести только наблюденіе и никакому нажиму противника противостоять не могли.

Между тѣмъ большевики послѣ упорнаго боя заняли съ сѣвера Ропшу и Кипень и угрожали перерѣзать желѣзную дорогу Гатчина - Ямбургъ. Ген. Юденичъ находился въ Нарвѣ, всязь со штабомъ корпуса была у него очень слабая и постоянно прерывавшаяся, а между тѣмъ въ 1-мъ корпусѣ сосредоточилась почти вся Сѣверо - Западная армія. Въ планы свои ген. Юденичъ меня по прежнему не находилъ нужнымъ посвящать, да я думаю, что въ штабѣ Главнокомандующаго и не было никакихъ плановъ, т. к. онъ слишкомъ слабо оріентировался въ томъ, что дѣлалось на фронтѣ. Я совѣтовалъ гр. Паленъ не удерживать Гатчины, а, не теряя времени отойти и тѣмъ спасти армію и дать возможность выдѣлить ударныя группы для обороны. Оборона Гатчины связывала армію и не давала ей возможности свободно маневрировать, а я уже говорилъ, что въ гражданской войнѣ залогъ успѣха въ искусныхъ, быстрыхъ и рѣшительныхъ маневрахъ.

За весь этотъ періодъ дѣятельность моя сводилась главнымъ образомъ къ тому, что я, по долгу своей совѣсти, вся-

чески пытался поддерживать настроенiе въ войскахъ. Эта задача болѣе или менѣе мнѣ удавалась, т. к. войска знали меня хорошо и привыкли видѣть всегда на передовой линiи. Но одного хорошаго настроенiя недостаточно, и въ воздухѣ начинало опредѣленно пахнуть катастрофой.

Одновременно съ прiѣздомъ ген: Юденича прiѣхалъ въ Гатчину и Генералъ - Губернаторъ ген. Глазенапъ со штабомъ въ которомъ было болѣе шестидесяти офицеровъ. Колоссальный Штабъ этотъ никакой пользы общему дѣлу не принесъ, а существованiе его подъ такимъ громкимъ и несвоевременнымъ названiемъ („Штабъ Генерала - Губернатора и Командующаго Войсками на театрѣ военныхъ дѣйствiй") было только смѣшно, тѣмъ болѣе, что было совершенно неясно, какими именно войсками долженъ былъ командовать ген. Глазенапъ, т. к. всѣ войска были подчинены командирамъ корпусовъ, а командиры корпусовъ — ранѣе мнѣ, а послѣ назначенiя меня Помощникомъ Главнокомандующаго, — непосредственно Главнокомандующему. Я полагаю, что пресловутый штабъ этотъ принесъ бы гораздо больше пользы, если бы чины его были направлены на пополненiе полковъ, гдѣ нужда въ офицерахъ была острая. Какъ примѣръ того, насколько штабъ Главнокомандующаго не былъ освѣдомленъ о положенiи на фронтѣ, могу привести слѣдующiй фактъ: черезъ нѣсколько дней послѣ взятiя Гатчины, когда уже было видно, что противникъ успѣлъ подвести большiе резервы, иницiатива стала постоянно переходить въ его руки, была получена отъ Главнокомандующаго телеграмма съ приказанiемъ: „Генералу Родзянко съ 3-ей дивизiей взять Петроградъ". При всемъ желанiи точно исполнять приказанiя высшаго начальства, мы съ гр. Паленъ, прочитавъ эту телеграмму, только посмѣялись.

Между тѣмъ положенiе въ Гатчинѣ становилось серьезнымъ. По даннымъ развѣдки и по свѣдѣнiямъ отъ мѣстныхъ жителей большевики, занявъ Кипень, начали распространяться по Ямбургскому шоссе. Для ликвидацiи этого отхода былъ посланъ Конно-Егерскiй полкъ. Забравъ съ собою мою личную сотню, которая была сильно потрепана въ послѣднихъ бояхъ, выбравъ на ст. Кикерино всѣхъ лучшихъ людей изъ запасныхъ полковъ, взявъ воздухоплавательный отрядъ и вызвавъ съ разрѣшенiя Главнокомандующаго, изъ Ямбурга танковый ударный баталiонъ, я двинулся во главѣ этого сборнаго отряда со ст. Кикерино на Кемполово и Кипень, направивъ колонну на Переярово. Прибывъ въ Витино, я засталъ тамъ части Конно-Егерскаго полка и узналъ отъ нихъ, что Дятлицы заняты эстонцами. Кипень была уже занята ген. Пермикинымъ. Соединившись съ нимъ, я на слѣдующiй день, перешелъ въ наступленiе и послѣ упорнаго боя занялъ Ропшу, причемъ танковымъ баталiономъ былъ захваченъ бронированный автомобиль съ пушкой. Далѣе благодаря исключительно удачнымъ дѣйствiемъ ген. Пермикина, нами было

занято Высоцкое, и обходъ нашего лѣваго фланга былъ совершенно ликвидированъ. Долженъ отмѣтить, что въ ликвидаціи этого отхода значительную роль сыграла 1-ая Эстонская дивизія, ударившая во флангъ краснымъ и помѣшавшая ихъ движенію на Волосово.

Передавъ составленный мною отрядъ ген. Пермикину, я поѣхалъ въ Гатчину, гдѣ узналъ, что большевики значительными силами наступаютъ на Лугу. Наши силы въ Лугѣ были весьма незначительны и положеніе становилось критическимъ. Между тѣмъ никакихъ указаній отъ высшаго командованія не поступало и я, переговоривъ съ гр. Паленъ, поѣхалъ къ ген. Юденичу объяснить, что такое положеніе является недопустимымъ.

Въ Ямбургѣ я нашелъ полную неурядицу и неразбериху. Мостъ между прочимъ, все еще не былъ готовъ. Обрисовавъ Главнокомандующему тяжелое положеніе на фронтѣ изъ-за перевѣса силъ у большевиковъ и недостатка у насъ патроновъ, снарядовъ, продовольствія и т. д., я доложилъ ему о необходимости немедленно принять то или иное рѣшеніе и сказалъ, что наиболѣе правильнымъ исходомъ, дающимъ возможность спасти армію, считаю немедленное оставленіе Гатчины и постепенный отходъ, обезпечивъ свой правый флангъ. Рапортомъ на имя Главнокомандующаго я просилъ назначить слѣдствіе по дѣлу о неисполненіи ген. Вѣтренко моихъ боевыхъ приказовъ (Приложеніе № 19). Главнокомандующій согласился, но слѣдствіе такъ и не было назначено, а впослѣдствіи выяснилось, что всѣ мои приказы исчезли изъ дѣлъ Штаба 3-ей дивизіи (Приложеніе № 20). На мой докладъ и предложеніе Главнокомандующій не далъ рѣшительно никакого отвѣта. Понявъ это какъ нежеланіе съ его стороны разговаривать и считаться со мною, я рѣшилъ, что ничего болѣе для арміи сдѣлать не могу и, еще разъ предупредивъ Главнокомандующаго о надвигающейся катастрофѣ, остался впредь до дальнѣйшихъ распоряженій въ Нарвѣ. Въ штабѣ Главнокомандующаго начальникъ штаба ген. Вандамъ и генералъ-квартирмейстеръ ген. Малявинъ разсказали мнѣ, что никакихъ точныхъ указаній и распоряженій отъ ген. Юденича добиться имъ не удается. Въ результатѣ въ штабѣ царили полная растерянность и недоумѣніе. Случайныя, разнорѣчивыя приказанія штаба арміи, не связанныя никакой общей идеей и планомъ, еще ухудшали безвыходное положеніе нашей бѣдной арміи.

А на фронтѣ катастрофа приближалась съ каждой минутой и избѣжать ее уже становилось невозможно. Части полк. Григорьева, подчиненныя непосредственно Главнокомандующему, не получивъ никакихъ приказаній ни отъ него, ни отъ его штаба, оставивъ Лугу, отошли на Мшинскую, а не на Красныя Горы — Осмино, чѣмъ окончательно обнажили правый флангъ арміи, и непріятель, не задумываясь, изъ Луги и со ст. Преображенской принялъ движеніе въ тылъ кор-

пусу гр. Паленъ. Можетъ быть, еще можно было спасти армію, выдѣливъ быстро ударную группу для ликвидаціи прорыва у Луги; но дѣйствовать надо было рѣшительно и энергично, все время сообразуясь съ мѣстными условіями и передвиженіями противника и парируя каждый его маневръ своимъ контръ-маневромъ. Къ сожалѣнію, ген. Юденичъ совершенно не понималъ гражданской войны и ни въ какой мѣрѣ не обладалъ качествомъ, являющимся прямо необходимымъ, для начальника, ее ведущаго, т. е. рѣшительностью и энергіей. Не имѣя никакого общаго плана и не получая никакихъ указаній, части арміи отступали на Ямбургъ, совершенно не представляя себѣ, что онѣ будутъ дѣлать дальше. Къ поспѣшно отступавшимъ войскамъ примкнула масса бѣженцевъ, внесшая въ отступленіе еще большій безпорядокъ. И всетаки наши отступавшія войска продолжали вести бои со значительно превосходящими силами противника, переходовъ на сторону красныхъ почти не замѣчалось, случаи потери обозовъ и пулеметовъ были очень рѣдки.

Вмѣсто того, чтобы отъ Волосово двинуть 4-ую дивизію черезъ р. Лугу во флангъ наступающимъ большевикамъ, какъ предлагалъ я, ген. Юденичъ, совершенно не понимаю почему, предпочелъ и ее и 1-ую дивизію провести черезъ Ямбургъ и Нарву и занять ими позиціи впереди р. Плюссы, что дало возможность большевикамъ безъ всякихъ потерь двигаться въ тылъ нашей арміи. Начальникъ штаба ген. Вандамъ и ген. Малявинъ, не получая никакихъ указаній, совершенно не знали, что имъ дѣлать и что отвѣчать на запросы съ фронта. Тогда фронтовые начальники стали сами пріѣзжать въ Нарву къ ген. Юденичу, надѣясь такимъ способомъ добиться оріентировки и опредѣленныхъ указаній. Но и это не помогло, всѣ приказанія шли вразбродъ, и въ арміи водворился полный хаосъ. Когда же около 7-го ноября обнаружилось наступленіе совѣтскихъ войскъ со стороны Стругъ-Бѣлыхъ и отъ Пскова, — въ штабѣ Главнокомандующаго началась полная неразбериха. 8-го ноября подъ напоромъ превосходныхъ силъ противника ген. Арсеньевъ сдалъ Гдовъ, а 14-го ноября большевики обходомъ заняли Ямбургъ, и Сѣверо-западная армія оказалась прижатой къ рѣкѣ Наровѣ и къ эстонской проволокѣ противъ г. Нарвы. Тѣмъ временемъ измѣнилась погода и сразу наступили морозы, доходившіе до 20°.

Когда положеніе стало болѣе чѣмъ угрожающимъ, ген. Юденичъ пригласилъ меня къ себѣ и просилъ принять командованіе группой, оперировавшей къ югу отъ Нарвы, т. е. 2-мъ корпусомъ и 1-ой дивизіей. Я, конечно, согласился, хотя и отлично понималъ, что исправить положеніе, едва ли представится возможнымъ, о чемъ и доложилъ и немедленно отправился на фронтъ въ Гостицы. Впечатлѣніе отъ фронта было тяжелое: духъ солдатъ сильно упалъ, толпы голодныхъ, полузамерзшихъ бѣженцевъ наполняли всѣ лѣса между фрон-

томъ и эстонской проволокой, цѣлые стада стояли безъ фуража. Подробно ознакомившись съ обстановкой на мѣстѣ, я приказалъ 4-ой дивизіи перейти въ наступленіе въ направленіи на Выскотку — Кураплѣшево, а 1-ой дивизіи на Бол. и Мал. Рожки и погостъ Рудной. Отдѣльной бригадѣ ген. Ижевскаго я приказалъ занимать прибрежную полосу Чудского озера. Находившіяся противъ насъ силы противника были во столько разъ многочисленнѣе и лучше насъ снабжены техническими средствами, а наши части настолько устали, что эта послѣдняя попытка перейти въ наступленіе не дала никакихъ результатовъ; ни 1-ая ни 4-ая дивизіи не смогли продвинуться. Убѣдившись, что дальнѣйшая борьба невозможна и что армію ждетъ неминуемая гибель, я поѣхалъ въ Нарву въ штабъ просить, чтобы было что либо предпринято для спасенія арміи и несчастныхъ бѣженцевъ. Отношеніе къ намъ эстонцевъ, предвидѣвшихъ близкій конецъ Сѣверо-Западной арміи, стало прямо невозможнымъ: они грабили наши обозы, грабили бѣженцевъ, не пропускали никого черезъ проволоку на лѣвый берегъ Наровы и т. д.

Я долго уговаривалъ и просилъ ген. Юденича ѣхать въ Ревель для того, чтобы предпринять хоть что нибудь для спасенія арміи. Переговоры эстонцевъ съ большевиками вновь возобновились въ Юрьевѣ и это не предвѣщало для насъ ничего хорошаго. Благодаря моимъ настояніямъ, Главнокомандующимъ были посланы генералу Лайдонеру двѣ телеграммы (Приложеніе №№ 21 и 22). Наконецъ Главнокомандующій послалъ меня къ ген. Лайдонеру устроить отходъ арміи за р. Нарову. Во время моего пребыванія въ Ревелѣ я получилъ двѣ телеграммы отъ Командировъ корпусовъ для передачи ген, Лайдонеру (Приложеніе №№ 23 и 24). Пришлось долго говорить и съ ген. Лайденоромъ и съ Эстонскимъ Правительствомъ, но всѣ разговоры ни къ чему не привели. Генералъ Лайдонеръ сказалъ, что теперь все зависитъ не отъ него, а отъ Правительства; и онъ при всемъ желаніи ничего не можетъ сдѣлать. Правительство же не спѣшило съ отвѣтомъ. Такъ не получивъ никакого опредѣленнаго отвѣта, я и вернулся въ Нарву. Представители Антанты въ Ревелѣ въ этотъ періодъ мало чѣмъ, или, вѣрнѣе ничѣмъ намъ не помогали.

Сѣверо-Западная армія, отдавъ Ямбургъ, еще сражалась, но участь ея уже была рѣшена, и это были ея послѣдніе дни.

Вернувшись изъ Ревеля, мнѣ, наконецъ, удалось уговорить поѣхать туда ген. Юденича: положеніе людей на фронтѣ было ужасно, и надо было, пойдя на какой угодно компромисъ, хоть что нибудь предпринять.

1-ая дивизія отошла черезъ Скарятину Гору и была разоружена эстонцами; части 4-ой дивизіи, припертые къ Кріушамъ, были въ безвыходномъ положеніи; Ливенская дивизія отчаянно защищалась около Низовъ и Усть Жердянки; 2-ая и 3-ья дивизіи вели бои въ болотахъ и лѣсахъ противъ

Нарвы. Хлѣба не было; готовить горячую пищу людямъ было негдѣ; ѣли болтушку; вообще невозможно описать весь ужасъ того положенія, въ которое попала Сѣверо-Западная армія. Безчеловѣчное отношеніе эстонцевъ переходило всѣ границы. Начальникъ 1-ой Эстонской дивизіи ген. Теннисонъ, съ которымъ раньше у меня были самыя хорошія отношенія, позволялъ себѣ опредѣленныя издѣвательства: на вопросъ, какъ и гдѣ обогрѣть людей, онъ отвѣтилъ „стройте землянки", когда не было ни топоровъ, ни лопатъ, стоялъ морозъ около 20°, а въ Нарвѣ можно было найти кое-какія помѣщенія. И все таки наши полки продолжали вести упорные, почти безпрерывные бои со свѣжими, подвезенными изъ тыла, во много разъ превосходившими насъ силами противника.

Когда ген. Юденичъ уѣхалъ въ Ревель, онъ передалъ временное Командованіе арміей мнѣ. Я старался убѣдить ген. Теннисона, сдѣлать для нашихъ солдатъ хоть что нибудь и кое чего въ этомъ направленіи достигъ. Послѣ совѣщанія нашихъ старшихъ начальниковъ съ ген. Теннисонъ и съ представителями Антанты было рѣшено дать частямъ 2-ой и 3-ей дивизіи обогрѣться въ Нарвѣ. 5-ая дивизія нашла кой-какія помѣщенія у Усть Жердянки и Низовъ. Тѣмъ частямъ 4-ой дивизіи, которыя не находились на фронтѣ, было разрѣшено отойти въ раіонъ южнѣе Вайвары.

Объ ужасномъ положеніи нашихъ частей я послалъ телеграмму Главнокомандующему и ген. Лайдонеру, на что получилъ дикій отвѣтъ отъ ген. Юденича (Приложеніе № 25). Такой отвѣтъ былъ болѣе чѣмъ страннымъ, т. к. обстановка требовала срочныхъ рѣшеній, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя наши части, переходя согласно условію за р. Нарову, поступали въ распоряженіе эстонскаго командованія. По возвращеніи ген. Юденича, я доложилъ ему, что за его отсутствіе было много сдѣлано для арміи и просилъ его избавить меня отъ громкаго названія Помощника Главнокомандующаго, т. к. надобности въ таковой должности совершенно не представлялось; я просилъ его дать мнѣ въ командованіе все, что онъ найдетъ возможнымъ, хотя бы роту. На это Главнокомандующій сказалъ: „Я васъ посылаю въ Лондонъ". Я спросилъ: „Когда прикажете ѣхать" отвѣтъ былъ „возможно скорѣй:" Я сказалъ „Слушаю-сь" и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ въ Ревель; надѣясь, что, попавъ въ Лондонъ, смогу тамъ добиться помощи для нашей арміи (Приложеніе № 26).

На слѣдующій же день Командующимъ арміей былъ назначенъ недавно прибывшій на нашъ фронтъ и пока фигурировавшій въ должности генералъ губернатора ген. Глазенапъ. Было очевидно, что посылка моя въ Лондонъ была вызвана не необходимостью, а только желаніемъ отъ меня избавиться. Съ тяжелымъ сердцемъ покидалъ я Нарву и дорогую мнѣ Сѣверо-Западную армію и искренно жалѣлъ, что мнѣ не удастся до конца раздѣлить съ ней тяжелую

участь, ее постигшую. Вскорѣ дѣйствительно оказалось, какъ я и предполагалъ, что посылка моя въ Лондонъ была только предлогомъ для удаленія меня изъ арміи, и ген. Юденичъ, продержавъ меня цѣлый мѣсяцъ въ Ревелѣ, откомандировалъ меня въ армію адм. Колчака или же ген. Деникина, въ зависимости отъ того, куда я устроюсь и пожелаю ѣхать. Въ первыхъ числахъ января я выѣхалъ черезъ Гельсингфорсъ въ Стокгольмъ, гдѣ узналъ, что Адмиралъ Колчакъ погибъ, а армія Деникина быстро отступаетъ и, повидимому, скоро перестанетъ существовать.

Передъ отъѣздомъ изъ Ревеля, я написалъ ген. гр. Паленъ письмо, какъ старшему изъ начальниковъ, въ которомъ объяснилъ, что я уѣзжаю не по собственному желанію, а по приказанію Главнокомандующаго и что въ случаѣ нужды я согласенъ командовать хотя бы ротой и раздѣлить участь Сѣверо-Западной арміи до конца.

Тѣмъ временемъ въ Юрьевѣ продолжались переговоры, между большевиками и эстонцами, которые очевидно должны были закончиться перемиріемъ.

Части Сѣверо-Западной арміи продолжали доблестно отражать всѣ атаки красныхъ, пытавшихся овладѣть Нарвой, и даже, перейдя въ частичное наступленіе, Талабскій полкъ, уже лишенный своего лихого командира ген. Пермикина, удаленнаго въ Гельсингфорсъ, захватилъ 4 непріятельскихъ орудія. Но это была „лебединая пѣснь" Сѣверо-Западной арміи. Черезъ нѣсколько дней перемиріе было заключено, и армія должна была подвергнуться позорному разоруженію. Отъ голода и холода въ арміи, развился тифъ и унесъ много жертвъ изъ рядовъ достойныхъ борцовъ за русское дѣло. И всетаки переходъ къ большевикамъ начался только тогда, когда припертая съ одной стороны противникомъ, съ другой эстонцами, армія дѣйствительно не знала куда ей дѣваться. Уходя къ краснымъ, многіе солдаты оставляли записки, съ просьбой не думать, что они сдѣлались большевиками и съ объясненіемъ, что они уходятъ только для того, чтобы отомстить эстонцамъ,. Вообще противъ эстонцевъ солдаты были чрезвычайно озлоблены.

Заключеніе.

Закончивъ воспоминанія свои о Сѣверо - Западной арміи, не могу не сказать хотя бы нѣсколько словъ о причинахъ, приведшихъ эту малую, но геройскую армію къ гибели и навлекшихъ на нее несправедливыя нареканія враговъ, а часто и совершенно доброжелательныхъ, но плохо и неправильно освѣдомленныхъ людей.

Главнѣйшія причины эти слѣдующія: 1) отношеніе глубокаго тыла и Парижскаго Совѣщанія къ нашей арміи, слабость Сѣверо - Западнаго правительства въ сравненіи съ Совѣтской властью, разрозненность русскихъ общественныхъ силъ и увлеченіе ихъ партійностью, что еще болѣе ослабляло армію и ея и безъ того слабый тылъ; 2) недружелюбное отношеніе къ намъ эстонцевъ, 3) отсутствіе настоящей поддержки со стороны представителей Англіи и 4) допущенныя высшимъ командованіемъ крупныя стратегическія ошибки.

Попробую болѣе подробно освѣтить эти причины.

1. Парижское Совѣщаніе, въ рукахъ котораго, казалось, находились тогда всѣ нити спасенія родины, совершенно не знало исторіи возникновенія и обстановки дѣятельности Сѣверо - Западной арміи, которая формировалась и вела борьбу подъ знаменемъ „Противъ большевиковъ и за Учредительное Собраніе“. Какъ я уже говорилъ выше, пріѣздъ штаба Главнокомандующаго въ Нарву не оправдалъ надеждъ арміи: штабъ этотъ не пожелалъ ознакомиться съ нуждами фронта, а тылъ арміи, какъ былъ до пріѣзда его не налаженъ, изъ за полной невозможности найти подходящихъ работниковъ, такъ и остался неналаженнымъ. Что такое представляло собой Парижское Совѣщаніе, каковы были его цѣли и задачи, какіе пути намѣчало оно для спасенія родины — ни мнѣ, ни арміи совершенно не было извѣстно. Не имѣя ни копѣйки денегъ, мы не могли даже послать въ Парижъ курьера для связи. Штабъ генерала Юденича, до іюля мѣсяца находившійся въ Гельсингфорсѣ, свѣдѣнія давалъ намъ самыя скудныя. Не улучшилось наше положеніе и послѣ переѣзда его на южный берегъ Финскаго залива, и мы, по прежнему продолжали находиться въ полномъ невѣдѣніи того, что дѣлалось въ Европѣ. Единственное, что мы знали, было то, что

лозунгъ „Великая, Единая, Недѣлимая“ окончательно отшатнулъ отъ насъ эстонцевъ, на которыхъ мы волей неволей должны были опираться, и лишилъ этимъ армію твердой базы. Политическое Совѣщаніе при генералѣ Юденичѣ, подобно его штабу, тоже не пожелало ознакомиться съ положеніемъ арміи и совершенно игнорировало командующаго этой арміей. Что касается общественныхъ дѣятелей, то они, старались играть крупныя роли, пытались дать понять, что они являются создателями и вдохновителями арміи, перебивали другъ у друга министерскіе портфели (я уже говорилъ о томъ, какъ присяжный повѣренный Ивановъ просилъ меня поддержать его кандидатуру на постъ премьеръ - министра) и только вносили рознь въ армію. Въ несчастьи, случившемся съ Сѣверо - Западной арміей, мы, русскіе, должны прежде всего обвинить самихъ себя: вмѣсто того, чтобы дружно сплотиться для борьбы съ большевизмомъ, представители интеллигенціи и буржуазіи, способные работать и приносить пользу, разбились на группы и занялись партійными спорами, желая возстановить родину именно по своей программѣ, и тѣмъ только ослабляя общія, необходимыя для борьбы, силы. Совершенно необъяснимо было нежеланіе главнокомандующаго и его штаба допустить въ армію нѣкоторыхъ офицеровъ, желавшихъ работать для освобожденія родины, при чемъ, какъ мотивъ выдвигалось обвиненіе ихъ въ нѣмецкой оріентаціи, а это лишало армію весьма цѣннаго элемента. Большинство бѣжавшихъ изъ подъ большевистскаго ига думали только объ устройствѣ своего личнаго благосостоянія и яростными партійными выступленіями за границей думали оправдать свое нежеланіе принять участіе въ непосредственной борьбѣ съ большевиками, охотно предоставляя эту честь горсти смѣлыхъ и дѣйствительно любящихъ свою родину людей. Партійные споры результатовъ никакихъ не дали, а честныхъ борцовъ на фронтѣ погибло изъ за нихъ не мало. Читающему эти строки я поставлю одинъ вопросъ: что важнѣе родина или партія?

2. Отношеніе къ арміи эстонцевъ. Меморандумъ эстонскаго правительства Верховному Совѣту отъ 16-го декабря 1919 года (приложеніе № 27) не нуждается въ комментаріяхъ и служитъ лучшимъ матеріаломъ для оцѣнки отношенія эстонцевъ къ нашей арміи. Каждому бывшему въ Сѣверо-Западной арміи и видѣвшему освобожденіе Эстоніи отъ большевиковъ достаточно прочесть его, чтобы убѣдиться насколько изложеніе фактовъ въ этомъ меморандумѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Я уже говорилъ о стремленіи эстонцевъ создать рознь въ рядахъ Сѣверо-Западной арміи. У Сѣвернаго корпуса, участвовавшаго въ освобожденіи Эстоніи отъ большевиковъ и имѣвшаго, какъ и впослѣдствіи Сѣверо - Западная армія, единственную цѣль — борьбу съ большевизмомъ, не было абсолютно никакихъ агрессивныхъ намѣреній, по отношенію къ Эстоніи. Лучшіе представители

эстонскаго народа, какъ напримѣръ Главнокомандующій генералъ Лайдонеръ, знали это, цѣнили наше отношеніе къ ихъ странѣ и охотно поддерживали Сѣверо-Западную армію въ ея тяжелой борьбѣ; но часть эстонскаго народа, его правительство и пресса, несмотря на полную лояльность арміи и всѣ мои завѣренія, упорно относились къ намъ съ недовѣріемъ, видя въ усиленіи нашей арміи угрозу самостоятельности Эстоніи. Надо отдать справедливость большевикамъ, что пропаганда ихъ въ Эстоніи была поставлена хорошо; большевистскія тенденціи и въ рабочихъ и въ арміи не ослабѣвали и, само собой разумѣется, большевистски настроенные элементы являлись злѣйшими нашими врагами. Зависимость наша отъ нихъ была велика, такъ какъ тылъ нашъ былъ въ Эстоніи, что и дало возможность недовѣрчиво къ намъ относившимся элементамъ создать на нашемъ лѣвомъ флангѣ ингерманландскій вопросъ, на правомъ — Балаховича съ его партизанами и сепаратистскими стремленіями, а въ тылу—успѣхъ и политическое значеніе присяжнаго повѣреннаго Иванова и компаніи (приложеніе № 28). О вредѣ, принесенномъ арміи этими явленіями, и о мѣрахъ борьбы, которыя я вынужденъ былъ принимать противъ нихъ, я уже говорилъ подробно выше. Говорилъ я и о томъ, что особенно возросло недовѣріе къ намъ эстонцевъ послѣ неудачнаго прилета на аэропланѣ сенатора Нейдгардта и послѣ еще болѣе неудачнаго выступленія Бермонта. О томъ, какой вредъ принесло бѣлому дѣлу поведеніе эстонскихъ частей, работавшихъ вмѣстѣ съ Балаховичемъ у Пскова, я тоже уже говорилъ подробно. Конечно, если бы эстонскій народъ и его правительство оцѣнили услугу, оказанную Эстоніи Сѣверо-Западной арміей, и поняли необходимость общей дружной борьбы съ большевиками — вся исторія наступленія на Петроградъ была бы другая, особенно при условіи выступленія Финляндіи. Характерна та быстрота, съ которой Эстонская армія перемѣнила свое отношеніе къ намъ, какъ только начала сказываться наша неудача: тѣ же полки, которые только что сражались бокъ о бокъ съ нами подъ Красной Горкой, стали грабить наши обозы и разоружать отходящія части. Что же касается моихъ личныхъ отношеній съ генераломъ Лайдонеромъ, то они всегда были самыя лучшія, и назначеніе мое было сдѣлано имъ, какъ Главнокомандующимъ, при чемъ онъ опредѣленно мнѣ говорилъ, что довѣряетъ арміи въ моемъ лицѣ въ томъ, что она ничего не предприметъ противъ Эстоніи. Поддержка ингерманландцевъ адмираломъ Питка, стремленіе нѣкоторыхъ членовъ эстонскаго правительства создать изъ Ингерманландіи буферное государство между Эстоніей и Россіей, снятіе, по приказанію эстонскаго командованія, андреевскаго флага съ Чудской флотиліи, перешедшей на нашу сторону, и избіеніе въ тылу нашихъ офицеровъ и солдатъ эстонскими солдатами, произвело самое грустное впечатлѣніе на армію. Весьма возможно, что вслѣдствіе этого

нѣкоторые герои тыла въ частныхъ разговорахъ грозили, что Сѣверо-Западная армія, послѣ взятія Петрограда, повернетъ штыки противъ Эстоніи, но командованіе этого не только никогда не говорило, но и не думало.

3. Отношеніе представителей Англіи. Послѣ удачнаго расширенія въ маѣ мѣсяцѣ плацдарма Сѣвернаго корпуса, мнѣ впервые пришлось познакомиться съ различными иностранными миссіями, которыя въ большомъ количествѣ начали прибывать на нашъ фронтъ, желая ознакомиться съ общимъ положеніемъ. Я старался поддерживать съ ними наилучшія отношенія и полнѣе посвящать ихъ въ наше положеніе и нужды. Повидимому, миссіи эти нашли положеніе корпуса настолько упрочившимся, что сочли возможнымъ оказаніе ему фактической помощи. Какъ разъ въ то время, когда эстонцы перестали выдавать намъ всѣ виды довольствія, прибыли къ намъ два американскихъ представителя, и послѣ переговоровъ съ нами заявили, что американское продовольствіе для арміи прибудетъ такого то числа; обѣщаніе это было выполнено съ поразительной точностью. Точно такъ же обѣщали свою помощь и англійскіе представители и даже назначили числа прихода параходовъ, но, къ сожалѣнію, ни одно изъ ихъ обѣщаній не было выполнено въ указанный срокъ. Только послѣ сдачи Ямбурга, въ началѣ августа, т. е. съ опозданіемъ почти на два мѣсяца, прибылъ первый пароходъ, при чемъ прибывшіе танки оказались не въ порядкѣ, огромное количество орудій пришло безъ замковъ, комплекты обмундированія неполныя и разрозненные. Еще въ маѣ, при первомъ расширеніи плацдарма, нежеланіе англійскаго флота вступить въ связь съ арміей сыграло пагубную роль. Покажись только англійская эскадра, когда Красная Горка была въ нашихъ рукахъ и три форта Кронштадта и часть большевистскаго флота готовились къ сдачѣ, — участь Кронштадта была бы рѣшена тогда же. 15-го сентября англичане потребовали перехода въ наступленіе, обѣщая, что одновременно съ нами перейдутъ въ наступленіе и арміи вновь образованныхъ республикъ; на самомъ же дѣлѣ, когда мы въ южномъ секторѣ, въ раіонѣ Гдова, отбросили большевиковъ за рѣку Желчу, — никто не двинулся съ мѣста. При второмъ наступленіи нашемъ я также никакъ не могъ добиться связи съ англійскимъ флотомъ, несмотря на всѣ старанія мои и полковника англійской службы Шербрука. Флотъ этотъ никакихъ серьезныхъ дѣйствій противъ Кронштадта не предпринималъ, несмотря на опредѣленныя обѣщанія. Отказъ полковника Карсонъ пустить на Пулковскія высоты танки, находившіеся всего въ пяти верстахъ отъ этихъ позицій, лишилъ насъ возможности занять ихъ и имѣлъ для арміи самыя печальныя послѣдствія. Письмо генерала Гофа къ генералу Юденичу произвело на армію самое тяжелое впечатлѣніе и окончательно подорвало въ ней авторитетъ представителей Англіи (прил. № 29). Поспѣшное созданіе генераломъ

Марчемъ Сѣверо-Западнаго правительства, не имѣвшаго территоріи, произвело своеобразное впечатлѣніе. Отношеніе же къ намъ представителей Англіи при отходѣ арміи къ предѣламъ Эстоніи имѣло для нея пагубныя послѣдствія: энергичное ихъ требованіе, обращенное къ эстонцамъ, дало бы арміи возможность выйти изъ создавшагося положенія для продолженія борьбы или же для спокойнаго разоруженія. Не могу не добавить, что личныя мои отношенія со многими англійскими офицерами были хорошія и сердечныя.

4. Допущенныя стратегическія ошибки. Сѣверный корпусъ перешелъ 13-го мая въ наступленіе отнюдь не задаваясь цѣлью занять Петроградъ, а лишь желая расширить плацдармъ для будущихъ формированій. Эту задачу онъ выполнилъ блестяще и отошелъ 3-го августа за р. Лугу, увеличившись во много разъ. Послѣ уничтоженія партизанщины и сведенія арміи въ регулярные полки Сѣверо-Западная армія представляла грозную по своей беззавѣтной храбрости и сплоченности силу, что и доказало при наступленіи своемъ на Петроградъ, вопреки мнѣнію генерала Гофа и совѣщанія при генералѣ Юденичѣ. Первая стратегическая ошибка — это наступленіе по кратчайшему направленію: при приближеніи къ Петрограду армія встрѣтилась съ колоссальными техническими силами большевиковъ (бронепоѣздами, подвижными батареями, тяжелой артиллеріей и т. д-), которыми противникъ легко могъ пользоваться, имѣя у себя въ тылу хорошо развитый желѣзно-дорожный узелъ. Большою ошибкой Главнокомандующаго было то, что онъ не пожелалъ перевести армію въ Псковъ, пока онъ былъ еще въ нашихъ рукахъ, и сосредоточивъ ее, дѣйствовать на Новгородъ — Чудово и далѣе на Ладожское озеро. Кромѣ того, что Псковъ и Новгородъ для каждаго русскаго имѣютъ особое историческое значеніе, наши стратегическія преимущества были бы огромны, а населеніе Псковской и Новгородской губерній, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, питало къ намъ большія симпатіи и навѣрное принесло бы арміи больше пользы, чѣмъ рабочіе и потерявшіе человѣческій обликъ интеллигенты Петрограда. Конечно, въ Псковѣ нужно было организовать твердый и прислушивающійся къ нуждамъ арміи тылъ. Разработанный мною, согласно приказанію Главнокомандующаго, планъ наступленія на Петроградъ по кратчайшему направленію былъ арміей выполненъ въ точности, и всѣ чины ея работали напряженно и самоотверженно, но по занятіи Гатчины Главнокомандующій, оставшійся въ Нарвѣ, выпустилъ управленіе изъ своихъ рукъ изъ за плохой связи; желаніе же отдѣльныхъ генераловъ возможно скорѣе достичь Петрограда привело къ тому, что почти вся армія была сосредоточена въ раіонѣ Гатчины, и правый флангъ ея оказался оголеннымъ, что позволило большевикамъ почти безпрепятственно вывалиться ей въ тылъ. Генералъ Вѣтренко неисполненіемъ приказанія о занятіи Тосно нанесъ всей арміи стратегическое по-

раженіе. Когда же арміи пришлось отступать, главнокомандованіе совершенно потеряло голову, тѣмъ болѣе, что письменнаго договора съ эстонцами, который могъ бы гарантировать ей спокойный отходъ, не существовало. Договоръ этотъ былъ заключенъ генераломъ Нефъ и истекъ въ маѣ 1919 г. (прил. № 6). Я съ генераломъ и подполковникомъ Крузенштіернами подготовилъ къ подписи новый договоръ, которымъ устанавливалось соглашеніе съ эстонцами, но генералъ Юденичъ по причинамъ для меня не яснымъ, отказался отъ его подписанія. Генералъ Юденичъ, повидимому, совершенно не сознавалъ, что армія гибнетъ и думалъ, что назначеніемъ неизвѣстнаго ей и неспособнаго къ этой роли генерала Глазенапа можно спасти положеніе. Генералъ Глазенапъ принялъ на себя непосильную задачу, что объясняется его честолюбіемъ и желаніемъ быть командующимъ арміей. Многія части стойко держались до послѣдней минуты и были брошены неожиданно уѣхавшими Главнокомандующимъ и новымъ командующимъ на произволъ судьбы.

Огромная отвѣтственность за гибель арміи лежитъ на самомъ генералѣ Юденичѣ, человѣкѣ безвольнымъ и упрямомъ, которому были совершенно чужды стремленія и желанія борцовъ за правое дѣло. Этотъ дряхлый старикъ не имѣлъ права брать на себя столь отвѣтственную роль; большими преступниками передъ погибшими борцами являются тѣ русскіе общественные дѣятели, которые выдвинули эту мумію на столь отвѣтственный постъ.

Сѣверо-Западная армія печально кончила свое существованіе, но работала она доблестно, преслѣдуя одну лишь цѣль — избавить Россію отъ ига большевиковъ и довести народъ до порядка и законной власти. Она доказала всѣмъ, безпристрастно глядящимъ на дѣло, что небольшая кучка людей, работая дружно, способна проявить безграничную доблесть для спасенія родины и можетъ увлечь за собой много другихъ. Сѣверо-Западная армія привлекла къ себѣ вниманіе всего міра: казалось вотъ-вотъ еще одно послѣднее усиліе, и она достигнетъ цѣли и освободитъ дорогую родину; но „высшія“ политическія соображенія, чуждыя интересамъ русскаго народа, чуждыя гуманности и справедливости помѣшали ей закончить начатое дѣло. Многимъ честнымъ борцамъ пришлось погибнуть, разсыпаться по чужеземнымъ странамъ и продолжать нести лишенія и обиды. Неизвѣстно еще во что выльется будущее нашей родины, но когда-нибудь настанетъ время, когда всѣмъ честнымъ людямъ вновь придется соединиться для работы во имя ея блага.

Май 1920 годъ. Берлинъ.

См. Карту Генеральнаго Штаба. Масштабъ 10 верстъ.

Приложенiе № 1.

Riga den 20 November 1918.

Herr Oberst Rodsjanko ist als einheimischer Komander der aus Nationalitaeten bestehenden Schutztruppe der Stadt Riga vom. A. O. K. 8. bestaetigt worden.

Von seiten des A. O. K. 8. beauftragt mit Bildung der Baltischen Landeswehr
(Unterschrift)

Переводъ.

Рига, 20 Ноября 1918 г.

Полковникъ Родзянко назначенъ командиромъ образованныхъ въ городѣ Риги стрѣлковыхъ батальоновъ, что А. О. К. 8 симъ удостовѣряетъ.

Завѣдующiй по уполномочiю А. о. К. 8. образованiемъ Балтiйскаго ополченiя.
(Подпись).

Начальникъ Штаба
Отд. Особ. Добр. Корпуса
по управленiю
ОБЕРЪ - КВАРТИРМЕЙСТЕРА
23 ноября 1918 г.
№ 317
г. Псковъ.

Приложенiе № 2.

Генералъ - Маiору РОДЗЯНКО.

Предписываю Вамъ отправиться въ командировку для связи съ войсками Державъ Согласiя.

Вр. Командующiй отдѣльнымъ Псковскимъ Добровольческимъ Корпусомъ
Полковникъ Нефъ.

Вр. и. д. Начальника Штаба Корпуса
Ротмистръ фонъ Розенбергъ.

Начальникъ Штаба
Отд. Пск. Добр. Корпуса
по управленію
ОБЕРЪ - КВАРТИРМЕЙСТЕРА
23 ноября 1918 г.
№ 318
г. Псковъ.

Приложеніе № 3.

Генералу - Маіору РОДЗЯНКО.

Съ полученіемъ сего предписываю Вамъ отправиться въ гор. Ригу для объединенія формирующихся тамъ Національныхъ Стрѣлковыхъ баталіоновъ.

Вр. Командующій Отдѣльнымъ Псковскимъ Добровольческимъ Корпусомъ
Полковникъ Нефъ.

Вр. и. д. Начальника Штаба Корпуса
Ротмистръ фонъ Розенбергъ.

Приложеніе № 4.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Предъявитель сего Генералъ - Маіоръ Родзянко дѣйствительно назначенъ Командующимъ Арміей замѣстителемъ въ гор. Ригѣ для организаціи эвакуаціи всѣхъ частей Сѣверной Арміи и имѣетъ право свободнаго прожитія въ гор. Ригѣ, что подписью съ приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

4 декабря 1918 г.

№ 692.

Вр. И. д. Начальника Штаба
ротмистръ фонъ Розенбергъ.

За старшаго Адьютанта
Капитанъ Гершельманъ.

М. П.

Мой Письменный докладъ Адмиралу Синклеру о положеніи въ Прибалтикѣ.

Русская Сѣверная Армія была сформирована въ концѣ сентября 1918 г. и состоитъ подъ высшимъ командованіемъ ген. Деникина, находящагося на югѣ. Связь между этой и арміей южной все время поддерживалась и армія состоитъ въ контактѣ съ политическими организаціями, представляемыми генераломъ Юденичемъ.

Поводомъ къ созданію русскихъ военныхъ силъ на сѣверѣ послужилъ одинъ изъ пунктовъ Брестъ - Литовскаго договора, по которому германцы должны были эвакуировать районъ Пскова, охрану порядка въ которомъ нѣмцы хотѣли передать русской арміи. Для русскихъ подъ скромной задачей слѣдить за порядкомъ въ эвакуируемомъ районѣ и охранять его отъ большевистскихъ бандъ, скрывалась болѣе широкая общая цѣль — установить въ Россіи государственный порядокъ. Маленькой кучкѣ русскихъ военныхъ, состоявшей преимущественно изъ офицеровъ, предстояло вырасти и превратиться въ Сѣверную Армію, цѣль которой — взятіе Петрограда.

Формированіе арміи происходило при очень тяжелыхъ условіяхъ. Средства и вооруженіе, обѣщанныя нѣмцами, были даны ими лишь въ очень небольшомъ количествѣ. Напримѣръ нѣмцы обѣщали дать 150 мил. марокъ, а дали до сихъ поръ лишь немного болѣе 3 мил. Они обѣщали дать 50.000 винтовокъ, а дали — лишь 8.000, изъ которыхъ 3/4 оказались негодными. Они обѣщали 26 легкихъ и 26 тяжелыхъ орудій, а дали лишь 6 легкихъ и 24 тяжелыхъ, которыя до того стары и испорчены, что оказались никуда негодными.

Они не дали арміи никакой власти въ Псковѣ, какъ военной, такъ и гражданской, и не согласились на мобилизацію.

Неудачна была сама идея Германскаго командованія выбрать Псковъ мѣстомъ формированія новой арміи. Русскіе офицеры указывали на опасность формированія этой арміи въ такой непосредственной близости къ большевикамъ.

Между тѣмъ политическія событія въ Германіи имѣли гибельное вліяніе на ея войска. Солдаты начали своевольно оставлять позиціи и возвращатся домой. Большевики использовали этотъ моментъ и сконцентрировали большія силы въ районѣ Торошино-Карамышево - Себежъ и начали 25 ноября наступленіе на Псковъ. Нѣмецкія войска, которыя должны были держать лѣвый флангъ и сохранить порядокъ въ городѣ, начали отступать по направленію къ Изборску, не сражаясь и даже не извѣстивъ объ этомъ русскихъ. Добровольческій корпусъ въ Псковѣ, несмотря, на слабость и недоста-

токъ средствъ, выполнилъ съ честью свою задачу и успѣлъ предпринять атаку съ праваго фланга большевиковъ, продвинуться впередъ и даже завладѣть однимъ бронепоѣздомъ и нѣсколькими бронированными автомобилями. Къ этому времени было замѣчено, что позиціи лѣваго фланга были очищены нѣмцами. Въ городѣ большевики устроили возстаніе, будучи хорошо снабжены оружіемъ и аммуниціей, благодаря нѣмецкимъ солдатамъ, которые въ предшествовавшіе дни продавали населенію все, что могли. При очень тяжелыхъ обстоятельствахъ корпусъ отступилъ къ Изборску и сконцентрировался къ сѣверу отъ Валка.

Штабъ корпуса въ Псковѣ былъ отрѣзанъ отъ войскъ, т. к. большевики заняли оба моста на западъ черезъ рѣку. Онъ долженъ былъ переплыть рѣку на лодкахъ и одинъ продолжать отступленіе. Крестьяне были очень враждебно настроены и стрѣляли по отступающему штабу. Нѣсколько офицеровъ было поймано и убито населеніемъ. Во главѣ корпуса находится полк. Нефъ, который принялъ командованіе лишь за четыре дня до отступленія. Полк. Нефъ отправился въ Ревель и заключилъ договоръ съ правительствомъ Эстонской республики о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ большевиковъ. Среди населенія Эстляндіи очень много большевиковъ и они смотрятъ на Сѣверную Армію не только съ недовѣріемъ но съ ненавистью. Офицеровъ задерживали на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и выселяли за предѣлы Эстонской республики. Корпусъ долженъ былъ искать выходъ или къ сѣверу на Ревель или же къ югу на Ригу и Митаву, чтобы какъ-нибудь войти въ сношенія съ ожидаемыми англійскими войсками. Въ этотъ моментъ полк. Нефъ былъ вызванъ въ Гельсингфорсъ на совѣщаніе съ англійскими властями.

Латыши также относились съ недовѣріемъ къ Сѣверной Арміи, отчасти изъ боязни за дальнѣйшее существованіе своей республики, — не смотря на то, что Сѣверная Армія никогда не вмѣшивается въ вопросы внутренней политики, — отчасти боясь неоплачиваемыхъ реквизицій.

Между тѣмъ опасность на востокѣ растетъ. Большевистскія силы продвигаются по двумъ направленіямъ на Ригу: 1) по линіи жел. дор. Альтъ Шванебургъ — Рамоцкое и 2) по линіи жел. дор. Крейцбургъ — Рига. Цѣль этого движенія обойти корпусъ, стоящій между Валкомъ и Юрьевомъ и перерѣзать ему всякое сообщеніе съ Ригой. Большевики занимаютъ теперь линію Іеве на западъ отъ Нарвы и къ югу отъ Чудскаго озера линію Верро—Маріенбургъ—Штокмансгофъ. Въ Ригѣ власти безсильны. Командованіе Германской 8-й Арміи находится фактически подъ вліяніемъ „A. u. S Rat" (Совѣта солдатъ и рабочихъ). Единственное стремленіе солдатъ — это вернуться домой, и они продаютъ все, что только можно. Если бы Русская Сѣв. Армія имѣла достаточно средствъ, она могла бы добыть этимъ путемъ все, что ей необ-

ходимо, начиная оружіемъ, аммуниціей, одеждой и провизіей и кончая мотоциклетами, автомобилями и аэропланами.

О томъ, сколько нѣмецкихъ войскъ находится въ странѣ и гдѣ они стоятъ, никогда Штабу Русской Арміи не сообщалось. Очевидно только слѣдующее: 1) что нѣмцы ведутъ нечестную игру, давая нашему Штабу фальшивыя свѣдѣнія, напр. о прибытіи англійскихъ военныхъ въ Ревель или въ Ригу, 2) что A. u S. Rat находится въ дружескомъ контактѣ съ большевиками: куда только большевики ни приходятъ, они даютъ нѣмцамъ время уложиться, забрать провизію и мирно направиться домой.

Сѣверная Армія въ настоящій моментъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

1) Полевого Штаба Корпуса, состоящаго изъ Командира, Начальника Штаба и одного адъютанта.

2) Роты въ распоряженіи Штаба Корпуса.

3) Трехъ пѣхотныхъ полковъ, каждый силой въ баталіонъ — 700 штыковъ:

а) Первый Добровольческій Псковской полкъ,
б) Второй „ Островскій „
в) Третій „ Рѣжицкій „

4) Партизанскій Отрядъ Балаховича, силою въ 4 эскадрона — 800 шашекъ.

5) Отрядъ Капитана Микошы, охранявшій Псковъ — 250 штыковъ.

6) Талабскій Отрядъ — 400 штыковъ.

7) Отрядъ Полк. Бибикова — 150 шашекъ.

8) 4-хъ орудійная Батарея.

9) Два орудія при Отрядѣ Балаховича.

10) 44 пулемета (Максима).

Въ общемъ Корпусъ состоитъ приблизительно изъ 4500 челов. съ офицерами (1500 офицеровъ). Корпусъ не имѣетъ автомобилей, но они легко могли бы быть получены отъ нѣмцевъ, до ихъ ухода.

Люди плохо одѣты и безъ сапогъ. Жалованье выплачивается неаккуратно.

Чрезвычайно важно и срочно получить какъ можно скорѣе средства для удовлетворенія нуждъ людей, и этимъ самымъ увеличить количество волонтеровъ въ Арміи.

Чтобы пополнить Армію, какъ указано, необходимо не менѣе 20 мил. рублей въ мѣсяцъ.

Кромѣ нашей Арміи, въ Прибалтикѣ существуютъ другія организаціи мѣстныхъ военныхъ силъ, съ цѣлью защиты ея отъ большевиковъ, онѣ организованы по національностямъ: Латышами, Балтійскими нѣмцами и Русскими.

Каждая національность работаетъ самостоятельно, но важнѣйшіе вопросы рѣшаются сообща. Эти организаціи могутъ составить на югѣ Прибалтики 27 Латышскихъ, 7 Балтійскихъ и одну Русскую роту. На Балтійско-нѣмецкія организаціи можно спокойнѣе всего положиться, т. к. онѣ по

убѣжденію защищаютъ свою жизнь и страну отъ большевистской опасности. Латышскія организайіи развиваются хорошо, но онѣ болѣе подвержены большевистскому вліянію. Въ будущемъ, объединенныя подъ общимъ командованіемъ, всѣ эти организаціи могутъ быть очень полезны въ дѣлѣ возстановленія порядка въ странѣ. То, что необходимо въ данный моментъ, можетъ быть выражено въ нѣсколькихъ словахъ:

1) Немедленное полученіе средствъ.

2) Сконцентрированіе всѣхъ военныхъ организацій на Балтійскомъ фронтѣ подъ однимъ общимъ командованіемъ.

3) Прикомандированіе англійскаго представителя союзныхъ державъ къ Сѣверной Арміи.

4) Поддержка Арміи союзными войсками, высадка которыхъ ожидается въ Балтійскихъ портахъ, или, по крайней мѣрѣ, оккупація этихъ портовъ.

5) Мобилизація всѣхъ русскихъ офицеровъ въ странѣ.

6)Усиленный пріемъ волонтеровъ.

Вопросъ средствъ поставленъ здѣсь на первомъ мѣстѣ, потому что онъ является самымъ срочнымъ. Нѣмцы не заинтересованы болѣе въ томъ, чтобъ давать намъ средства. Мѣстные банки и учрежденія не имѣютъ свободныхъ денегъ въ данный моментъ. Между тѣмъ большевики прислали изъ Петербурга большое количество комиссаровъ съ очень крупными суммами для пропаганды. Опасность велика и растетъ съ каждымъ днемъ. Армія, военныя организаціи и всѣ мирные жители страны ждутъ и надѣются на помощь союзныхъ державъ, пока еще не поздно.

Десантныя войска принесли бы въ страну много надеждъ, и реорганизація нашей Арміи при помощи союзныхъ державъ не только подвинула бы насъ къ цѣли разбить большевиковъ, но также къ великой и важнѣйшей нашей цѣли возстановить порядокъ въ Россіи.

За Командующаго Русской Сѣверной Арміей

Генералъ-Маіоръ Родзянко.

Приложеніе. № 6.

Договоръ между Сѣвернымъ Корпусомъ и Эстонскимъ Правительствомъ.

1. Основой взаимоотношеній Сѣверной Арміи съ Эстонскимъ Правительствомъ являются общія дѣйствія, направленныя къ борьбѣ съ большевиками и анархіей, причемъ главнымъ направленіемъ дѣйствій Арміи является Псковская область.

2. Сѣверная Армія гарантируетъ во время своего нахожденія въ предѣлахъ Эстляндіи полное свое невмѣшательство во внутреннія дѣла послѣдней.

3. Во время общихъ боевыхъ дѣйствій въ предѣлахъ Эстоніи Сѣверная Армія подчиняется Эстонскому Военному Главнокомандованію.

4. Во время нахожденія своего въ предѣлахъ Эстоніи для совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій, Сѣверная Армія получаетъ отъ Эстонскаго Правительства полностью ее обезпечивающее денежное довольствіе, обмундированіе, вооруженіе, снаряженіе и обозъ съ запряжкой и продовольствіемъ натурой по выработаннымъ раскладкамъ. Денежное довольствіе, получаемое Сѣверной Арміей отъ Эстонскаго Правительства, засчитывается какъ долгъ организующагося Правительства Россіи.

5. Первыя три недѣли, со времени расположенія частей Сѣверной Арміи въ предоставленномъ ей раіонѣ Эстоніи и со времени полученія отъ Эстонскаго Правительства всѣхъ средствъ указанныхъ въ п. (4), предоставляются Сѣверной Арміи исключительно на организаціонную работу, необходимую послѣ тяжелаго отступленія.

6. Эстонское Военное Министерство и Штабъ Корпуса Сѣверной Арміи взаимно командируютъ представителей для освѣщенія положенія и работъ.

7. Сѣверной Арміи оставляется право комплектоваться лицами, не принадлежащими Эстоніи.

До прибытія союзниковъ Армія не должна превышать численности свыше 3.500 человѣкъ.

8. При Штабѣ Сѣверной Арміи будетъ находиться представитель отъ Главнаго Интенданта Эстоніи, которому предоставляется право контроля по расходованію выданныхъ для Сѣверной Арміи денегъ, продовольствія и всѣхъ предметовъ снабженія.

6-го Декабря 1918 года.

Подлинный подписали: Команд. Сѣверн. Арміей полк. Нефъ.
За Военнаго Министра Временнаго Правительства Эстоніи,
Товарищъ Военнаго Министра Т. Юринэ.

Приложеніе № 7.

Русская Практическая Народная Партія, существующая въ совѣтской Россіи въ конспиративныхъ условіяхъ, настоящимъ объявляетъ объ образованіи въ г. Ревелѣ Временнаго Центральнаго Комитета партіи, каковой съ сего дня началъ функціонировать.

По нѣкоторымъ основаніямъ не опубликовывается полный составъ Центральнаго Комитета. Изъ Ревельскихъ дѣятелей между прочимъ вошли: Л. К. Гейманъ, И. М. Горшковъ, Кн. С. П. Мансыревъ.

Практическая Народная партія ставитъ только достижимыя, только ближайшія цѣли и задачи, не уходя въ туманные дни будущаго и полагая, что лишь на почвѣ очередныхъ общественныхъ стремленій возможно созданіе единаго фронта противъ большевизма и возсозданіе русской земли. Поэтому программа партіи представляетъ не научно-политическій трактатъ, а перечень политическихъ тенденцій и злободневныхъ отвѣтовъ.

Дополнительно къ излагаемой ниже, давно принятой, программѣ Практическая Народная Партія считаетъ необходимымъ;

1) Немедленное образованіе русской государственной ячейки на сѣверо-западѣ Россіи въ формѣ Народной Директоріи Сѣверо-Западной Россіи, которая дастъ политическую, притомъ единую, основу всѣмъ разрозненнымъ русскимъ военнымъ политическимъ формированіямъ и единое командованіе.

2) Признаніе права самоопредѣленія Финляндіи и Эстоніи, въ дружбѣ съ которыми будетъ быстро сломленъ большевизмъ.

ПРОГРАММА.
ПРАКТИЧЕСКОЙ НАРОДНОЙ ПАРТІИ:

1) Энергичная борьба съ большевизмомъ до полнаго уничтоженія.

2) Замѣна власти бандитовъ и невѣждъ властью народныхъ депутатовъ на мѣстахъ, избираемыхъ въ освобожденныхъ мѣстностяхъ немедленно по освобожденіи всѣмъ неопороченнымъ населоніемъ.

3) Обезпеченіе каждому гражданину права на жизнь и на свободный трудъ.

4. Возстановленіе института частной собственности, частной инициативы въ Экономической и культурныхъ областяхъ и свободной торговли подъ государственнымъ контролемъ въ предупрежденіе спекуляціи.

4) Чрезвычайныя заботы по созданію образцоваго транспорта.

6) Разрѣшеніе земельнаго вопроса въ соотвѣтствіи съ нуждами, пользами и интересами всего населенія съ временнымъ признаніемъ въ этой области настоящаго фактическаго положенія впредь до выработки постоянныхъ нормъ при участіи всѣхъ заинтересованныхъ элементовъ, въ особенности крестьянства.

7) Матеріальное обезпеченіе лойальнаго рабочаго населенія путемъ государственнаго субсидированія впредь до наступленія нормальнаго теченія дѣлъ въ промышленности и путемъ осуществленія общественныхъ работъ съ послѣдующими мѣропріятіями по охранѣ труда.

8) Привлеченіе къ государственной работѣ живыхъ, компетентныхъ, опытныхъ и энергичныхъ силъ.

9) Возстановленіе независимаго общаго суда и дѣйствія прежнихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ съ послѣдующей переработкой обоихъ кодексовъ.

10) Возстановленіе и содѣйствіе коопераціи и широкое предоставленіе населенію мелкаго кредита.

11) Преимущественное обложеніе состоятельнаго класса и облегченіе налоговаго бремени для малоимущихъ.

12) Широкое распространеніе грамотности, общихъ и особенно практическихъ знаній съ переработкой школьныхъ программъ въ направленіи практическаго воспитанія.

13) Осуществленіе децентрализаціи управленія путемъ областного раздѣленія Россіи приблизительно по Менделѣевской схемѣ.

14) Въ окраинной и инороднической политикѣ осуществленіе культурнаго и въ опредѣленныхъ случаяхъ политическаго самоопредѣленія.

15) По подавленіи большевизма разоруженіе военныхъ силъ Россіи, не служащихъ прямой защитѣ или охранѣ страны, и направленіе всѣхъ силъ народа на возсозданіе народнаго хозяйства и культуры.

16) Рѣшеніе затронутыхъ вопросовъ политики въ соотвѣтствіи съ принципами Вильсона и Ллойдъ-Джорджа, проводимыми ими во внѣшней и во внутренней политикѣ.

Изложенная программа напечатана въ той послѣдовательности и въ той редакціи, какъ она складывалась въ условіяхъ разобщенной и конспиративной работы внутри совѣтской Россіи. Въ объективныя положенія внесенъ агитаціонный элементъ, что объясняется участіемъ въ составленіи представителей широкихъ слоевъ населенія. Мы сознательно оставляемъ нашу программу безъ передѣлокъ и исправленій, въ томъ видѣ, въ какомъ она запечатлѣна кровью многихъ нашихъ друзей.

Всѣ, кто ищетъ сплоченія русскихъ силъ для спасенія родины, долженъ вступить въ нашу партію, признать нашу программу, нашу дисциплину и всюду гдѣ партіи понадобится голосъ гражданъ, поддерживать наши стремленія и нашихъ дѣятелей, которые должны быть проведены вездѣ, гдѣ нарушаются государственные интересы. Черезъ нашу партію мы выдѣлимъ лучшіе культурные и опытные элементы и вручимъ имъ судьбу родины.

Близкая намъ по духу кадетская партія никогда не была энергичной живой руководительницей массъ и благодаря этому потеряла свой авторитетъ. Мы отводимъ вопросамъ партійной тактики первостепенное значеніе. МЫ ПОЙДЕМЪ ВЪ НАРОДЪ, СЪ НАРОДОМЪ И ДЛЯ НАРОДА.

Въ бюро Центральнаго Комитета партіи берите членскія карточки и привлекайте членовъ.

Участіе въ другихъ партіяхъ не препятствуетъ примкнуть къ Практической Народной Партіи, разъ убѣжденія не расходятся.

Членскіе взносы по 1 рублю принимаются казначеемъ партіи.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ
НАРОДНОЙ ПАРТІИ.

Приложеніе № 8.

ПРИЗЫВЪ БАТЬКИ.

Дѣти, уйдите отъ негодяевъ.

Съ оружіемъ, съ артиллеріей, со всѣмъ добромъ, связавъ комиссаровъ смѣло переходите подъ народное знамя, которое я несу твердой рукой.

У насъ для всѣхъ свобода. У насъ всѣ братья. У насъ не только земя, но и хлѣбъ принадлежить крестьянину.

У насъ рабочій сытъ.

У насъ всего вволю.

Мы идемъ разрушить тюрьмы и уничтожить палачей.

Мы несемъ всему народу миръ.

Насъ много.

Знайте всѣ, что я воюю съ большевиками не за царскую, не за помѣщичью Россію, а за новое всенародное Учредительное Собраніе и сейчасъ со мной идетъ общественная власть.

Скорѣе ко мнѣ, дѣти, скорѣй.

Атаманъ крестьянскихъ и партизанскихъ отрядовъ
Подполковникъ Булакъ - Балаховичъ.

РУССКІЕ ЛЮДИ.

Всѣ вставайте за родную землю.

Русскіе отряды съ союзниками идутъ теперь со всѣхъ сторонъ на звѣрей большевиковъ, подъ властью которыхъ вы гибнете.

Мужайтесь — часъ возмездія близокъ. Съ каждымъ днемъ, какъ въ сказкѣ, растутъ наши силы. Позоръ Россіи былъ полный — полной будетъ и наша месть! Скоро вы будете судить вашихъ угнетателей.

КРЕСТЬЯНЕ, МЫ ИДЕМЪ УКРѢПИТЬ ЗА ВАМИ ЗЕМЛЮ, ХЛѢБЪ И СВОБОДУ. Крестьянинъ будетъ у насъ первымъ хозяиномъ земли и на почетномъ мѣстѣ.

Рабочіе будутъ получать жалованіе отъ государства, какъ теперь пока не наступитъ порядокъ.

Каждый трудящійся будетъ обезпеченъ работой, КРАСНУЮ АРМІЮ МЫ ПЕРЕИМЕНОВЫВАЕМЪ ВЪ КРЕСТЬЯНСКУЮ. Перебѣгающихъ къ намъ красноармейцевъ мы принимаемъ, какъ братьевъ.

Пусть боятся насъ только тѣ, кто поднимаетъ противъ насъ оружіе. Красноармейцы ваши товарищи уже начали выдавать вашихъ атамановъ. Выдавайте и вы скорѣе всю вашу сволочь и идите заодно съ народомъ — иначе рано или поздно будете разстрѣляны. — Нельзя же бороться съ союзниками которые разбили даже могущественную Германію. Никакихъ возстаній у союзниковъ нѣтъ — это васъ морочатъ Ленинскіе мерзавцы. Также они кричали про побѣды Либкнехта, а Либкнехтъ убитъ и всѣ его приверженцы разбиты.

Помните, граждане, что наши штыки не штыки большевистскихъ бандъ и на концахъ ихъ мы несемъ не трупы стариковъ, женщинъ и дѣтей, а свободу и продовольствіе Петрограду и Москвѣ.

Долой большевиковъ.

Да здравствуетъ хозяинъ земли — крестьянинъ.

Да здравствуютъ всѣ, кто трудится.

Да здравствуетъ свобода всего русскаго народа.

Родина наша велика и обильна и пусть вольно дышетъ каждый человѣкъ въ нашей землѣ.

Нещадно всюду сокрушайте негодяевъ.

Щадите тѣхъ, кто сдается безъ крови.

Мы скоро будемъ всюду.

НАРОДНЫЯ ВОЙСКА ИДУЩІЯ СЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ.

Приложеніе № 9.

Отвѣтная телеграмма Полковника Булакъ-Балаховича на мою телеграмму съ приказаніями: 1) подчиняться безпрекословно моимъ приказаніямъ, 2) удалить Иванова, 3) Немедленно прекратить печатаніе керенокъ и выслать въ Штабъ Арміи инженера Тешнера, 4) уволить Полковника Стоякина 6) выслать въ Штабъ Арміи членовъ вновь сформированной Псковской Городской Управы.

ТЕЛЕГРАММА

Срочно воен. Нарва Командиру Корпуса на № 340.

Первое. Ваши приказанія я исполняю и буду исполнять. Второе. Ивановъ удаленъ изъ Пскова окончательно и если вернется будетъ арестованъ. Третье. Инженеръ Тешнеръ не имѣетъ никакой лабораторіи, былъ приглашенъ какъ спеціалистъ для сорганизованія областныхъ боннъ, за отсутствіемъ денегъ въ городѣ. Когда распространился слухъ послѣ его отъѣзда изъ Пскова въ Ревель, что имъ ввозится какая то лабораторія мною было сдѣлано распоряженіе объ его арестѣ

для препровожденія въ Псковъ. Слухъ не оправдался и Тешнеръ остался на свободѣ послѣ этого инцидента заболѣлъ, ему будетъ предложено по выздоровленіи выѣхать къ вамъ.

Распространители провокаціоннаго слуха о Тешнерѣ арестованы и предаются суду. Четвертое. Полковникъ Стоякинъ, вернувшійся изъ Ревеля самъ просилъ освободить его отъ должности Начальника Штаба что мною было уважено и на его мѣсто былъ временно назначенъ есаулъ Звягинцевъ. Пятое. Относительно представителей Пскова долженъ заявить, что они пріѣдутъ къ вамъ по сформированіи городской управы ибо до сихъ поръ многіе изъ нихъ вошедшіе временно въ составъ не являются выразителями нуждъ населенія, замѣняются пользующимися общественнымъ довѣріемъ, нѣкоторые скрывались отъ большевиковъ и вслѣдствіе этого запоздали, вопросъ окончательнаго сформированія городской управы продлится нѣсколько дней.

22 іюня № 152 Полковникъ Булакъ - Балаховичъ.

Приложеніе № 10.

МОЙ ПРОЕКТЪ, ДОЛОЖЕННЫЙ ГЕН. ЮДЕНИЧУ И ГЕН. ЛАЙДОНЕРУ.

Состояніе частей Сѣверо - Западной Арміи послѣ моего отъѣзда слѣдующее: въ 1-мъ Корпусѣ части, входящія въ составъ его, въ общемъ очень хороши. Видна дружная работа офицеровъ. Многіе полки похожи на части мирнаго времени. Первая Отдѣльная Дивизія по нѣкоторымъ условіямъ (отдаленность, затруднительное снабженіе, снаряженіе и недостатокъ офицеровъ) конечно, не могла достигнуть тѣхъ же результатовъ, что и 1-й Корпусъ, но все же можетъ при наличіи средствъ и офицеровъ скоро достигнуть уровня 1-го Корпуса.

2-й Корпусъ въ этомъ отношеніи значительно уступаетъ: во всемъ видна безсистемность и духъ партизанщины, что трудно быстро искоренить, но все же можно, если прислать побольше кадровыхъ офицеровъ и дать ген. Балаховичу отдѣльныя, вполнѣ самостоятельныя задачи, которыя соотвѣтствовали бы духу партизанской войны. Считаю необходимымъ, чтобы части, ввѣренныя ген. Балаховичу, возможно меньше соприкасались съ остальными частями Арміи.

Считаю нужнымъ сгруппировать Сѣверо-Западную Армію, чтобы она дѣйствовала въ одномъ направленіи, а не по двумъ. Настоящій фронтъ слишкомъ великъ для нашей немногочисленной Арміи, а потому нужно выбрать точно то направленіе, которое намъ дастъ болѣе выгодъ, т. к. времени до осени осталось немного.

На мой взглядъ можно выбрать два направленія: 1-ое Ямбургъ—Гатчина—Тосно; 2-ое Псковъ—Новгородъ—Чудово.

Первое направленіе болѣе короткое и болѣе заманчивое но, даже при наличіи усиленія артиллеріи можетъ оказаться невыгоднымъ, т. к. противникъ, благодаря чрезвычайной развитости желѣзнодорожной сѣти, можетъ легко перебрасывать свои части. Близость Петрограда дасть имъ возможность пополняться коммунистами и всякимъ сбродомъ. Населеніе около Петрограда давно уже испорчено, и искать въ немъ пополненія было бы болѣе, чѣмъ рисковано. Конечно, наличность танковъ, бронированныхъ автомобилей и аэроплановъ можетъ дать побѣду. Нужно подумать, сможемъ ли мы въ случаѣ удачи наладить управленіе при наличности нашихъ силъ, а этого будетъ требовать все расположенное къ намъ населеніе. Обслужить же Петроградъ и его накормить имѣющимися средствами не представляется никакой возможности. Мы конечно должны столкнуться съ продовольственнымъ вопросомъ, разрѣшить же этотъ вопросъ, безъ иностранной помощи и занятія Кронштадта мы не будемъ въ состояніи. Кромѣ того, является вопросъ весьма сложный — это вопросъ топлива. Близость зимы поставить насъ въ этомъ отношеніи въ чрезвычайно трудныя условія, т. к. большевики не въ состояніи теперь снадбить Петроградъ достаточнымъ количествомъ топлива. Населеніе же будетъ требовать его отъ насъ, какъ отъ своихъ освободителей. Рабочіе Петрограда защищаютъ красный Петроградъ, постольку поскольку они убѣждены, что Петроградъ дастъ имъ все. Думаю, что если заставить этихъ рабочихъ уйти для борьбы возможно дальше отъ Петрограда, то легче будетъ съ ними бороться, т. к. въ деревнѣ имъ нечего защищать. Пока мы идемъ на Петроградъ отъ Ямбурга, флотъ большевиковъ всегда будетъ играть огромную роль въ борьбѣ, если только онъ не перейдетъ на нашу сторону, но я думаю, что исторія съ Красной Горкой настолько заставила Совѣтское Правительство принять мѣры, что на переходъ флота разсчитывать въ настоящее время трудно. Безъ занятія Кронштадта нельзя будетъ накормить населеніе Петрограда, а разсчитывать на англійскій флотъ нельзя, такъ какъ онъ не держитъ съ Арміей связи.

Второе направленіе даетъ намъ значительныя выгоды въ смыслѣ мобилизаціи и отношенія населенія къ войскамъ, а послѣднее - единственный элементъ, на который слѣдуетъ опираться. Нужно пользоваться тѣмъ, что большевики оставили по себѣ плохое воспоминаніе. Неорганизованныя войска ген. Балаховича, несмотря на чисто разбойничій характеръ, принимались населеніемъ съ восторгомъ. Сама мѣстность болѣе богата (ленъ, лѣсъ, кожевенные заводы и т. д.).

Маневрировать и дѣлать глубокіе обходы здѣсь значительно легче. Противникъ здѣсь значительно слабѣе, присутствіе здѣсь Эстонскихъ частей доказываетъ, что матеріальныхъ выгодъ для войскъ здѣсь значительно больше. Занятіе же Дна, Шимской, Новгорода и ударъ на Чудово, который съ правой стороны будетъ прикрытъ болотами, озеромъ

Ильменемъ и рѣкой Волховъ, дастъ возможность на почти вѣрные успѣхи. Конечно нужно будетъ выслать заслонъ къ югу отъ Пскова, отъ Пыталова приблизительно черезъ Новоржевъ и далѣе къ болотамъ, а также заслонъ долженъ занять Старую Руссу и систему рѣкъ. Съ сѣвера это направленіе можетъ быть обезпечено рѣкой Лугой, взрывомъ въ случаѣ нужды мостовъ на Преображенской, какъ шоссейнаго, такъ и желѣзнодорожнаго, а также взрывомъ мостовъ у Оредежа. Т. к. въ этомъ направленіи дорогъ хорошихъ почти нѣтъ, и мѣстность отъ гор. Луги до Николаевской жел. дороги очень мало населена, то можно эту линію очень легко держать, выставивъ на узлахъ дорогъ сильные заслоны, которые должны обезпечить себя развѣдкой въ сторону непріятеля. Всякія продвиженія непріятеля вглубь страны по плохимъ дорогамъ, энергичныя дѣйствія сильныхъ кулаковъ очень легко преодолѣютъ и надолго отнимутъ у непріятеля охоту къ подобнымъ дѣйствіямъ и дадутъ намъ возможность сформировать надежныя части. Эстонскія войска, находящіяся въ Псковѣ, не надежны тѣмъ, что могутъ каждую минуту уйти, и тогда положеніе Пскова будетъ критическое. Кромѣ того, нѣтъ общаго командованія, чѣмъ неминуемо въ концѣ концовъ воспользуется противникъ. Съ занятіемъ же Новгорода и имѣя возможность отрядами дѣйствовать въ тылъ непріятелю заставитъ Петроградъ эвакуировать большевистскіе элементы, что значительно облегчитъ наши дѣйствія и самое занятіе Петрограда. Первое, что нужно, это создать, по возможности. общій фронтъ, т. е. Эстонскій, Русскій, опять Эстонскій, Латышскій и т. д. Для этого необходимо, чтобы Эстонія защищала свои границы, и постараться, чтобы она заняла линію озеръ и позиціи впереди Ямбурга.

Наша линія—это линія рѣки Луги, озера Ильмень, рѣки Ловать и т. д. въ зависимости отъ продвиженія Эстонскихъ и Латышскихъ частей. Городъ Ямбургъ не имѣетъ для насъ никакого значенія, т. к. находится среди болотъ и является въ настоящую минуту только базой для 1-го Корпуса, напряженіе котораго сосредоточено для защиты этого города. Еще разъ повторяю, что направленіе Ямбургъ—Петроградъ весьма заманчиво, но лучше отказаться отъ Ямбурга, раньше, чѣмъ слишкомъ поздно, замѣнивъ этотъ городъ занятіемъ Луги и этимъ самымъ заставить Эстонцевъ защищать свою територію Послѣдніе будутъ въ состояніи это сдѣлать т. к. у нихъ производились достаточно серьезныя фортификаціонныя работы и состояніе Эстонскихъ войскъ значительно улучшилось, какъ въ смыслѣ боеспособности, такъ и въ отношеніи обмундированія и снаряженія. Кромѣ того, у нихъ за послѣднее время такъ развилось чувство самостоятельности, что опасаться за ихъ фронтъ пока нѣтъ основанія. И всегда ихъ фронтъ, хотя бы пассивный, прикуетъ къ себѣ значительную часть большевистскихъ войскъ. Конечно снабженіе 1-го Корпуса значительно ухудшится, но съ занятіемъ Луги общее снабженіе

войскъ значительно улучшится. Конечно, овладѣніе Петроградомъ облегчится, если выступятъ фины и у насъ будутъ танки и всякія техническія средства, но нужно подумать о возможности его удержать, на что могу смѣло отвѣтить, что при наличіи нашихъ силъ это почти невозможно. Эту мысль нужно принять какъ за основу.

Въ общемъ вопросъ о существованіи Сѣверо - Западной Арміи зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ:

1) Деньги, 2) аммуниція и снаряженіе, которыя должны быть разсчитаны какъ зимнія такъ и лѣтнія на 100.000 чел., а также достаточное количество батарей, патроновъ и снарядовъ, запасы коихъ должны быть сдѣланы по мѣрѣ увеличенія Арміи. 3) Вопросъ офицерскій. Всѣ офицеры, какъ здѣсь, такъ и за границей, должны быть немедленно призваны въ ряды арміи и здѣсь же подвергнуться необходимой фильтровкѣ. 4) Техническія средства — танки, бронемашины, автомобили, грузовики, аэропланы, и т. д. 5) Продовольстіе для 100.000 арміи не только бѣлымъ хлѣбомъ и саломъ, но и всякими другими видами продовольствія. горячая пища, каша, чай, сахаръ и въ особенности табакъ. 6) Базы всего продовольствія нужно устроить въ Псковѣ, гдѣ есть достаточное количество складовъ, т. к. Псковъ обслуживалъ въ свое время фронтъ. Всѣ эти склады должны быть немедленно отремонтированы, г. Псковъ долженъ быть приведенъ въ состояніе обороны, причемъ должны быть устроены не менѣе трехъ линій оборонительныхъ полосъ обороны. 7) Союзники обязаны намъ обезпечить всѣ просимые виды довольствія, а также устроить черезъ Ригу и Ревель транзитъ всего получаемаго нами снаряженія и продовольствія. 8) Всѣ важные пункты, занимаемые нами, должны быть приведены въ оборонительное состояніе, дабы мы могли небольшими силами держать ихъ за собой и этимъ имѣть возможность выдѣлять значительныя ударныя группы. 9) Всѣ отношенія съ эстонцами и латышами должны быть урегулированы союзниками пока мы не поборемъ большевиковъ. 10) Союзники должны гарантировать продовольствіе населенію и Арміи, а также снабженіе, если возможно, то и деньги. 11) Уничтоженіе партизанскихъ отрядовъ, которые кромѣ вреда ничего не даютъ. Населеніе должно видѣть въ войскахъ не разорителей, а спасителей страны. 12) Налаживаніе тыла, для чего его необходимо перенести на русскую територію, выдѣливъ своихъ уполномоченныхъ для снабженія и переговоровъ съ населеніемъ. Населеніе должно чувствовать и видѣть, что новая власть дѣйствительно заботится объ немъ, а къ правительству, живущему за границей не будетъ питать никакого довѣрія. 13) Въ случаѣ неудачи союзники должны гарантировать переброску оставшихся частей на другой фронтъ, а также перевезти семьи офицеровъ.

Іюль 1919 года.

Генералъ Лейтенантъ Родзянко.

КАКЪ ВЪ ПСКОВѢ ДѢЛАЛИСЬ ДЕНЬГИ.

(Секретное донесеніе полученное мною изъ Пскова)

По иниціативѣ г. Афанасьева, Батька выписалъ Тешнера, который приготовилъ клише для 40 — руб. керенокъ.

Въ гостинницѣ „Лондонъ“ въ № 1 была открыта экспедиція, въ томъ же номерѣ былъ водворенъ и посаженъ подъ охрану двухъ солдатъ (вооруженныхъ), которые стояли у дверей, г. Тешнеръ, сдѣлавшій попытку къ побѣгу и возвращенный изъ Печеръ обратно въ Псковъ. Оттуда экспедиція была переведена подъ непосредственную охрану раіоннаго коменданта Куражева, гдѣ она и процвѣтала, пока тамъ были Куражевъ и Афанасьевъ. Все это велось подъ непосредственнымъ руководствомъ Стоякина который повѣсилъ одного изъ писарей (казнь была произведена въ Крестахъ) за слишкомъ хорошее знакомство съ дѣлами экспедиціи. Въ Вознесенскій полкъ поступило изъ Штаба Балаховича и было передано Завѣдывающему хозяйствомъ пор. Ецкому 10000 рублей фальшивыми керенками.

На Благотворительномъ вечерѣ въ Стругахъ Бѣлыхъ кассирша обнаружила 4000 рублей фальшивыми керенками, полученные отъ ротмистра Балаховича — брата батьки.

Въ псковскомъ городскомъ саду Стоякинъ сдѣлалъ попытку расплатиться за ужинъ керенками своего изготовленія: попытка не удалась, но породила въ городѣ массу толковъ на эту тему. Печатаніе денегъ производилось въ домѣ Коммерческаго Банка (въ Псковѣ) подъ помѣщеніемъ раіонной комендантуры. Въ помѣщеніе экспедиціи допускались только полк. Якобсъ, полк. Стоякинъ и корн. Якобсонъ.

Печаталъ мастеръ Богопріимцевъ. По этому дѣлу Стоякинъ хотѣлъ разстрѣлять пор. Андреева. Въ этомъ дѣлѣ принимали еще близкое участіе кромѣ указанныхъ лицъ: подп. Якобсъ, ротмистръ Звягинцовъ, полк. Энгельгардтъ. корн. Якобсонъ, (печаталъ собственноручно, какъ личный адъютантъ Батьки,) сотникъ Корчагинъ. Интересныя данныя по этому дѣлу могутъ дать: бывшій комендантъ Штаба Батьки прап. Шаровъ, содержатель гостинницы „Лондонъ“ Ильяшевъ, подпор. Евгеній Александровичъ Андреевъ, шт.-капитанъ Александръ Ивановичъ Протопоповъ и Николай Ильевичъ Валекъ

Приложенie № 12.

Памятная записка, переданная мнѣ Г-номъ Ивановымъ на вокзалѣ въ Ревелѣ.

Привѣтствуя инициативу союзныхъ державъ въ образованiи русской Сѣверо-Западной власти, считаю, что таковая власть должна быть демократической и рѣшительной. Для этого необходимо:

1) чтобы во главѣ правительства всталъ не капиталистъ, особенно не долженъ встать крупный капиталистъ, а долженъ быть человѣкъ извѣстный демократическими взглядами,

чтобы это былъ человѣкъ активный и рѣшительный, извѣстный своей энергiей въ армiи,

чтобы онъ былъ изъ Петрограда и былъ извѣстенъ не только въ Псковѣ и Петроградѣ, но и въ Ревелѣ,

чтобы къ нему было довѣрiе эстонскаго правительства,

чтобы онъ былъ вообще извѣстенъ армiи.

Такимъ лицомъ является Н. Н. Ивановъ, который удовлетворяя вышеизложеннымъ требованiямъ, имѣетъ опредѣленный планъ дѣйствiй, пользуется самыми большими симпатiями Эстонскаго правительства и даже эстонской армiи, что очень важно, и первый еще въ февралѣ требовалъ созданiя сѣверо-западной власти.

2) Чтобы въ кабинетѣ министровъ была выдѣлена главная группа изъ 5 — 6 человѣкъ, которая все рѣшала бы — иначе кабинетъ министровъ потонетъ въ разговорахъ.

3) Чтобы правительство не смѣнялось до Учредительнаго Собранiя.

Дополнительно къ изложенному необходимо передать Главнокомандованiе генералу Лайдонору.

Приложенie № 13.

ДЕКЛАРАЦIЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Въ братоубiйственной войнѣ, вызванной большевиками, въ огнѣ и крови гибнетъ Россiя. Безполезно и безсмысленно гибнутъ молодыя и сильные, отъ голода и болѣзней умираютъ старые и слабые. Вымираютъ города. Опустѣли фабрики и заводы.

Огнемъ сжигаются деревни. Уничтожается на поляхъ трудъ земледѣльца, гибнетъ скотъ, пропадаетъ сельское хозяйство.

Лишенные крова и хлѣба толпами бродятъ по лѣсамъ бѣженцы. Такъ гибнетъ подъ властью большевиковъ Россiя. И близко дно бездны, въ которую ввергнута великая страна.

Призванное въ жизни необходимостью рѣшительнаго и немедленнаго освобожденія русской земли отъ большевистскаго ига, возникшее въ полномъ согласіи съ полномочными представителями союзныхъ державъ, объединенное съ остальной Россіей въ лицѣ Верховнаго Правителя, Адмирала Колчака, Правительство Сѣверо-западной области Россіи объявляетъ русскимъ гражданамъ начала, которыя оно полагаетъ въ основу своей предстоящей дѣятельности.

1) Рѣшительная борьба, какъ съ большевиками, такъ и со всѣми попытками возстановить старый режимъ.

2) Всѣ граждане Государства Россійскаго, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, равны въ правахъ и обязанностяхъ передъ закономъ.

3) Всѣмъ гражданамъ въ освобожденной Россіи обезпечивается неприкосновенность личности и жилища, свободы печати, слова, союзовъ, собраній и стачекъ.

4) Всероссійская власть должна быть возсоздана на основѣ народовластія. Для сего немедленно по освобожденіи родины отъ тираніи большевиковъ должно быть приступлено къ созыву новаго Всероссійскаго Учредительнаго Собранія на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

5) Если по условіямъ созывъ всероссійскаго Учредительнаго Собранія не представится возможнымъ, вскорѣ по освобожденіи Петроградской Псковской и Новгородской губерній, то для устроенія мѣстной жизни должно быть созвано въ Петроградѣ областное народное собраніе, избранное на той же демократической основѣ освобожденнымъ населеніемъ.

6) Населяющія отдѣльныя территоріи народности, входящія въ составъ единой возрождающейся Россіи, свободно избираютъ для себя форму правленія. (Актомъ отъ 11 Августа 1919 года Правительство Сѣверо-западной области въ Россіи признало независимость Эстоніи).

7) Административное управленіе государства устанавливается на основѣ широкаго мѣстнаго самоуправленія. Земскія и Городскія самоуправленія избираются на общихъ демократическихъ началахъ.

8) Земельный вопросъ будетъ рѣшенъ согласно съ волею трудового земледѣльческаго населенія въ Учредительномъ Собраніи. Впредь до разрѣшенія послѣдняго земля остается за земледѣльческимъ населеніемъ, и сдѣлки купли и продажи на внѣгородскія земли воспрещаются, за исключеніемъ особо важныхъ случаевъ и съ особаго разрѣшенія правительства.

9) Рабочій вопросъ разрѣшается на началахъ 8-ми часового рабочаго дня, правительственнаго контроля надъ производствомъ всемѣрной охраны труда и интересовъ рабочаго класса.

Граждане многострадальной Россіи!

Правительство Сѣверо-западной области Россіи, принявшее на себя въ этотъ тяжкій часъ освободительной борьбы,

отвѣтственность за настоящее и заботу о будущемъ, приглашаетъ васъ къ послѣднимъ усиліямъ и жертвамъ во имя родины, свободы и счастья.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ С. Г. Ліанозовъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ К. А. Александровъ.

Министръ Военный генералъ Н. Н. Юденичъ.

Министръ Торговли и Промышленности, Снабженія и Народнаго Здравія — М. С Маргуліесъ.

Министръ Юстиціи, Е. И. Кедринъ.

Министръ Продовольствія — Ф. Г. Эйшинскій.

Министръ Морской — Контръ Адмиралъ В. К. Пилкинъ.

Министръ Народнаго Просвѣщенія — Ф. А. Эрнъ.

Министръ Общественнаго призрѣнія — А. С. Пѣшковъ.

Государственный Контролеръ — В. А. Горнъ.

Министръ Земледѣлія — П. А. Богдановъ.

Министръ Вѣроисповѣданій — И. Ф. Евсѣевъ.

Министръ Почтъ и телеграфовъ М. М. Филипео.

Ревель, 1919 года Августа 24 дня.

Приложеніе № 14.

ПРИКАЗЪ.

по Сѣверо-Западной Арміи, 26 августа 1919 г. № 99, г. Нарва.

I

При семъ объявляю Приказъ Главнокомандующаго Сѣверо - Западнымъ фронтомъ.

Приказъ

Главнокомандующаго Сѣверо-Западнымъ фронтомъ.

24 августа 1919 г. № 20, г. Нарва.

Утромъ 23 августа Командиромъ 3-го стрѣлковаго Талабскаго полка, Полковникомъ Пермикинымъ были арестованы въ г. Псковѣ тѣ чины Штаба и личной сотни ген. Булакъ-Балаховича, противъ которыхъ имѣлись доказательства тяжелыхъ преступленій, разбой, грабежъ, вымогательство и производство фальшивыхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Аресты произведены безъ примѣненія оружія и кровопролитія, надъ арестованными назначено слѣдствіе.

Генералу Булакъ-Балаховичу, Полк. Пермикинъ передалъ мое приказаніе оставаться у себя на квартирѣ и ожидать моего прибытія въ Псковъ. Ген. Булакъ-Балаховичъ далъ честное слово, что останется на квартирѣ. При генералѣ былъ оставленъ адьютантъ Талабскаго полка. Когда затѣмъ было послано приказаніе явиться въ мой вагонъ, ген. Булакъ-Бала-

ховича на квартирѣ не оказалось. Было установлено, что ген. Булакъ-Балаховичъ ввелъ въ заблужденіе оставленнаго при немъ адьютанта Талабскаго полка, сказавши ему, что полк. Пермикинъ будто бы разрѣшилъ ему выѣхать въ городъ съ тѣмъ, чтобы попрощаться сн полками. Не допуская мысли, что генералъ могъ рѣшиться на обманъ и не сдержать слова, адъютантъ Талабскаго полка не воспрепятствовалъ оставленію генераломъ квартиры и сопровождалъ генерала въ его поѣздкѣ. Когда ген. Булакъ-Балаховичъ оказался внѣ города, онъ приказалъ адъютанту Талабскаго полка ѣхать обратно, самъ же отказался ѣхать въ городъ, а направился въ Штабъ Эстонской Дивизіи. Посланный за нимъ на автомобилѣ Подполковникъ Булакъ-Балаховичъ, родной братъ генерала, не нашелъ его. Посланные для розысковъ разъѣзды нашли ген. Булакъ-Балаховича, но приказанія вернуться ко мнѣ передать не могли. При приближеніи разъѣзда генералъ Булакъ-Балаховичъ развернулъ цѣпь и громко сказалъ, что ничьихъ приказаній исполнять не будетъ, никого не признаетъ, и если кто-нибудь будетъ приближаться, отдастъ приказаніе стрѣлять. Разъѣзды, которымъ было приказано лишь найти ген. Балаховича и передать приказаніе, но не задержать его или примѣнять оружіе, вернулись, а ген. Булакъ-Балаховичъ скрылся.

Такимъ образомъ ген- Булакъ-Балаховичъ не сдержалъ слова, ввелъ въ заблужденіе адъютанта Талабскаго полка, не дождался моего пріѣзда, не принялъ моего приказанія, заявилъ о нежеланіи исполнять чьи-либо приказанія, угрожалъ открыть огонь противъ мною присланныхъ, разъѣздовъ во время боя покинулъ нашу армію и сдѣлалъ это въ виду противника.

Поэтому ген. Булакъ-Балаховича исключить изъ списка Арміи и считать бѣжавшимъ.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ.

Главнокомандующій: Ген. — отъ инфантеріи Юденичъ.

Командующій Арміей: Ген. — Лейтенантъ Родзянко.

Приложеніе. № 15.

Копія.

Донесеніе изъ Контръ - Развѣдки

ТЕЛЕГРАММА № 139.

Ивановъ и Балаховичъ седьмого выѣхали въ Псковъ. Ивановъ хочетъ дѣлать переворотъ противъ генерала Юденича и генерала Родзянко и подчинить войска Балаховича Эстонскому Командованію.

9. IX. 19.

Приложеніе № 16.

Письмо, полученное мною отъ ген. Юденича за мѣсяцъ до этого инцидента.

Глубокоуважаемый
Александръ Павловичъ,

До моего свѣдѣнія дошло, что Полковникъ Зейдлицъ послалъ изъ Ревеля телеграмму Генералу Вандаму, въ которой сообщаетъ, что я, по циркулирующимъ якобы здѣсь слухамъ, предполагаю арестовать Васъ и весь Вашъ Штабъ. Глубоко возмущенъ этою неправдою, которая можетъ имѣть одну цѣль: возстановить Васъ противъ меня и тѣмъ помѣшать нашей дружной работѣ на пользу общаго дѣла.

Я не знаю точно ли подобный слухъ ходитъ по городу и кѣмъ онъ пущенъ, можетъ быть это плодъ воображенія самого Зейдлица, но разъ это дошло до меня, я считаю за лучшее и необходимымъ открыто заявить Вамъ, что это наглая и злая ложь.

Преданный Вамъ и готовый къ услугамъ
Н. Юденичъ.

1919 г. 4-го Сент.
Ревель.

Приложеніе № 17.

Начальнику 3-ей Дивизіи
1919 г. 15 Октября 22 часа.
№ - 2 Сиворицы. Карта 10 верстъ въ дюймѣ.

Въ виду того, что 3-я Дивизія вошла въ связь со 2-ой Дивизіей (2 роты Талабскаго полка ночуютъ въ дер. Сиворицы) и въ виду того, что изъ опросовъ плѣнныхъ и жителей выяснилось, что разбитыя части противника бѣгутъ по направленію Тосно,

Приказываю:

1) Завтра 16-го Октября ввѣренной Вамъ Дивизіи возможно рано перейти въ рѣшительное наступленіе — цѣль занятіе города Гатчино.

2) Выдѣлить по выясненіи обстановки отрядъ подъ командой рѣшительнаго офицера силой не менѣе двухъ баталіоновъ при взводѣ артиллеріи. Отряду этому двинуться изъ дер. Выра черезъ деревню Сиверскую, дер. Вырицу, Лисино (Учеб. лѣс.) на станцію Тосно.

Цѣль отряда быстро занять и взорвать мосты какъ на жел. дорогахъ такъ и на шоссейныхъ путяхъ идущихъ на югъ изъ Петрограда, дабы красные не могли воспользоваться поѣздами и подвозить подкрѣпленія.

Отряду этому имѣть при себѣ достаточное количество подрывного имущества.

Прислать мнѣ въ Сиворицы возможно скорѣе приказъ по 3-ей Дивизіи на 16-ое Октября.

4) Сообщить, гдѣ и въ которомъ часу могу съ вами встрѣтиться для переговоровъ насчетъ будущихъ операцій.

Генералъ - Лейтенантъ РОДЗЯНКО.

Приложеніе № 18

Начальнику 3-ей Дивизіи

1919 15 Октября 23 час. 45 мин.

№ 3 Дер. Сиворицы. Карта 10 верстъ въ дюймѣ.

Въ виду окончательнаго выясненія обстановки во 2-ой Дивизіи и въ виду того, что красные отступаютъ и обозы ихъ отходятъ на ст. Тосно, въ дополненіе къ приказу № 2 приказываю выдѣлить отрядъ подъ командою рѣшительнаго офицера, но не менѣе полка съ батареей и двинуться на дер. Выра, дер. Сиверскую, дер. Вырицу, дер. Лисино (Учебн. лѣснич.) на ст. Тосно и форсированнымъ маршемъ занять станцію съ разрушеніемъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ и шоссейныхъ мостовъ идущихъ къ югу отъ шоссе отъ Петрограда.
Отряду имѣть при себѣ достаточное количество подрывного имущества.

Генералъ - Лейтенантъ РОДЗЯНКО.

Въ зависимости отъ обстановки выдѣлите на эту операцію одну бригаду съ батареей. Послѣднее оставляю на ваше усмотрѣніе. Считалъ бы лучше, если возможно, выдѣленіе Бригады.

Генералъ - Лейтенантъ РОДЗЯНКО

Помощникъ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО
Сѣверо-Западной
Арміей
28 Ноября 1919 года
№ 2
гор. Нарва.

Приложеніе № 19.

15 и 16 Октября мною были даны точныя и категорическія приказанія начальнику 3-ей Дивизіи ген. маіору Вѣтренко выдѣлить отрядъ для дѣйствій въ направленіи ст. Тосно и занятіе этой станціи. Мои приказанія не были исполнены, несмотря на то, что при встрѣчѣ съ генераломъ Вѣтренко я лично его ставилъ отвѣтственнымъ за неисполненіе приказанія. Черезъ 2—3 дня выяснилось, что приказаніе не было исполнено. Я въ рѣзкой формѣ высказалъ это генералу Вѣтренко, на что получилъ отъ него слѣдующіе отвѣты. 1) Я не обязанъ исполнять абсурдные приказы, 2) я служу не Вамъ, а общему дѣлу, 3) я больше Васъ сражался съ большевиками и т. п. отвѣты.

Прошу Ваше Высокопревосходительство о назначеніи срочно строжайшаго слѣдствія.

Генералъ-Лейтенантъ РОДЗЯНКО.

Приложеніе: копіи моихъ приказаній, приложеніе № 17 и № 18.

Числящійся
по Армейской Кавалеріи
находящійся въ распоряженіи
Дежурнаго Генерала
Сѣв.-Зап. Арміи
Подполковникъ КУСАКОВЪ.
27 Декабря 1919 года
№ 32
г. Ревель.

Приложеніе № 20.

Секретно.

Начальнику Штаба
Сѣв.-Западной Арміи.

РАПОРТЪ.

Считаю своимъ долгомъ донести Вамъ, что при сдачѣ должности Начальника Штаба 3-ей дивизіи я обнаружилъ изъятіе изъ дѣлъ Оперативнаго Отдѣленія всѣхъ вообще приказаній Генерала Родзянки и въ частности двухъ его приказаній, имѣющихъ документальный характеръ — а именно распоряженіе Генерала Родзянки отъ 15 и 16 Октября о занятіи ст. Тосно и уничтоженіи моста черезъ рѣку Тосну. Похищеніе этихъ документовъ произошло во время моей поѣздки въ г. Ревель. Содержаніе документовъ и директивъ — я знаю, а обстоятельства сопутсвующія помню.

Подполковникъ КУСАКОВЪ.

Приложеніе № 21.

ТЕЛЕГРАММА

Генерала ЮДЕНИЧА генералу ЛАЙДОНЕРУ.

Красные заняли Монастырекъ сильно напираютъ съ юга. Если до вечера не будетъ разрѣшенъ переходъ на лѣвый берегъ Наровы катастрофа неизбѣжна. Большая часть Арміи разсѣется и фронтъ Наровы будетъ открытъ. Еще разъ прошу немедленнаго разрѣшенія перехода Арміи на Эстонскую территорію. Армія поступитъ подъ Ваше командованіе. Непосредственное командованіе Арміей я сдамъ другому лицу.

ЮДЕНИЧЪ.

Приложеніе № 22

Главнокомандующій Сѣверо-Западной Арміей.

Срочно.

Эстонскому Главнокомандующему Генералу Лайдонеръ.
Ревель.

Красные подавляющими силами упорно атакуютъ и мѣстами тѣснятъ части ввѣренной мнѣ арміи особенно со стороны Гдова. Войска до крайности утомлены безпрерывными боями. На крайне тѣсномъ пространствѣ между фронтомъ и Эстонской границей непосредственномъ тылу войскъ скопились всѣ обозы запасные плѣнные и бѣженцы, что до крайности стѣсняетъ маневрированіе войскъ, малѣйшій неуспѣхъ можетъ создать панику въ тылу и повести къ катастрофѣ и гибели всей арміи. Необходимо не позднѣе завтрашняго дня перевести всѣ тылы на лѣвый берегъ Наровы. Предвижу возможность и даже неизбѣжность дальнѣйшаго отхода арміи что можетъ вызвать конфликтъ въ случаѣ перехода границы Эстоніи. Во избѣжаніе неминуемой гибели арміи я прошу Васъ не отказать немедленно принять подъ Ваше командованіе ввѣренную мнѣ армію и назначить ей участокъ общаго съ ввѣренными Вамъ войсками фронта. Прошу васъ доложить мою просьбу Эстонскому Правительству о принятіи Сѣверо-Западной Арміи подъ покровительство Эстоніи. Для переговоровъ командирую генерала Родзянко.

14 Ноября 1 часъ Нарва 601 — Оп.

Подписалъ ЮДЕНИЧЪ

Вѣрно генералъ - маіоръ (подпись неразб.)

Приложеніе № 23.

Телеграмма Генералу РОДЗЯНКО.

5-11-19 № 200. Прошу передать генералу Лайдонеру, что 1-ый и 2-ой Корпуса, я и генералъ Арсеньевъ и всѣ части просятъ принять Армію подъ свое Главнокомандованіе и назначить Командующаго по своему усмотрѣнію.

Генералъ графъ Паленъ.

Приложеніе № 24.

Телеграмма Генералу РОДЗЯНКО
изъ Нарвы 16 Ноября 1919 года.

Считаю необходимымъ, чтобы вы сегодня пришли къ опредѣленному рѣшенію съ генераломъ Лайдонеромъ, такъ какъ необходимо немедленно приступить къ переводу нашихъ вооруженныхъ, подчеркиваю это, частей на лѣвый берегъ Наровы въ противномъ случаѣ мы рискуемъ потерять эту линію и создается угроза для Нарвы и Эстоніи 1 часъ 30 минутъ 16-19 № 201,

Генералъ графъ Паленъ.

Приложеніе № 25.

Отвѣтъ генерала Юденича на мою телеграмму.

Я въ Ревелѣ съ Главнокомандующимъ Эстонскими войсками веду переговоры по дѣламъ Арміи. Вы права непосредственнаго сношенія не имѣете и обязаны доносить мнѣ и обращаться только черезъ меня.

ЮДЕНИЧЪ.

Приложеніе № 26:

Главнокомандующій
Сѣверо-Западной Арміей
№ 7927
23-го Ноября 1919 года
г. Нарва.

Генералъ-Лейтенанту РОДЗЯНКО.

Предписываю Вамъ съ полученіемъ сего отправиться въ Англію для выполненія возложеннаго на Васъ порученія.

Генералъ отъ Инфантеріи ЮДЕНИЧЪ.

И. д. Дежурнаго Генерала полковникъ (подпись)

Эстонская Республика

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

Приложенiе № 27.

Переводъ

Копiя.

Меморандумъ Эстонскаго Правительства Верховному Совѣту.

Въ отвѣтъ на ноту Верховнаго Совѣта отъ 4-го декабря 1919 года изъ Парижа, переданную Эстонскому Правительству черезъ посредство Начальника Французской Миссiи въ Эстонiи, Эстонское Правительство имѣетъ честь дать нижеслѣдующее объясненiе.

Всегдашнимъ стремленiемъ правительства Эстонской Республики было идти навстрѣчу всѣмъ пожеланiямъ союзныхъ и дружественныхъ государствъ постолько, посколько это совмѣстимо съ жизненными интересами Эстонскаго правительства и народа.

Въ данномъ случаѣ Эстонское Правительство также приняло бы всѣ мѣры для удовлетворенiя желанiй Верховнаго Совѣта. Но, исполняя это, Эстонское Правительство не можетъ не считаться съ существующими условiями, при которыхъ ему приходится работать въ данный моментъ. Эстонскiй народъ, защищающiй самостоятельность и благосостоянiе своего государства, былъ принужденъ въ теченiи болѣе года поддерживать съ сверхчеловѣческими усилiями кровавую борьбу съ превосходящими его во много разъ военными силами Совѣтской Россiи.

Эстонское Правительство обращалось много разъ къ Мирной Конференцiи, а также и къ Правительствамъ союзныхъ и дружественныхъ державъ съ настоятельной просьбой оказать эстонскому народу въ его героической борьбѣ противъ силъ совѣтской Россiи, кромѣ щедро оказываемой матерiальной и военной помощи, также помощь политическую, обезпечивъ ему самостоятельность его государства.

Подобное признанiе дѣйствовало на поднятiе духа и храбрости Эстонской Армiи въ своей противобольшевистской борьбѣ; оно дало бы возможность Эстонскому Правительству заключенiя конвенцiи съ Балтiйскими и другими государствами, оно облегчило бы Эстонскому Правительству развитiе его внѣшней торговли и оздоровленiе экономической жизни, урегулировавъ финансовую политику, оно дало бы Эстонскому народу увѣренность, что панрусскiя правительства Колчака и Деникина и русская Сѣверо - Западная Армiя, сражающаяся подъ ихъ знаменами, которыя всегда высказывали враждебныя отношенiя къ самостоятельности окраинныхъ государствъ, въ частности къ таковой Эстонiи, достигнувъ власти, не напали бы на Эстонiю, не нарушили бы ея независимости, за которую нашъ народъ проливалъ свою кровь и приносилъ неисчислимыя жертвы.

Надо признать, что ни Мирная Конференція, ни союзныя и дружественныя Правительства не удовлетворили до сихъ поръ просьбы о признаніи самостоятельности Эстоніи. Напротивъ, начальники и все Командованіе Русской Сѣверо-Западной Арміи не перестали повторять, что они расчитываютъ уничтожить самостоятельность Эстоніи при первой имъ представившейся возможности.

Тѣмъ не менѣе Эстонское Правительство и армія со своимъ Верховнымъ командованіемъ, удовлетворяя союзныя и дружественныя правительства, оказывали активную помощь Сѣверо-Западной Арміи до тѣхъ поръ, пока русская Сѣверо-Западная Армія сражалась противъ военныхъ силъ правительства совѣтской Россіи. Но когда въ теченіи послѣднихъ недѣль подъ давленіемъ войскъ совѣтской Россіи, Сѣверо-Западная Армія, дезорганизованная и деморализованная отошла къ границамъ Эстоніи въ раіонъ позицій нашей арміи, возникъ серьезный вопросъ для Правительства и Главнокомандованія Арміи, а именно возможно ли допустить, чтобы массы враждебныхъ и деморализованныхъ военныхъ наводнили бы тылъ эстонской арміи.

Чтобы оцѣнить важность этого вопроса съ точки зрѣнія Эстонскаго Правительства и Главнокомандованія Арміи, нужно принять во вниманіе, кромѣ привходящихъ обстоятельствъ, съ одной стороны характеръ и настроеніе Сѣверо-Западной Арміи, съ другой отношеніе Эстонской Арміи и народа къ Сѣверо-Западной Арміи.

Не надо забывать, что это бывшій Сѣверный Корпусъ, который служилъ основой для русской Сѣверо-Западной Арміи. Этотъ корпусъ былъ формированъ въ 1918 году во время нѣмецкой оккупаціи на средства и попеченіемъ оберкоммандованія.

Когда въ началѣ этого 1919 года, русскіе большевики начали военныя дѣйствія противъ Эстонской Республики, и заняли Псковскую область, Сѣверный Корпусъ былъ разбитъ при первомъ же столкновеніи съ красной арміей и былъ принужденъ отступать, чтобы спасти остатки своей арміи.

Тогда же нѣкоторыя воинскія части, подъ командованіемъ князя Ливена ушли въ Курляндію. Другой отрядъ, въ составѣ приблизительно 3500 человѣкъ спасся на Эстонскую территорію, гдѣ поступилъ подъ защиту Эстонской Арміи, которая побѣдоносно наступала. Поведеніе Сѣвернаго Корпуса на Эстонской территоріи была съ самаго начала подозрительнымъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Эстонская армія сосредотачивала всѣ свои силы для изгнанія со своей территоріи кровожадныхъ массъ большевиковъ, стали циркулировать слухи и появляться признаки, доказывающіе, что намѣренія командировъ Сѣвернаго Корпуса — было движеніе на Ревель съ цѣлью сверженія Временнаго Правительства затмѣвавшее феодальные элементы Прибалтійскихъ нѣмцевъ и при помощи этихъ же нѣмецкихъ элементовъ захватить власть въ

Эстоніи. Только благодаря энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ Эстонскимъ Главнокомандованіемъ и Временнымъ Правительствомъ, такія печальныя неожиданности были предотвращены. Въ то же время тотъ фактъ, что отряды Сѣвернаго Корпуса, находящіеся въ тылу эстонской арміи подъ ея защитой употребляли свое оружіе исключительно для грабежей въ деревняхъ и терроризированія жителей, способствовало возникновенію чувства обиды въ народныхъ массахъ.

Руководствуясь сильнымъ желаніемъ Союзныхъ и Дружественныхъ Правительствъ, Эстонское Правительство взяло на себя продовольствованіе Сѣвернаго Корпуса, подчиненнаго съ военной точки зрѣнія Главнокомандующему Эстонской Арміи. Этотъ послѣдній провелъ въ немъ надлежащую реорганизацію и помогъ ему образоваться въ боеспособную военную силу, такъ что весной 1919 года Сѣверный Корпусъ при помощи Эстонскихъ войскъ смогъ предпринять свою военную операцію противъ Петрограда. Тогда же генералъ Лайдонеръ, Главнокомандующій Эстонской Арміей сложилъ съ себя права командира Сѣвернаго Корпуса, который, развернувшись въ Сѣверо-Западную Армію, развивалъ свое побѣдоносное наступленіе къ востоку отъ Ямбурга, имѣя составъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ.

Къ сожалѣнію нужно признать, что командиры русской Арміи скоро показали неспособность къ поддержанію порядка и поднятію боеспособности ихъ Арміи, сообразно обстоятельствамъ. Такъ же они не сумѣли создать и поддержать въ тылу Арміи твердый государственный порядокъ. Недостаточно было терроризировать мирное населеніе. Нужно было понять стремленіе народа, пережившаго всѣ волненія революціи. У командировъ Русской Арміи не доставало здраваго смысла, чувства равновѣсія и хладнокровія, необходимаго государственнымъ людямъ. Но это были качества, которыхъ политическіе дѣятели и командиры арміи не выказали даже въ моментъ созданія Сѣверо-Западнаго Правительства послѣ крушенія первой операціи противъ Петрограда. Несостоятельность Сѣверо-Западной Арміи, какъ боеспособной силы и неспособность ея командировъ, какъ государственныхъ организаторовъ, выяснились съ наибольшей очевидностью въ моментъ окончательнаго крушенія Сѣверо-Западной Арміи послѣ ея послѣднихъ операцій противъ Петрограда.

Правительство Эстоніи, эстонскій народъ и армія, которая помогая Сѣверо-Западной Арміи и принимая участіе въ стратегической задачѣ, начала наступленіе противъ большевистской арміи въ раіонѣ Красной Горки и на Псковскомъ фронтѣ, убѣдились, что никакая помощь, ни танки, ни другой матеріалъ, щедро доставленный Сѣверо-Западной Арміи союзными и дружественными Державами, не могли придать ей боеспособность.

Однако, командиры Сѣверо-Западной Арміи, доказывая

свою несостоятельность какъ боеспособная сила, никогда не отказывались отъ ихъ высоко - политической игры.

Также признано, что русская Сѣверо - Западная Армія поддерживала сношенія съ русской Западной Арміей, которая подъ командованіемъ Бермонта принимала участіе во всѣхъ махинаціяхъ нѣмцевъ и балтійцевъ, а также въ военныхъ дѣйствіяхъ нѣмецкаго ландвера противъ эстонской республики. Одновременно, ясно для Эстонскаго Правительства, что даже командирамъ Сѣверо - Западной Арміи не были чужды германскія интриги, что установлено въ особенности судебнымъ слѣдствіемъ по дѣлу Сенатора Нейдгардта, который совмѣстно съ германскими военными попробовалъ прошлымъ лѣтомъ наладить прямое сообщеніе со Штабомъ Сѣверо - Западной арміи при помощи аэроплана.

Кромѣ того командованіе Сѣверо-Западной арміи назначало на отвѣтственные посты реакціонеровъ, дружественно расположенныхъ по отношенію нѣмцевъ и провозглашающихъ по отношенію окраинныхъ государствъ и ихъ народовъ возстановленіе Великой Россіи. Эти элементы выказывали глубокую враждебность по отношенію Балтійскихъ окраинныхъ государствъ и въ особенности по отношенію самостоятельности Эстоніи, какъ государства. Вслѣдствіе этихъ намѣреній даже русскіе солдаты стали выказывать враждебныя тенденціи по отношенію къ Эстоніи. Командиры Сѣверо-Западной Арміи, въ частности, открыто высказывали угрозы по адресу Эстоніи, утверждая, что послѣ взятія Петрограда они двинутся на Ревель.

Всѣ вышеуказанные факты извѣстны во всѣхъ подробностяхъ Эстонской Арміи, а также и широкимъ массамъ населенія. Это враждебное настроеніе русскаго имперіализма по отношенію къ независимости Эстоніи, какъ государства, всегда освѣщалось эстонской прессой, которая, благодаря всеобщему образованію населенія, имѣетъ большое вліяніе на умы арміи и народа.

Такимъ образомъ глубокое недовѣріе по отношенію къ Сѣверо - Западной арміи распространилось въ рядахъ эстонской арміи и въ массахъ населенія. До тѣхъ поръ, пока Сѣверо - Западная армія принимала участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ большевиковъ на русской территоріи, она разсматривалась, какъ союзная. Надѣялись, что даже, если Сѣверо - Западная Армія послѣ одержанныхъ побѣдъ пожелала бы повернуть свое оружіе противъ Эстоніи, мы всегда были бы въ состояніи защищаться противъ „бѣлыхъ“ войскъ русскихъ, также какъ это мы дѣлали противъ красныхъ войскъ. Эстонская Республика могла бы также надѣяться, что союзныя и Дружественныя Правительства на остались бы безразличными, видя русскихъ имперіалистовъ, повернувшихъ свое оружіе противъ Эстоніи. Теперь, когда русская Сѣверо - Западная армія, деморализованная и дезорганизованная отступила въ паникѣ, послѣ своей послѣдней экспедиціи противъ

Петрограда до границъ Эстонской республики, положеніе вещей сильно измѣнилось. Было бы безумнымъ самоубійствомъ, по мнѣнію раздраженнаго общества и эстонской арміи, разрѣшить такимъ дезорганизованнымъ и враждебнымъ массамъ перейти границы Эстонской Республики, а тѣмъ болѣе собраться въ тылу эстонской арміи, которой нужны всѣ ея силы для отраженія бѣшенныхъ атакъ военныхъ силъ русскихъ совѣтовъ.

Было очевидно для Эстонскаго Правительства, что пребываніе русской Сѣверо - Западной арміи въ тылу эстонской арміи вызвало бы бунтъ въ эстонской арміи, слѣдствіемъ чего было бы крушеніе нашего фронта, что вызвало бы смуты и безпорядокъ во внутренней жизни Республики и дало бы свободный доступъ большевистскому движенію въ Эстонію и оттуда на западъ.

Для предупрежденія всего этого Эстонское Правительство объявило порядокъ по которому всѣ воинскія части русской Сѣверо - Западной арміи, дезертирующія съ противобольшевистскаго фронта и спасающіяся на Эстонскую территорію были бы обезоружены. Личный составъ разоруженныхъ войскъ разсматривался бы, какъ иностранцы, подчиненные распоряженіямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Разоруженные отряды русской Сѣв. - Западной арміи были сосредоточены въ Вирскомъ уѣздѣ (Везенбергѣ) въ окрестностяхъ Нарвскаго фронта и размѣщены въ деревняхъ и имѣніяхъ, гдѣ они могутъ устроиться въ гигіеническихъ условіяхъ. Американская продовольственная Миссія взяла на себя удовлетвореніе Сѣв. - Западной Арміи продовольствіемъ, какъ она это дѣлала до сихъ поръ, такъ какъ Эстонская Республика не имѣетъ достаточнаго количества зерна для удовлетворенія насущныхъ нуждъ своего народа. Продовольствованіе русской Сѣв. - Зап. Арміи, какъ фактически и раньше, находится въ рукахъ американской продовольственной Миссіи.

Эстонскія военныя и гражданскія власти дѣлаютъ все, что они находятъ возможнымъ и нужнымъ сдѣлать. Имъ совершенно невозможно снабжать части русской Сѣв. - Запад. Арміи одеждой, т. к. Эстонское Правительство не имѣетъ ея въ достаточномъ количествѣ. Сверхъ того Сѣв. - Зап. Армія была богато снабжена продовольствіемъ и обмундированіемъ Союзными Дружественными Державами.

Эстонское Правительство отнюдь не намѣрено распустить въ данный моментъ личный составъ воинскихъ частей русской Сѣв.-Зап. Арміи, пока потребности зимней стоянки этого не потребуютъ.

Не исключена возможность того, что для предоставленія имъ возможности заработка, Эстонское правительство окажется принужденнымъ разсѣять ихъ по другимъ округамъ, т. к. принимая во вниманіе свой малый запасъ продовольствія, Эстонское Правительство не можетъ допустить, чтобы

столь большія массы кормились бы, не давая въ обмѣнъ свою работу. Сверхъ того, принимая во вниманіе настоящія обстоятельства и господствующее настроеніе въ Эстонской арміи и обществѣ, Эстонское Правительство никакъ не можетъ предположить, что до тѣхъ поръ пока политическія и военныя обстоятельства на территоріи Эстоніи этого не потребуютъ, оружіе было бы отдано Сѣв.-Зап. Арміи и она была бы реорганизована въ боеспособную часть.

При такихъ обстоятельствахъ Эстонское Правительство не можетъ упускать изъ виду, въ связи съ общей безопасностью своей страны, гарантіи, которыя могли бы быть даны признаніемъ независимости Эстонской Республики и обезпеченіемъ этой независимости въ будущемъ панрусскимъ правительствомъ Колчака и Деникина, подъ флагомъ котораго ведетъ борьбу Сѣв.-Зап. Армія съ одной стороны, и признаніемъ Эстоніи „de jure" Союзными и Дружественными Державами, или ихъ именемъ Верховнымъ Совѣтомъ.

Такое признаніе со стороны Союзныхъ и Дружественныхъ Правительствъ имѣло бы результатомъ слѣдующее: русскія Правительства совмѣстно съ русскими Арміями, поддерживаемыми Союзными и Дружественными Правительствами, не посмѣли бы повернуть оружіе противъ Эстонской Республики, и оно бы дало бы увѣренность эстонскимъ народу и арміи, увеличивъ энтузіазмъ послѣдней въ ея борьбѣ съ превосходными силами большевистскихъ войскъ, такое признаніе установило бы международныя отношенія Эстоніи, которая могла бы заключить соглашеніе съ сосѣдними балтійскими государствами объ организаціи единаго фронта противъ Совѣтской Россіи, Эстонія имѣла бы возможность улучшить свои финансы, консолируя свою внѣшнюю торговлю и легче получая военное снаряженіе.

Чтобы имѣть возможность ясно установить свое отношеніе къ остатку Сѣверо-Западной Арміи, или рѣшить, какое принимать участіе въ случаѣ ея реорганизаціи, Правительство Эстоніи принуждено просить Верховный Совѣтъ не отказать сообщить ему, согласенъ ли онъ признать независимость и автономію Эстоніи. Опредѣленное рѣшеніе этого вопроса со стороны Верховнаго Совѣта крайне необходимо Правительству Эстоніи въ данный моментъ, чтобы опредѣлить свои отношенія съ Правительствомъ Совѣтской Россіи.

Благодаря помощи Союзныхъ и Дружественныхъ Державъ, Эстонскій народъ велъ въ теченіе более года ожесточенную и кровавую борьбу съ превосходными силами большевиковъ. Народъ и Національная Армія сдѣлали сверхчеловѣческія усилія во имя идеи самостоятельности страны. Къ тому же два мѣсяца тому назадъ Совѣтское Правительство сдѣлало Эстонскому Правительству мирное предложеніе, открыто заявляя, что оно готово признать самостоятельность и автономію Эстоніи и отказаться отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій противъ него.

Принимая во вниманіе чрезвычайно тяжелое экономическое положеніе страны, послѣ болѣе чѣмъ пятилѣтней войны и принимая во вниманіе утомленность Національной Арміи и страстное желаніе народа освободиться отъ тяжелаго бремени постоянной войны, Правительство Эстоніи не можетъ отклонить это мирное предложеніе, не давши повода къ предположенію, что оно совершенно безразлично къ окончанію войны.

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, Правительство открыто заявило о своемъ рѣшеніи принять предложеніе Правительства Совѣтской Россіи и начать въ Юрьевѣ переговоры съ ея представителями.

Въ тоже время Эстонское Правительство объявило, что эти переговоры не имѣли цѣлью установленіе между Эстонской Республикой и таковой же Совѣтской Россіи мира въ полномъ смыслѣ этого слова, но лишь прекращеніе состоянія войны, тогда какъ всякія сношенія, дипломатическія, консульскія, почтовыя, а также путей сообщенія и торговыя должны были согласоваться съ принципами, принятыми Союзными и Дружественными Державами въ отношеніи Республики Совѣтской Россіи, такъ какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Эстон-Республика желала бы дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Союзными и Дружественными Державами.

По этимъ причинамъ Эстонское Правительство желало бы знать какъ можно скорѣй мнѣніе Верховнаго Совѣта по всѣмъ вышеизложеннымъ вопросамъ, дабы быть въ состояніи урегулировать справедливымъ образомъ свои отношенія къ Сѣв.-Зап. Арміи, а также принять твердую позицію въ мирныхъ переговорахъ съ представителями Совѣтской Россіи.

Дана въ Ревелѣ. 16-го Декабря 1919 года.

Премьеръ-Министръ (подпись) Теннисонъ.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ (подпись) Биркъ.

Приложеніе № 28.

Поѣздка Иванова черезъ Совдепію.

Еще одинъ интересный фактъ насчетъ присяжнаго повѣреннаго Н. Н. Иванова (Министра Общественныхъ работъ С.-З. Правительства).

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ пришло сообщеніе (смотри дальше), что Н. Н. Ивановъ перешелъ большевистскій фронтъ для слѣдованія въ Петроградъ. Какъ Ивановъ самъ заявлялъ, цѣль его перехода — привезти свою семью. Уѣзжая изъ Ревеля и будучи проѣздомъ въ Гельсингфорсѣ я остановился въ гостинницѣ, гдѣ въ листѣ проѣзжихъ я увидѣлъ подпись „Н. Н. Ивановъ, Министръ". Я заинтересовался этимъ и узналъ, что на этихъ дняхъ Н. Н. Ивановъ перешелъ финляндскую границу и долженъ на этихъ дняхъ прибыть въ Гельсингфорсъ, гдѣ онъ заказалъ себѣ номеръ въ гостинницѣ, гдѣ я

остановился. Комментаріевъ насчетъ Н. Н. Иванова никакихъ больше не надо, такой свободный проѣздъ бѣлаго министра безъ боязни разстрѣла черезъ Совдепію все ясно объясняетъ, а также ярко выявляетъ ту роль, которую онъ сыгралъ въ С.-З. Арміи.

ДОНЕСЕНІЕ КОНТРЪ-РАЗВѢДКИ.

Пять дней тому назадъ Н. Н. Ивановъ перешелъ черезъ фронтъ для слѣдованія въ Петроградъ. Какъ онъ говорилъ цѣль его перехода — привезти свою семью.

Подпись

Изъ частнаго разговора Н. Н. Иванова съ штабсъ-ротмистромъ Зиновьевымъ.

Въ частномъ разговорѣ со мною Ивановъ мнѣ говорилъ: „Я устроилъ переводъ I бригады ко 2-ой; я приказалъ Лайдонеру смѣстить Дзерожинскаго и назначить Родзянко; я далъ отставку Валю, я разгоню весь Штабъ Корпуса и сформирую новый". За точность выраженій не ручаюсь Шт.-Ротмистръ Зиновьевъ.

Приложеніе № 29.

Переводъ англійскаго оффиціальнаго письма, отъ 4 Августа 1919 г. генерала Гофъ къ Генералу Юденичу, сдѣланный въ Штабѣ генерала Гофъ и за личной его подписью, приложенный къ подлиннику на англійскомъ языкѣ.

Ваше Превосходительство,

Имѣя въ виду тѣ многочисленныя затрудненія, съ которыми Вамъ приходится бороться, посылаю Вамъ нижеслѣдующія замѣтки, дабы онѣ были бы на помощь Вамъ для борьбы съ недовольствіемъ и интригами, которыя существуютъ благодаря нынѣшнему печальному положенію злосчастной Россіи. Одновременно мнѣ хотѣлось бы лично Вамъ выразить полное удовлетвореніе Вашимъ отношеніемъ и лойальностью, съ которой Вы отвергли всякія попытки вовлечь Васъ въ политическія интриги. Мнѣ извѣстно изъ многихъ источниковъ, что крайнее неудовольствіе царитъ въ Сѣверо-Западной Арміи.

Главныя причины этого неудовольствія слѣдующія:

а) неприбытіе военнаго снаряженія изъ Англіи;

б) отсутствіе помощи отъ союзниковъ;

в) помощь, предложенная Германіей безъ вознагражденія;

г) прибытіе войскъ князя Ливенъ, хорошо снаряженныхъ нѣмцами;

д) эстонцы имѣютъ англійскіе сапоги и обмундированіе, тогда какъ русская Сѣверо-Западная Армія таковыхъ не имѣетъ.

Такъ какъ вышеуказанныя причины треній — безусловно результатъ незнанія истиннаго положенія вещей и раздуваются нѣмецкими или большевистскими интригами, то я счи-

таю необходимымъ вкратцѣ довести до Вашего свѣдѣнія нижеслѣдующіе пункты, отвѣчая по очереди на каждую жалобу:

а) Причины неприбытія военнаго снаряженія изъ Англіи были — аварія парохода, который, уже вышедшій въ море, долженъ былъ изъ-за порчи машинъ, возвратиться въ гавань и разгрузиться. Эти припасы теперь прибыли и, я думаю, что Вы сами согласитесь, въ очень короткій срокъ, принимая во вниманіе всѣ затрудненія морскихъ перевозокъ.

б) До моего прибытія Вамъ не было обѣщано никакой помощи. Вы тогда наступали и забирали припасы у большевиковъ, сердца Вашихъ людей были вѣрны и ихъ лица были обращены въ сторону врага.

Наше обѣщаніе помочь Вамъ, повидимому, развило мягкотѣлость среди людей. Заявленіе, что союзники совсѣмъ не помогаютъ русскимъ — явный вздоръ, т. к. списки снаряженія, отправленнаго къ Колчаку, Деникину (см. прил. А. Б. В.) ярко доказываютъ это.

Милліоны пудовъ, тысячи тоннъ, и колоссальное количество военнаго снаряженія уже получены русскими арміями.

До такой степени было велико напряженіе и до такой степени малы результаты, что врядъ ли общественное мнѣніе Англіи согласится нести такое бремя. Среди русскихъ есть многіе, которые, вмѣсто того, чтобы сражаться за свою Родину, стараются всѣми силами отрѣзать тѣ жизненныя струи помощи, которыя идутъ отъ союзниковъ.

Союзниковъ начинаетъ тяготить эта черная неблагодарность и, имѣя дома столько неразрѣшенныхъ проблемъ, нельзя ожидать, чтобы они позволили бы такое отношеніе къ себѣ.

в) Вы должны настоять, чтобы Ваши старшіе офицеры, а по возможности всѣ офицеры, прочли бы параграфы 116-7-8, 160-163-164, 165-170-171-179-198-201-2-3-4-5-6-8-288-259-292-293-483 Мирнаго Договора. Помощь и самопожертвованіе Великой Россіи въ первый годъ войны дало возможность нѣсколько лѣтъ спустя составить и подписать этотъ замѣчательный документъ. Великой Россіи въ тѣ дни союзники будутъ навсегда благодарны. Но мы уже болѣе чѣмъ возвратили нашъ долгъ натурой. Берегитесь, иначе тѣ самые элементы, которые были причиной законнаго неудовольствія въ русской Арміи, снова доведутъ бѣлыя силы Россіи до полнаго уничтоженія.

Германія взлелѣяла большевиковъ за счетъ человѣчества и ея руки обагряны кровью русскихъ.

Многіе русскіе командиры до такой степени тупоумны или коротки памятью, что уже открыто говорятъ о необходимости обратиться къ нѣмцамъ за помощью противъ воли союзныхъ державъ.

Скажите этимъ дуракамъ, чтобы они прочли бы Мирный Договоръ. Все, что Германія имѣетъ уже ею потеряно. Гдѣ находятся ея корабли для перевозки припасовъ, гдѣ находится ея подвижной составъ?

Когда союзники, огорченные ихъ неумѣніемъ и неблагодарностью прекратятъ помогать бѣлымъ частямъ, тогда, проведенное съ такимъ трудомъ кольцо, сдавливавшее красную Россію, лопнетъ. Какими путями могутъ германскія войска прибыть въ Мурманскъ, на Кавказъ, или на Колчаковскій фронтъ?

г) Нѣмцы снарядили войска Ливена крадеными припасами. Черезъ нѣсколько недѣль всѣ германскіе припасы должны быть даны намъ, а нѣкоторые изъ вашихъ офицеровъ до такой степени глупы что никакъ не могутъ сообразить, что Германія отнюдь не давала этихъ припасовъ изъ желанія помочь или отъ доброты сердечной, а потому давала, что знала, что эти припасы ею утеряны. Я приложилъ, въ видѣ отвѣта на *д, копію телеграммы, посланной маршаломъ Фошъ, генералу фонъ-деръ-Гольцу. Передайте Вашимъ офицерамъ эту радіотелеграмму и спросите у нихъ, куда они хотятъ итти на соединеніе съ нѣмцами? Кто будетъ распоряжаться германскими боевыми припасами? Желаютъ ли союза съ ничтожной кучкой юнкеровъ, которыхъ не признаетъ германскій народъ и которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ потопили весь міръ въ морѣ крови? Эта самая ничтожная кучка, когда ее заставили принять бой, ею же баллотированный, она стала пользоваться большевизмомъ и подводной войной.

Пріемы, которые заставили отшатнуться отъ нея всѣхъ порядочныхъ европейскихъ и азіатскихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и оставили Россію истекающею отъ ранъ. Тѣ изъ Вашихъ офицеровъ, которые жалуются вмѣсто того, чтобы сражаться, предлагаютъ исцѣлить эти раны при помощи нѣмцевъ же.

Понимаютъ ли эти недовольные, что они своими необоснованными и реакціонными рѣчами отталкиваютъ отъ своихъ же братьевъ крестоносцевъ весь демократическій міръ.

д) Тотъ маленькій фактъ, что Россія не смогла объединить Эстонію и Латвію въ одну демократическую единицу, затѣмъ двинуться сообща на красную Россію, не предвѣщая ничего хорошаго въ будущемъ для этого класса бѣлыхъ русскихъ, которые въ данную минуту обращаютъ во враговъ своихъ друзей и приводитъ въ уныніе всѣхъ желающихъ добра Россіи. Въ заключеніе я могу указать на то, какова бы ни была будущность Россіи, она во всякомъ случаѣ, будетъ демократическая. Только тѣ, которые ставятъ свою родину выше собственныхъ интересовъ и готовы сражаться и молча терпятъ нужду, будутъ имѣть отвѣтственное положеніе въ возрожденной Россіи и будутъ поддержаны союзниками.

Теперь настало время, чтобы ясно доказать, кто достоинъ управлять новой Россіей, которая, хотя и медленно эволюціонируетъ, но съ достаточной быстротой, чтобы ясно доказать, всѣмъ реакціонерамъ и узкимъ доктринерамъ, что для нихъ нѣтъ мѣста. Армія, находящаяся подъ Вашимъ командованіемъ имѣетъ возможность взять Петроградъ и этимъ

самымъ помочь матеріально другимъ Вашимъ болѣе значительнымъ Арміямъ, находящимся на полѣ брани. Укажите Вашимъ офицерамъ и солдатамъ, что всѣ раздоры и недовольствія должны быть поглощены однимъ желаніемъ взять Петроградъ.

Съ имѣющимися у васъ силами, подкрѣпленными аэропланами, боевыми припасами и танками, которыми Васъ снабжаемъ, и тѣми трофеями, которые будутъ взяты у непріятеля, Вы имѣете полную возможность взять Петроградъ. Но при существующемъ настроеніи Вашихъ офицеровъ наступленіе немыслимо. И, если не будетъ улучшенія въ этомъ направленіи и не будетъ выражено искреннее желаніе сплотиться на смертный бой съ большевиками, то мнѣ придется серьезно подумать о томъ, не лучше ли послать боевые припасы предназначенные для Васъ на другой фронтъ, гдѣ они будутъ использованы въ борьбѣ противъ большевиковъ, а не противъ Вашихъ друзей и сосѣдей.

Начальникъ всѣхъ Союзныхъ Военныхъ Миссій въ Финляндіи и въ Прибалтійскихъ Штатахъ,

Генералъ - Лейтенантъ ГОФЪ.

Гельсингфорсъ
4-го Августа 1919 года.

Приложеніе № 30.

Что обещаетъ красноармейцамъ царскій палачъ Родзянко.

На нашем фронте белогвардейцы выпускают к солдатам Красной Армии и населению различные листочки и даже приказы.

Прежде чем разбирать суть этих приказов, нужно посмотреть, кто ихъ подписываетъ.

Подписываетъ Родзянко. А кто такой Родзянко?

Родзянко генерал-майор царской службы и известен тем, что бил солдат „по мордам" (как любили говорить и делать офицеры царской армии).

Родзянко один из богатейших помещиков у коего крестьяне работали исполу: одну копну себе, а пять помещику Родзянко.

Родзянко один из крупнейших коннозаводчиков. Пока крестьяне пухли с голоду, да ломали себе шею на коннозаводчика и помещика Родзянко, Родзянко скакал себе в столице Англии — Лондоне, на тысячных рысакахъ, да брал всякие призы и награды.

Крестьяне стонали, крестьяне гибли от голоду, а помещик Родзянко веселился и сказал себе.

Солдаты ходили с окровавленными лицами от белых ручек царскаго офицера Родзянко, а Родзянко вытирал эти белые ручки надушенным носовым платком.

Вот какая сволочь смеет теперь обращаться к солдатам Красной Армии и трудовому населению.

Смеет еще писать приказы.

Что же он пишет в своих приказах. „Расходитесь, говорит, добрые люди на полевые работы, будет вам воевать".

Слова хоть куда. Только зачем же ты помещик, коннозаводчик и царский генерал - лезешь воевать с нами? .

Для пользы народной что ли воюешь?

Конечно нет.

Вернуть себе землельку, лошадок охота. Охота снова, чтобы тебе работали от солнца до солнца и ты бы скакал на рысаках, да призы брал, да кровавил солдатские лица.

Вон Родзянков приятель, князь Львов, который об'явил себя верховным правителем (а Родзянко у него генерал, бывший царский ротмистр Балахович—полковник) так тот тоже издает приказы. И в приказе № 1 повелевает всем крестьянам немедленно отдать землю помещикам и за вырубленные леса заплатить помещикам чистой копеечкой.

„Бросайте винтовки, поет генерал Львова Родзянко, идите поля обрабатывать, а потом все эти поля мы и заберем обратно себе, благородным российским помещикам". На темноту мужицкую хочет палач снова поймать русского крестьянина, чтобы снова роскошествовать на народном труде и горе.

Ну, а что дальше говорит Родзянко?

А кто, говорит не хочет поля обрабатыват, а хочет воевать, тот пускай добровольно переходит ко мне. У меня, дескать, армия не силой набранная, а добровольческая.

Опять брешет Родзянко.

В тех местах, гдѣ белые с Родзянкой еще находятся,они об'явили насильно мобилизацію всего населения. Вот—то и пошелъ крестьянин землю обрабатывать.

Вместо этого надели на него погоны, поставили над ним старыхъ унтер-офицеров да офицеров, заставили козырять всякой мерзости и погнали, как скот на убой, воевать за землю Родзянкину, за лошадей его за его, аспида и кровососа, привольную жизнь.

В одном из своих приказов Родзянко даже обещал тем, кто перейдет на его сторону, платить за сапоги и тому подобное.

В последнем приказе Родзянко насчет платы уже помалкивает. Почему же? Да потому, что уже врать нельза.

Спросите ка у любого перебежчика къ нам из Родзянкинской Армии что получили те изменники, которые прельстились Родзянкиными обещаніями и перешли в его разбойничью шайку.

Пишет Родзянко: Мы вам соберем „Учредительное Собрание". Чего учреждать то?

Помещичьи земли сейчас у трудового народа. По самым последним сведениям из всех помещичьих земль не разверстаны среди крестьян всего каких-нибудь десятъ процентов. Остальные девяносто в крестьянских руках.

И вот, спросите ка прямо у всяких Родзянкиных сынов: что они в своем учредительном собрании, этот порядок утвердят? Землю у крестьянских обществ оставят?

Конечно, нет. Они для того и хотят созвать это собрание, куда не пустят трудовой народ, как было в прежней Государственной Думе, чтобы земли да усадьбы вернуть себе.

Этот порядок утвердит Родзянкино учредительное собрание?

Как бы не так! Родзянко и воюет сейчас и хочет созвать свое собраніе, чтобы вернуть капиталистам отобранное у них народом.

Народ уже решил давно: фабрики и земли и свобода— мои. А раз вы белогвардейцы, помещики и капиталисты, идете со всякою рванью вернуть себе землю и фабрики и снова давить народ — так мы вам этого дела не позволим, мы драться с вами будем и отстоим себя.

Трудовой народ и без Родзянки знает, что война для народа не мед. Четыре года вот такие мерзавцы, как Родзянко, кричали трудовому народу: бей немцев, а сами набивали себе мошну.

Родственник, между прочим, генерала Родзянки, председатель последней Государственной Думы Родзянко, тоже богатейший помещик, всего больше кричал: „воевать до конца". А сам занимался тем, что по сумасшедшимъ ценам ставил для армии гнилые болванки. Это дельце открылось, года полтора тому назад. А сколько осталось неоткрытых дел у этих кровососов, гнавших народ на убой, чтобы самим обжираться и наживаться.

Не для наживы сейчас воюет Красная Армия, не для того чтобы захватывать чужие земли.

От помещиков и капиталистов русских и иностранных должны отбиваться русские крестьяне и рабочие.

Давай наши земли, наши фабрики, наши деньги, усадьбы, кричит эта оголтелая сволочь. Давай снова буду бить тебя по зубам. Покорись мне, а не то лютой смертью изведу тебя.

Как бы не так.

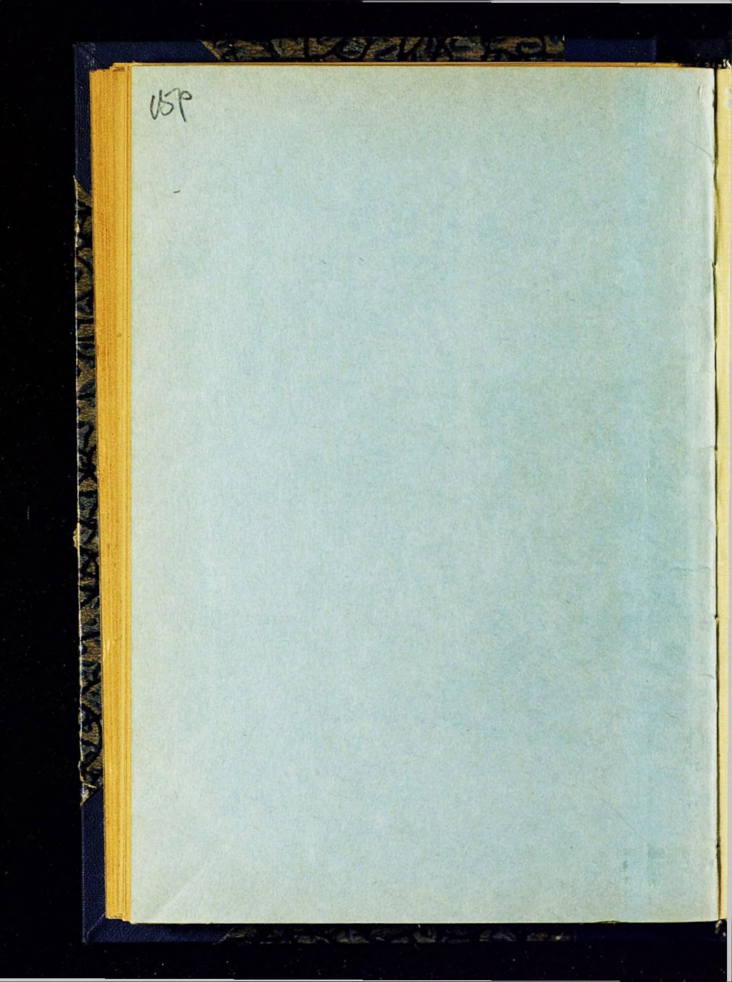
Ударим-ка на этих гадов, на Родзянку и его помощников, на нового верховного правителя, самозванца, князя сиятельнаго Львова. Ударим так, чтобы они и забыли думать о том, чтобы покорить великий освободившийся народ, чтобы они отказались от народа, который начал революцию— Красного Петрограда!

Политотдел 7-й армии.

Buchdruckerei und Verlagsanstalt „PRESSE“ G. m. b. H.
Berlin SW 19, Leipziger Strasse 59.
Печатано въ Типографіи Общества „ПРЕССА“
Берлинъ, Лейпцигеръ Штрассе 59.

5

15p

